ЗАПАДНЫЯ МИССІИ

ПРОТИВЪ

ТАТАРЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ

И ОСОБЕННО ПРОТИВЪ

ТАТАРЪ-МУХАММЕДАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВОСПИТАННИКА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Николая Красносельцева

НА СТЕПЕНЬ

МАГИСТРА БОГОСЛОВІЯ.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

1872.

ЗАПАДНЫЯ МИССІИ

ПРОТИВЪ

ТАТАРЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ

И ОСОБЕННО ПРОТИВЪ

ТАТАРЪ-МУХАММЕДАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВОСПИТАННИКА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Николая Красносельцева

НА СТЕПЕНЬ

МАГИСТРА БОГОСЛОВІЯ.

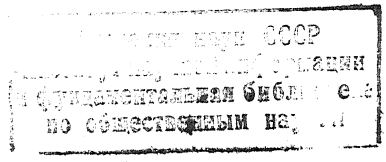
КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1872.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Печатано по опредѣленію совѣта казанской духовной академіи.



ВВЕДЕНІЕ.

Забота о распространеніи Евангелія между всѣми народами постоянно была одною изъ самыхъ главныхъ заботъ христіанской Церкви во всѣ времена ея существованія. Апостолы всю свою жизнь посвятили дѣлу просвѣщенія невѣрующихъ свѣтомъ евангельскаго ученія и во многихъ мѣстахъ насадили христіанскую вѣру на незыблемомъ основаніи. Послѣ апостоловъ въ христіанской Церкви никогда не было недостатка въ людяхъ, которые также посвящали свою жизнь миссіонерской дѣятельности и рѣшались на всевозможныя лишенія и опасности для того только, чтобы по возможности разсѣять религіозное невѣдѣніе между людьми и такимъ образомъ уничтожить нравственное развращеніе и всѣ вообще безпорядки, обыкновенно порождаемые ложными религіозными воззрѣніями. Не вѣроисповѣдное тщеславіе руководило этими людьми, не религіозная нетерпимость побуждала ихъ заботиться объ исправленіи религіозныхъ убѣжденій людей часто совершенно имъ чуждыхъ, а духъ всеоблемлющей христіанской любви,—тотъ духъ, который побуждаетъ христіанина смотрѣть на всѣхъ людей какъ на своихъ братьевъ, который внушаетъ христіанину желаніе, чтобы всѣ люди пользовались высокими благами, доставляемыми христіанской религіей. Только этотъ духъ самоотверженной христіанской любви можетъ сообщать человѣку силу выносить всѣ лишенія, преодолѣвать всѣ препятствія, какія обыкновенно представляются на поприщѣ миссіонерской дѣятельности и достигать благопріятныхъ результатовъ. Исторія распространенія христіанства можетъ представить множество фактовъ въ подтвержденіе того, какъ плодотворна бываетъ миссіонерская дѣятельность, если она всецѣло проникнута духомъ христіанской любви и совершенно чужда

мірскихъ цѣлей. Изъ исторіи видно, что, по крайней мѣрѣ, до X вѣка нерѣдко были обращенія массами и цѣлыми національностями. Въ это время явились и утвердились многія великія національныя церкви, обратились въ христіанство многія великія націи, напримѣръ, германцы, славяне и др.

Со времени раздѣленія церквей успѣхи христіанской миссіи сдѣлались менѣе замѣтными, хотя недостатка въ вѣропроповѣдникахъ не было. Какъ восточная, такъ и западная церкви продолжали ревновать о распространеніи христіанской вѣры. Но тогда какъ скромная миссія восточной церкви совершалась въ тиши, мало говорила о себѣ и о своихъ успѣхахъ, хотя эти успѣхи были довольно значительны,—шумная пропаганда западнаго христіанства повсюду трубила о своихъ побѣдахъ, дѣйствительность которыхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заподозривается. Нынѣ многіе съ упрекомъ указываютъ востоку на ревность западнаго христіанства къ распространенію своей вѣры и и на огромные будтобы успѣхи западной пропаганды между невѣрными. Дѣйствительно, недостатка въ ревности на западѣ не было. Латиняне и протестанты постоянно высылали своихъ миссіонеровъ во всѣ части свѣта. Эти миссіонеры проникали въ самыя отдаленныя страны, неутомимо проповѣдывали ученіе Христово, пренебрегая всевозможными лишеніями и опасностями. Однако съ тѣхъ поръ не обращено къ христіанству ни одной націи въ цѣломъ ея составѣ, не основано ни одной національной церкви, подобной тѣмъ, какія возникали въ древности вслѣдствіе трудовъ древнихъ миссіонеровъ. Частныя обращенія и иногда довольно значительныя были, но они никогда не были прочны, не производили почти никакого существеннаго улучшенія въ общемъ настроеніи народовъ. Китай, Японія, Индія, Турція издавна служили предметомъ миссіонерскихъ операцій католическихъ и протестантскихъ и однако до сихъ поръ эти страны коснѣютъ въ томъ же невѣріи, въ какомъ нашли ихъ первые миссіонеры. Христіане составляютъ тамъ нѣчто въ родѣ иноземныхъ колоній, состоящихъ болѣе изъ иностранныхъ поселенцевъ, чѣмъ изъ обращенныхъ туземцевъ.

Миссіонерскія отношенія западныхъ христіанъ къ племенамъ извѣстнымъ подъ именемъ *татаръ* (1) представляютъ съ этой стороны одну изъ особенно интересныхъ и поучительныхъ страницъ въ исторіи западной церкви. Явившись въ Азіи и Европѣ въ качествѣ всемірныхъ завоевателей, татары вскорѣ заняли среди народовъ того времени такое положеніе, что вызвали къ себѣ особенное вниманіе со стороны западныхъ христіанъ. Папы, занятые въ то время священною войною съ мухаммеданами, вскорѣ поняли, какую выгоду можно извлечь изъ союза съ татарами, особенно изъ союза религіознаго, основаннаго на ихъ обращеніи въ латинство, для войны съ мухаммеданами и начали употреблять всевозможныя усилія къ ихъ обращенію. Тысячи латинскихъ миссіонеровъ устремились къ татарамъ, ревностно и неутомимо трудились между ними почти съ самаго начала появленія ихъ на сценѣ исторіи. И однако христіанство сдѣлало между татарами самые незначительные успѣхи, несмотря на то, что они были въ то время еще *язычниками* и не имѣли никакой особенной склонности къ мухаммеданству и кромѣ того имѣли даже съ политической точки зрѣнія интересъ быть въ союзѣ съ христіанами за-

(1) Названіе *татаръ* не есть точное родовое названіе какой-нибудь народной группы; оно, какъ прежде употреблялось, такъ и нынѣ употребляется неправильно и произвольно. Въ средніе вѣка это названіе было собирательнымъ именемъ, которое усвоялось многимъ совершенно различнымъ по языку и происхожденію племенамъ, и имѣло значеніе подобное тому, какое древніе соединяли съ названіемъ *скифъ*, *варваръ*. Въ настоящіе время значеніе этого названія менѣе обширно: *татарами* нынѣ называются инородцы *тюркскаго* племени, обитающіе большею частію въ Россіи. Это послѣднее словоупотребленіе еще болѣе произвольно, чѣмъ среднековое. По изслѣдованіямъ ученыхъ, названіе *татаръ* (китайская форма: *татань*) первоначально было спеціальнымъ названіемъ одного изъ монгольскихъ племенъ, обитавшаго въ сѣверо-восточной Азіи и отличавшагося особенною храбростію и свирѣпостію. Со временъ Чингизъ-хана, первое и самое страшное войско котораго принадлежало къ этому племени, названіе *татаръ* стали прилагать вообще ко всѣмъ монголамъ, а потомъ, по китайскому обычаю—называть народъ и страну по имени царствующей династіи, это названіе перенесли и на всѣ покоренные Чингизъ-ханомъ и входившіе въ составъ его имперіи народы. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи. Русскій переводъ Семенова. стран. 178, 678 и слѣд. Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. Ильминскаго. Казань. 1862. стран. 12—13.

нада. Здѣсь западно-христіанское миссіонерство явилось и дѣйствовало въ одно время съ мухаммеданской пропагандой и оказалось менѣе успѣшнымъ, чѣмъ эта послѣдняя. Съ обращеніемъ же татаръ къ мухаммеданству дѣло христіанской миссіи между ними сдѣлалось еще болѣе труднымъ и было наконецъ совершенно оставлено. Въ новое время среди татаръ пытались трудиться миссіонеры латинскіе и протестантскіе, снабженные большими матеріальными средствами и хорошо подготовленные, но опять безуспѣшно.... Какая же причина этой безуспѣшности? Безплодность ли почвы, или неискусство миссіонеровъ, или другія какія обстоятельства? Изучить это грустное явленіе очень важно и полезно, особенно, въ виду того обстоятельства, что значительная часть татаръ занимаетъ русскую территорію и съ довольно давняго времени составляетъ предметъ русской православной миссіи.

Приступая къ обозрѣнію дѣятельности западныхъ миссіонеровъ среди татаръ, мы имѣемъ въ виду прежде всего собрать въ одно цѣлое разрозненные и необъединенные еще до сихъ поръ факты и потомъ, сколько возможно, оцѣнить ихъ по достоинству, показать ихъ истинное значеніе. Чтобы достигнуть этой цѣли, мы будемъ излагать исторію западныхъ миссій противъ татаръ въ связи съ общей исторіей западнаго миссіонерства. А такъ какъ каждый частный фактъ всегда заимствуетъ значительную долю своего характера отъ общихъ условій своего существованія, то въ этой исторіи мы и будемъ искать ключа къ истинной оцѣнкѣ дѣятельности западныхъ миссіонеровъ среди татаръ, къ разгадкѣ тайны ея успѣховъ и безуспѣшности. Такимъ образомъ, можетъ быть, хотя отчасти, хотя только съ отрицательной стороны выяснится еще очень неясно сознаваемый нынѣ идеалъ истиннаго противумухаммеданскаго миссіонера.

Вся исторія западнаго миссіонерства послѣ раздѣленія церквей удобно раздѣляется на два довольно большіе періода: періодъ *средневѣковый*—до реформаціи и періодъ *новый*—съ реформаціи до нашихъ дней. Западное миссіонерство обоихъ этихъ періодовъ отличается одно отъ другаго, хотя и несущественно, главнымъ образомъ только по характеру своихъ внѣшнихъ проявленій и по силѣ напряженія, но тѣмъ не менѣе довольно рѣзко. Средневѣковыя западныя

миссіи не были строго организованы; новыя же были организованы съ высшей степени стройно и строго. Средневѣковыя миссіи характеризуются военнымъ насиліемъ и дипломатическими интригами, новыя же—іезуитствомъ. Эти и подобныя черты западнаго миссіонерства вообще необходимо должны были отразиться въ частности и на миссіонерствѣ противутатарскомъ. Поэтому западныя миссіи противъ татаръ мы въ своемъ изложеніи раздѣлимъ на два отдѣла: на миссіи *средневѣковыя* и миссіи *новыя* и будемъ разсматривать ихъ въ связи съ общимъ состояніемъ миссіонерскихъ методовъ и средствъ на западѣ въ данную эпоху.

При составленіи настоящаго историческаго очерка, мы старались по возможности основываться на первичныхъ источникахъ, на различныхъ современныхъ описываемымъ событіямъ документахъ и историческихъ извѣстіяхъ.

Для средневѣковаго отдѣла такими источниками служили для насъ:

1) Переписка папъ и европейскихъ государей съ татарскими ханами. Эта переписка помѣщена частію въ сочиненіи Одорика Райнальда, продолжателя Баронія: Annales ecclesiactici (изд. 1738—1750. Lucae), частію въ сочиненіи Ваддинга: Annales Minorum (изд. 1642—1648. Lugduni. I—VII). Въ этихъ сочиненіяхъ письма папъ, государей и хановъ приводятся въ различныхъ мѣстахъ при разсказѣ о сношеніяхъ упомянутыхъ лицъ между собою. Изъ сочиненій Райнальда и Ваддинга эта переписка была выбрана Мозгеймомъ и издана имъ въ приложеніи къ его сочиненію: Historia Tartarorum ecclesiastica (1741. Helmst). Здѣсь напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, почти всѣ письма папъ, европейскихъ государей, татарскихъ хановъ и другихъ лицъ, относящіяся къ исторіи взаимныхъ отношеній татаръ и христіанъ въ средніе вѣка. Этимъ изданіемъ Мозгейма мы по преимуществу и пользовались, по мѣстамъ дополняя его другими письмами опущенными у Мозгейма, но помѣщенными у Райнальда или Ваддинга.

2) Разныя записки миссіонеровъ и путешественниковъ, бывшихъ въ то время у татаръ, какъ то: Плано-Карпини, Асцелина, Рубруквиса, Марко-Поло и другихъ. Подлинный текстъ этихъ путешествій былъ изданъ Бержерономъ и его изданіе до сихъ поръ считается лучшимъ, но мы не имѣли

его подъ руками и пользовались большею частію русскими переводами и изложеніями, именно: Путешествіями Плано-Карпини и Асцелина мы пользовались по переводу Языкова (Путеш. къ татарамъ 1825 г. съ подлиннымъ текстомъ), Путешествіемъ Марко-Поло по переводу въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей 1862 и 1863 г. Путешествіемъ Рубрукквиса мы пользовались по довольно подробному и обстоятельному изложенію его въ статьѣ: „Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію“ (переводъ Шемякина изъ книги: Länder und Volkerkunde in Biographien v. Külb, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей 1864) и по выдержкамъ изъ него у разныхъ церковныхъ историковъ, по преимуществу у Флери.

Для новаго періода и именно для исторіи латинской миссіи въ Крыму источниками служили нѣсколько миссіонерскихъ писемъ, помѣщенныхъ въ изданіи Aimè-Martin'a: Lettres edifiantes et curieuses (Paris. 1838—43. I—IV); для исторіи протестантскихъ миссій—миссіонерскія письма, помѣщенныя въ періодическомъ миссіонерскомъ изданіи 1804—1807 г. „Nachrichten von der Ausbreitung des Reiches Jesu (t. I—V); извѣстія полнаго собранія законовъ и другія.

Кромѣ указанныхъ источниковъ немаловажными пособіями для насъ служили разныя историческія сочиненія общаго и частнаго содержанія, напр.: Blumhardt, Versuch einer allgemeinen Missionsgeschichte (t. I—III. Basel. 1828—37); Henrion, Histoire general des missions catholiques (t. I—II. Paris. 1848); *Мишо*, Исторія крестовыхъ походовъ (рус. пер.); Fleury, Histoire ecclesiastique; Schröck, Christliche Kirchengeschichte, и многія другія, указанныя ниже.

I.

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЗАПАДНЫЯ МИССІИ ПРОТИВЪ ТАТАРЪ.

Общій характеръ миссіонерства на западѣ въ средніе вѣка.

Въ то время, когда татары пришли въ соприкосновеніе съ западною Европою и сдѣлались предметомъ западнаго миссіонерства, это послѣднее сложилось уже въ опредѣленный типъ и имѣло опредѣленный образъ, въ которомъ вполнѣ отражались основныя тенденціи западной церкви. Стремленіе къ преобладанію и ко всемірному господству сдѣлалось характеристическою чертою дѣятельности римскихъ епископовъ уже съ VII и VIII вв. Поэтому съ этого же времени и римское миссіонерство сдѣлалось орудіемъ для распространенія единственно почти папской власти. Уже съ VII в. миссіонеры не-римскіе не пользовались въ Римѣ никакимъ уваженіемъ; ихъ трудамъ здѣсь не придавали никакого значенія. Съ римской точки зрѣнія всѣ эти миссіонеры, въ значительной степени распространившіе Евангеліе въ сѣверной и средней Европѣ, жестоко ошибались, проповѣдуя *вселенское* христіанство, а не изключительно *римское*. Эту ошибку Римъ считалъ столь важною, что обращенныхъ этими ирландскими и шотландскими миссіонерами называлъ не иначе, какъ *язычниками* и посылалъ къ нимъ своихъ миссіонеровъ, монаховъ бенедиктинскаго ордена, съ полномочіемъ обращать этихъ язычниковъ къ ученію римской церкви. Поэтому хотя римскія миссіи VII, VIII и слѣдующихъ вѣковъ и назывались миссіями для обращенія въ христіанство язычниковъ, но не язычники были предметомъ ихъ заботъ, а борьба съ мѣстнымъ клиромъ и вытѣсненіе мѣстныхъ

обычаевъ; язычники же были у нихъ на послѣднемъ планѣ; обращеніемъ ихъ они не занималиеь почти вовсе (1). Бонифацій, прославленный апостолъ германцевъ, былъ миссіонеръ именно такого рода. Онъ „всячески старался обходить страны заселенныя язычниками и усиливался дѣйствовать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было уже насаждено христіанство и гдѣ оно значительно укрѣпилось“... Объ обращеніи же язычниковъ онъ говорилъ, „что ничего не можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать безъ помощи короля франковъ, что онъ самъ не можетъ запретить идолослуженія“ (2). Такимъ образомъ западное средневѣковое миссіонерство, стремясь почти изключительно только къ распространенію власти папы и римскихъ обычаевъ, кромѣ того лучшимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей считало грубое насиліе и не иначе думало ихъ достигнуть, какъ при помощи военной королевской власти. Вслѣдствіе этого средневѣковая западная миссія какъ противъ язычниковъ, такъ и противъ мухаммеданъ выразилась главнымъ образомъ въ формѣ военнаго насилія и совершенно почти утратила христіанскій характеръ. Латинскіе миссіонеры отнюдь не гнушались насильственными мѣрами и мечъ замѣнялъ у нихъ любвеобильное евангельское слово, а проповѣдь евангельская уступала мѣсто проповѣди о папѣ. Религіозная война, предпринятая съ цѣлію распространенія христіанства и папской власти, была на западѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Обратить въ христіанство въ то время значило *завоевать, олатинить* и даже совершенно уничтожить національность языческаго и слѣдовательно непріязненнаго народа. Язычникъ и еретикъ не имѣли права жить: они должны были или принять латинство со всѣми его обрядами и подчиниться папѣ, или умереть. Войны Карла великаго съ саксами имѣли именно такой характеръ: онѣ были ведены не съ цѣлію только усмирить и поработить безпокойныхъ язычниковъ, но и обратить ихъ въ христіанство. Карлъ заключалъ мирные договоры съ своими врагами не иначе, какъ подъ условіемъ принятія христіанства. Когда саксы наконецъ были принуждены покориться Карлу, то вмѣстѣ съ подданствомъ они должны были принять хри-

(1) Христ. чтен. 1870 г. янв. стр. 88.
(2) Тамже, стр. 93. 95.

стіанство и подъ страхомъ смертной казни исполнять всѣ христіанскіе обязанности и обряды (1).

Правда сами же современники могли видѣть ненадежность этого метода распространенія и утвержденія христіанства, но это не приводило ихъ къ отрицанію его, а только къ сознанію необходимости усилить насильственную пропаганду пропагандою проповѣди и наставленія. Знаменитый Алкуинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ о саксахъ, что ихъ „обращеніе, повидимому, и до сихъ поръ не удостоилось благодати и потому многіе изъ нихъ остаются погрязшими вмѣстѣ съ діаволомъ въ мерзостяхъ отвратительныхъ обычаевъ“ (2). Такая малоуспѣшность насильственнаго метода обращенія въ христіанство должна была, повидимому, привести Алкуина къ сознанію его негодности, однакожъ на дѣлѣ видимъ иное. Этотъ ученѣйшій мужъ своего времени не только не порицаетъ Карла за его насильственныя мѣры въ обращеніи саксовъ, но напротивъ не знаетъ, какъ его восхвалить. Плохіе результаты этихъ мѣръ побуждаютъ его только посовѣтовать Карлу призвать на помощь пастырское наставленіе, на которое, какъ видно, до сихъ поръ онъ не обращалъ надлежащаго вниманія. „Теперь,—говоритъ Алкуинъ,—ваше премудрое и богоугодное благочестіе должно позаботиться о пріисканіи для новаго народа проповѣдниковъ благочестивыхъ, свѣдущихъ въ наукѣ св. вѣры и проникнутыхъ евангельскими правилами: пусть они подражаютъ въ проповѣди слова Божія св. апостоламъ“ (3). Такимъ образомъ, по средневѣковому методу латинскаго миссіонерства, язычниковъ сначала принуждали оружіемъ согласиться принять христіанство, а потомъ уже наставляли въ истинахъ вѣры. Убѣжденіе въ ложности язычества и истинности и превосходствѣ христіанства здѣсь не имѣло никакого мѣста. Язычникъ дѣлался христіаниномъ, не имѣя о христіанствѣ никакого понятія и, принявъ новое названіе, оставался такимъ же язычникомъ. Латинская церковь такимъ образомъ насильно захватывала и насильно удержива-

---

(1) Стасюлевичъ. Истор. средн. вѣк. т. II. стр. 73: Подербонскіе капитуляріи §§ 1, 2, 3, 4, 5, 7.

(2) Стасюлевичъ. Истор. средн. вѣк. т. II. стр. 74.

(3) Ibid. стр. 75.

ла въ своихъ нѣдрахъ полныхъ язычниковъ. Послѣдующее наставленіе конечно исправляло до нѣкоторой степени зло, но не уничтожало его совершенно.—Этотъ насильственный способъ религіозной пропаганды, столь блистательно приложенный къ дѣлу Карломъ великимъ, былъ еще блистательнѣе, хотя далеко не такъ успѣшно, приводимъ въ дѣйствіе въ XII и въ послѣдующіе вѣка для обращенія мухаммеданъ. Западная противумухаммеданская миссія выразилась главнымъ образомъ въ формѣ военнаго насилія, въ формѣ религіозныхъ крестоносныхъ войнъ. Эти войны имѣли тотъ же самый характеръ, какъ и войны Карла великаго противъ саксонцевъ и аваровъ. Недаромъ предъ началомъ крестовыхъ походовъ многіе изъ западныхъ христіанъ видѣли тѣнь Карла великаго, убѣждавшую сражаться съ невѣрными (1).

Что крестоносцы имѣли цѣлію не только ослабить политическое могущество мухаммеданъ и завоевать св. землю, но и обратить ихъ въ христіанскую вѣру,—это видно какъ изъ исторіи самыхъ крестовыхъ походовъ, такъ и изъ многихъ современныхъ имъ обстоятельствъ, доказывающихъ, что для западныхъ христіанъ того времени обратить какой-либо народъ къ христіанству значило покорить его и олатинить и вообще принудить силою къ принятію западныхъ обычаевъ. На эту цѣль указывали самые вожди крестоносцевъ. Такъ Людовикъ IX во время шестаго крестоваго похода, высадившись на берегъ Египта, предъ началомъ военныхъ дѣйствій послалъ египетскому султану Недженъ-ед-дину письмо, въ которомъ между прочимъ говорилось: „вы имѣете одно средство отвратить бурю, угрожающую вамъ: примите къ себѣ священниковъ, которые наставятъ васъ въ религіи христіанской; обратитесь къ ней и почтите крестъ: иначе я буду преслѣдовать васъ повсюду, и Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ, вы или я, останется владѣтелемъ Египта“ (2). Это письмо, естественно, не имѣло другаго результата, кромѣ высокомѣрнаго отвѣта, а война, послѣ того послѣдовавшая, кончилась для Людовика и крестоносцевъ самымъ несчастнымъ образомъ. Но тѣмъ не менѣе французскій король

---

(1) Мишо. Исторія крестов. поход. въ русск. перев. т. I. стр. 319.

(2) Макризи. Путь къ познанію правленія царей. Стасюлевичъ т. III. стр. 739.

продолжалъ и послѣ того, до самой своей смерти, ревновать объ обращеніи *невѣрныхъ*, предпринимая противъ нихъ новые походы, а относительно Туниса думалъ, что „если столь многочисленное и знаменитое войско (какое онъ снарядилъ) вдругъ явится предъ Тунисомъ, то едвали владѣтель его можетъ въ другой разъ представить своимъ сарацинамъ такой удобный предлогъ для крещенія, которое спасетъ отъ смерти какъ его самого, такъ и всѣхъ, кто пожелаетъ обратиться въ христіанство“ (1). Таковъ былъ взлядъ на цѣль крестовыхъ походовъ одного изъ доблестнѣйшихъ вождей крестоноснаго воинства. Людовикъ IX смотрѣлъ на нихъ какъ на религіозную миссію, какъ на миссіонерскіе походы въ видахъ обращенія мухаммеданъ къ христіанству. Этотъ взглядъ принадлежалъ впрочемъ не ему одному; его раздѣляли въ то время на западѣ всѣ, начиная съ папы и до послѣдняго виллана, и это было причиною того, что всякій разъ, какъ нужно было направить на путь истинный еретиковъ, или обратить къ христіанству язычниковъ, тотчасъ предпринимали крестовый походъ. Средневѣковая исторія представляетъ въ подтвержденіе этого немало фактовъ и притомъ очень крупныхъ. Такъ, когда явилась ересь альбигойцевъ и когда увѣщанія папскихъ легатовъ остались безплодными, то папа Иннокентій III-й объявилъ противъ нихъ крестовый походъ, слѣдствіемъ котораго была продолжительная война, страшное опустошеніе прекраснѣйшей страны, а главное —истребленіе ереси и возвращеніе еретиковъ въ нѣдра католической церкви (1209—1228). Спустя немного послѣ истребленія альбигойцевъ, папа Григорій IX въ 1232 г., по просьбѣ бременскаго архіепископа, пригласилъ епископовъ любекскаго, минденскаго и ратцебургскаго проповѣдывать крестовый походъ противъ штединговъ, небольшаго фризскаго племени, жившаго на берегахъ нѣмецкаго моря и обвиненнаго въ ереси. Этотъ походъ состоялся и еретики въ 1234 г. почти всѣ были истреблены (2). Около этого же времени началась крестовая война западныхъ рыцарей противъ сѣверныхъ язычниковъ. Въ это время утвердились на сѣверѣ Европы съ цѣлію постоянной борьбы съ языч-

(1) Стасюлевичъ. Ист. средн. вѣк. т. II. стр. 749, 750.
(2) Шлоссеръ. Всемірн. истор. т. 7. стр. 368—370.

никами и насажденія между ними христіанства ордена меченосцевъ и тевтонскій. Пруссы, литва, жмудь и другіе язычники, обитавшіе въ этихъ странахъ, въ продолженіе не одного столѣтія подвергались всѣмъ ужасамъ войны. Будучи не въ силахъ отстоять свои отеческія вѣрованія противъ напора стройно организованной силы рыцарей, ряды которыхъ постоянно пополнялись новыми пришельцами, стекавшимися со всѣхъ сторонъ пролить кровь свою въ священной борьбѣ, противъ рыцарей, на сторонѣ которыхъ были и самая строгая дисциплина, и военное исскуство, и религіозное одушевленіе, язычники частію погибли въ неровной борьбѣ, частію приняли христіанство и подверглись самому жестокому рабству.—При такомъ способѣ обращенія въ христіанство нельзя было и ожидать иного обращенія, кромѣ лицемѣрнаго. О Миндовгѣ литовскомъ лѣтописецъ говоритъ: „крещеніе его было льстиво, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ“ и проч. Такихъ льстивыхъ обращеній было много, и они не были, конечно, прочны. Новообращенные даже долго спустя послѣ своего обращенія оставались такими же язычниками, какими были и прежде. Отсутствіе духовнаго наставленія, жестокости и жадность рыцарей поддерживали этотъ безобразный порядокъ вещей (1). Всѣ эти факты показываютъ, что методъ насильственнаго обращенія въ средніе вѣка, несмотря на свою несообраз-

(1) Очень ярко обрисовываетъ характеръ орденскаго миссіонерства посланіе жмудиновъ, разослашихъ его въ 1399 г. по всѣмъ дворамъ Европы. «Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ,—говорятъ составители посланія,—выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ (тевтонскій) не ищетъ душъ нашихъ для Бога; онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ до того, что мы или должны ходить по міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя братьями, какъ смѣютъ крестить? кто хочетъ другихъ умывать—долженъ быть самъ чистъ. Правда, что пруссы покрещены; но они также ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже турковъ, и чѣмъ больше свирѣпствуютъ, тѣмъ больше похвалы получаютъ отъ ордена. Всѣ плоды земли нашей и ульи пчелиные рыцари у насъ забрали: не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли, сестеръ и дочерей силой увлек-

ность съ духомъ Евангелія, былъ господствующимъ и что крестовые походы были его внѣшнимъ выраженіемъ. Мы увидимъ далѣе, что насиліе было главною характеристическою чертою латинскаго миссіонерства не только въ XIII вѣкѣ, но и во всѣ почти слѣдующіе вѣка до послѣдняго времени.

Но методъ грубаго военнаго насилія невсегда могъ быть прилагаемъ къ дѣлу обращенія язычниковъ и мухаммеданъ даже въ средніе вѣка, когда папы могли свободно располагать для своихъ цѣлей властію западныхъ государей и оружіемъ западныхъ христіанъ. Изъ исторіи крестовыхъ походовъ извѣстно, что христіане, возбужденные папами, часто, несмотря на всѣ свои усилія, не могли успѣшно бороться съ мухаммеданами и терпѣли страшныя пораженія. Всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя ими на востокѣ во время перваго горячаго натиска, были мало помалу утрачены и всѣ попытки удержать оставшееся и возвратить потерянное были совершенно напрасны и кончились совершеннымъ уничтоженіемъ господства западныхъ христіанъ на востокѣ. Видя военное превосходство мухаммеданъ предъ христіанами, ихъ могущество, храбрость и искусство, папы часто совершенно отчаявались въ успѣхахъ своего воинственнаго миссіонерства и принуждаемы были прибѣгать для обращенія невѣрныхъ къ другому методу, который они и употребляли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда употребленіе перваго, очевидно, было невозможно или крайне неудобно. Этотъ методъ, правда, въ сущности былъ тотъ же, что и первый, но отличался отъ него внѣшнею благовидностію. По формѣ онъ былъ увѣщательный и состоялъ въ томъ, что папы посылали съ увѣщательными письмами своихъ легатовъ къ государямъ тѣхъ народовъ, которыхъ хотѣли обратить въ христіанство, но въ содержаніи этихъ посланій и въ образѣ дѣйствій легатовъ проглядывали тѣже властолюбивыя тенденціи папскаго престола и тѣже старанія насильственно вынудить принятіе латинства, которыя проявились и въ кре-

---

ли,—а еще крестъ святый на платьѣ носятъ! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе. Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію». (Крестоносцы и Литва. Соловьева. Отеч. зап. 1852 г. іюль. стр. 60—61)

стовыхъ войнахъ, и такимъ образомъ, по сущности, это былъ методъ, такъ сказать, *насильственно-дипломатическій*. Актъ принятія христіанства здѣсь разсматривался не со стороны внутренней необходимости его для полученія вѣчнаго спасенія, а со стороны чисто внѣшней выгоды и принудительной неизбѣжности. Этотъ-то методъ изключительно и употреблялся папами по отношенію къ татарамъ, которые жили слишкомъ далеко отъ Рима и были слишкомъ сильны, чтобы сдѣлаться жертвою религіозно-воинственнаго пыла папскаго престола и западныхъ христіанъ. Но методъ этотъ употреблялся уже иногда и относительно турковъ, въ началѣ XIII вѣка и даже ранѣе, хотя, какъ и слѣдовало ожидать, вслѣдствіе своей несообразности съ духомъ Евангелія, всегда бузуспѣшно. Вопреки Евангелію, папы въ своихъ посланіяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ старались выставить на видъ свое могущество и высокое достоинство. Будучи не въ состояніи или не считая нужнымъ опровергать заблужденія мухаммеданъ и примѣнительно къ ихъ убѣжденіямъ доказывать истину христіанской вѣры, они трактовали о своемъ приматствѣ, о своихъ правахъ на господство надъ всѣми народами, грозили своимъ гнѣвомъ за упорство и обѣщали свое покровительство за повиновеніе. Эти угрозы и это высокомѣріе, конечно, встрѣчались мухаммеданами съ презрѣніемъ и насмѣшкою, и дѣло распространенія христіанства терпѣло отъ этого существенный вредъ. Такъ въ 1248 году папа Иннокентій IV, питавшій надежду на союзъ съ татарами, послалъ къ египетскому султану Меликъ-Салиху нѣсколько францисканцевъ съ письмомъ и съ порученіемъ склонить его къ принятію христіанской вѣры. Въ письмѣ папа убѣждалъ султана сдѣлаться христіаниномъ и просилъ его пропустить монаховъ къ татарамъ. Идти къ татарамъ чрезъ Египетъ было несовсѣмъ по пути да и излишне, потому что въ тоже самое время посланы были уже къ нимъ два другія посольства, одно подъ начальствомъ Плано-Карпини, другое подъ начальствомъ Асцелина. Очевидно, этою послѣднею просьбою папа хотѣлъ намекнуть султану на свои отношенія къ татарамъ, бывшимъ въ то время грозою государствъ Азіи и Египта, и такимъ образомъ придать болѣе вѣса увѣщаніямъ своего письма и голосу своихъ пословъ. Но отвѣтъ султана показалъ, что и эта угроза не подѣйствовала. Въ этомъ отвѣтѣ

33717.

относительно пропуска папскихъ пословъ къ татарамъ говорилось отъ лица султана, что это неудобно и что онъ не совѣтуетъ имъ предпринимать такое путешествіе, потому что дикость и жестокость татаръ такъ велики, что самъ антихристъ пролилъ бы слезы, если-бы увидѣлъ хотя только часть тѣхъ золъ, какія они причинили; что впрочемъ самъ султанъ нисколько ихъ не боится и далъ уже почувствовать имъ жаръ воспламененнаго ими огня; что въ этомъ же году татары сами посылали къ нему посланниковъ просить мира, но онъ не позволилъ имъ даже подойти къ своимъ дверямъ и поцѣловать прахъ своихъ ногъ (1). Очевидно что папская метода увѣщаній была далеко недостаточна: эти увѣщанія должны были основываться на многостороннемъ изученіи мухаммеданской религіи, а не на угрозахъ и политическихъ интригахъ. Они должны были дѣйствовать на разумъ, на нравственное и религіозное чувства мухаммеданъ, а не на ихъ житейскую и политическую разсчетливость. Запугать воинственныхъ турокъ было трудно, но подѣйствовать на ихъ религіозныя убѣжденія путемъ кроткаго и умнаго увѣщанія, безъ сомнѣнія, было возможно. Но этой возможности папы, казалось, вовсе и не подозрѣвали. Они, правда, не всегда убѣждали угрозами; иногда они, старались дѣйствовать на честолюбіе (2), иногда льстили обѣ-

(1) Odor. Raynald an. 1247 № 57, 58.

(2) Чрезвычайно замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Пія II къ Магомету II, писанное имъ во время приготовленій къ крестовому походу противъ турокъ въ исходѣ средневѣковаго періода, около 1460 года. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого письма: «если ты хочешь распространить свою власть надъ христіанами и сдѣлать свое имя еще болѣе славнымъ, то для этого не нужно ни золота, ни оружія, ни войска, ни кораблей. Самая малая вещь изъ всѣхъ, какія существуютъ, можетъ сдѣлать тебя величайшимъ, могущественнѣйшимъ и славнѣйшимъ. Ты спросишь, что это такое? это не трудно найти, не нужно далеко ходить, чтобы искать этого, это есть вездѣ,—это ничто иное, какъ маленькая капля воды, посредствомъ которой ты крестишься, обратишься въ христіанство и увѣруешь въ Евангеліе. Если ты это сдѣлаешь, то не будетъ на землѣ государя, который превзошелъ бы тебя славою и могъ сравняться съ тобою могуществомъ. Мы тебя провозгласимъ императоромъ грековъ и востока и тогда-то, чѣмъ ты завладѣлъ силою и удерживаешь не по праву,—будетъ твоимъ законнымъ владѣніемъ. Всѣ христіане будутъ тебя чтить и сдѣлаютъ тебя судьею своихъ споровъ. Многіе добровольно тебѣ подчинятся, явятся предъ твоимъ

Архив РАН СССР
Институт научной информации
Библиотека
по общественным наукам

щаніями, но тѣмъ не менѣе угроза была самымъ главнымъ доводомъ, она скрывалась и за обѣщаніями и за дружественными и льстивыми благожеланіями. Вездѣ у нихъ сквозило желаніе вынудить признаніе своего главенства и нигдѣ не видно было разумной попытки убѣдить въ истинѣ и превосходствѣ христіанства. Это было тоже насиліе, только въ болѣе мягкой формѣ, которой іезуиты впослѣдствіи дали видъ еще болѣе безукоризненный.

Если методъ грубаго военно-насильственнаго обращенія невѣрныхъ былъ приводимъ папами въ дѣйствіе посредствомъ крестоносцевъ-рыцарей и простыхъ вооруженныхъ соладатъ, то методъ дипломатическаго принужденія они прилагали къ дѣлу чрезъ посредство монаховъ, число которыхъ въ началѣ XIII в. увеличилось основаніемъ двухъ новыхъ орденовъ, францисканскаго и доминиканскаго. Монахи этихъ орденовъ, основанныхъ почти главнымъ образомъ съ миссіонерскими цѣлями, сдѣлались главными двигателями латинскаго миссіонерства, пока въ XVI в. іезуиты не пріобрѣли въ этомъ дѣлѣ пальмы первенства. Правда и до появленія этихъ орденовъ западные монахи бенедиктинскаго ордена не пренебрегали миссіонерскимъ дѣломъ: практическое направленіе

судилищемъ и будутъ платить тебѣ дань. И римская церковь не будетъ твоею противницею, если ты обратишься на путь истинный. Первый престолъ будетъ содержать тебя въ такой же любви, какъ и прочихъ государей и даже тѣмъ болѣе, чѣмъ возвышеннѣе будетъ твое положеніе. Подъ этимъ условіемъ ты можешь легко безъ борьбы и кровопролитія наслѣдовать многія царства.... Мы не стали бы подавать помощь противъ тебя, но напротивъ мы прибѣгали бы къ твоей помощи противъ тѣхъ, которые иногда похищаютъ права римской церкви, поднимаютъ рога твоей матери. Подобно своимъ предшественникамъ Стефану, Адріану, Льву, которые призывали Пипина и Карла великаго противъ Айстульфа и Дезидерія, царей лонгобардскихъ и, освобожденные отъ руки тирановъ, перенесли имперію отъ грековъ къ своимъ освободителямъ: такъ и мы въ затруднительныхъ обстоятельствахъ церкви прибѣгали бы къ твоему покровительству и подобнымъ же образомъ платили бы за благодѣяніе. О какая была-бы тогда полнота мира, каковъ былъ бы восторгъ народа христіанскаго, какая радость была бы на всей землѣ, возвратились-бы времена Августа, возобновились-бы тѣ времена, которыя поэты называютъ золотымъ вѣкомъ: тигръ жилъ-бы съ агнцемъ, телецъ со львомъ и пр.» Mahumet's Saracenorum principis vita ac doctrina Pars III. pag 62—63. Epistola Pii papae ad. Morbisano Turcorum principem pag. 62—98).

западнаго человѣчества вообще, христіанства и монашества въ частности—было причиною того, что миссіонерство было всегда однимъ изъ главнѣйшихъ и почетнѣйшихъ монашескихъ занятій. Но предъ началомъ и во время самыхъ крестовыхъ походовъ, во время небольшой темноты и варварства западное миссіонерство приняло такой характеръ, который не могъ благопріятствовать развитію истинно-евангельскаго миссіонерскаго метода, которымъ пользовались апостолы и древне христіанскіе проповѣдники. Францисканцы и доминиканцы явились до нѣкоторой степени возстановителями древняго метода миссіонерства, метода проповѣди и устнаго собесѣдованія. Ихъ появленіе было нѣкотораго рода протестомъ противъ грубаго насильственнаго метода обращенія. Но такъ было только сначала, пока между ними жива была память ихъ учителей и пока они не вошли вполнѣ въ папскіе планы и не усвоили себѣ папскихъ тендецій. Вскорѣ этотъ методъ нашелъ въ нихъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ: съ ними вмѣстѣ явилась инквизиція и сдѣлалась въ ихъ рукахъ страшнымъ орудіемъ противъ всего противнаго латинской ортодоксіи. Какъ бы то ни было, они со словомъ евангелія и папскими посланіями проникали всюду, куда ихъ не посылали, и обязанность проповѣдывать язычникамъ и мухаммеданамъ считалась ими самою почетною обязанностію. Основатель ордена миноритовъ Францискъ ассискій былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ миссіонеровъ и всячески старался сдѣлать такими же и своихъ послѣдователей. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ оставивъ домъ родительскій, онъ посвятилъ себя подвижнической жизни въ нищетѣ и проходилъ города, призывая людей къ покаянію. Молва о крестовомъ походѣ и надежда сдѣлать значительныя обращенія среди невѣрныхъ привлекли его въ Египетъ. Недовольный крестоносцами и побуждаемый пламенемъ вѣры, онъ вознамѣрился доставить ей торжество своимъ краснорѣчіемъ и единою силою евангелія: онъ подошелъ къ становищу враговъ и отдался въ плѣнъ сарацинамъ. Приведенный къ султану, онъ началъ смѣло убѣждать его принять крещеніе и въ доказательство истинности христіанской вѣры предлагалъ даже броситься въ горячій костеръ. Изумленный султанъ обошелся съ нимъ ласково и вмѣсто того, чтобы предать его смерти, какъ совѣтовали ученые, отпра-

вилъ назадъ въ лагерь христіанъ“ (1). Возвратившись въ Европу, онъ основалъ орденъ францисканцевъ или миноритовъ, которые, подражая своему учителю, поставляли дѣло миссіонерства на первомъ планѣ. Вскорѣ между ними явились мученики и исповѣдники. Такъ въ 1220 г. 5 францисканцевъ потерпѣли мученическую смерть въ Мороко и радость Франциска была безмѣрна. Доминиканцы, имѣвшіе первоначально главною цѣлію посредствомъ проповѣдей утверждать христіанство среди христіанскихъ народовъ, также простерли свою дѣятельность и на мухаммеданъ. Вскорѣ послѣ основанія своего ордена Доминикъ также послалъ своихъ послѣдователей миссіонерствовать въ Африку, гдѣ они трудились вмѣстѣ съ францисканами (2). Папы охотно поддерживали миссіонерскую ревность этихъ орденовъ, давали имъ многія привиллегіи и при всякомъ удобномъ случаѣ пользовались ихъ услугами для своихъ миссіонерскихъ и властолюбивыхъ цѣлей. Свои посланія къ мухаммеданскимъ и языческимъ государямъ они посылали съ монахами, которые своими увѣщаніями должны были подкрѣплять и усиливать папскія угрозы и убѣжденія. Въ 1252 г. Иннокентій IV составилъ изъ монаховъ этихъ двухъ орденовъ нѣчто въ родѣ миссіонерской корпораціи, давъ ей названіе „общество братьевъ путешественниковъ ради Іисуса Христа“. Это было первое миссіонерское общество, первая попытка дать миссіонерскому дѣлу видъ систематической и организованной пропаганды. Члены этой корпораціи избирались изъ двухъ орденовъ доминиканскаго и францисканскаго и всегда были довольно многочисленны для того, чтобы папа постоянно могъ имѣть подъ руками людей, готовыхъ идти съ папскимъ посланіемъ и евангельскою проповѣдію во всѣ страны міра. Главная обязанность этихъ пилигримовъ-миссіонеровъ, среди которыхъ были не одни простые монахи, но и епископы и архіепископы, имѣвшіе отъ папы огромныя полномочія, состояла въ томъ, чтобы путешествовать по языческимъ и мухаммеданскимъ землямъ и проповѣдывать латинскую вѣру. Изъ дипломовъ, данныхъ этому обществу разными папами видно, что члены его очень ревностно за-

(1) Мишо. Истор. крестов. поход. т. III. стр. 471—474.
(2) Henrion. Histoir. gener. des Miss. Cath. I. p. 9.

нимались исполненіемъ *папскихъ порученій* (1). Такимъ образомъ не было недостатка въ людяхъ, готовыхъ вести латинскую пропаганду гдѣ бы то ни было. Съ этой стороны миссіонерскія средства западной церкви были могущественны. Но съ другой стороны эти люди способны и готовы были вести только *латинскую* пропаганду, и въ этомъ заключалась слабая сторона латинскаго средневѣковаго миссіонерства. Убѣжденіе въ особенной годности насильственнаго метода обращенія въ христіанство язычниковъ и мухаммеданъ было такъ распространено и такъ безспорно въ то время, что никто почти не заботился объ изобрѣтеніи и усиленіи истинно-миссіонерскихъ и надежнѣйшихъ средствъ для успѣшнѣйшаго веденія дѣла обращенія невѣрныхъ. Отправляясь проповѣдывать мухаммеданамъ христіанство, латинскіе миссіонеры не имѣли часто даже самыхъ необходимыхъ знаній, которыя могли бы обезпечить успѣхъ ихъ проповѣди, ни знанія самаго мухаммеданства, которое имъ нужно было опровергать, ни даже языка, который долженъ былъ сдѣлать понятною для мухаммеданъ ихъ проповѣдь. Такая недостаточность подготовки тогдашнихъ миссіонеровъ бросалась въ глаза даже самимъ мухаммеданамъ. Въ 1247 г. каирскій султанъ писалъ папѣ Иннокентію IV въ отвѣтъ на извѣстное уже намъ письмо послѣдняго: „мы хотѣли совѣщаться съ братьями проповѣдниками, которыхъ вы послали, но они совершенно не заботились о томъ, чтобы диспутировать о вашей и нашей религіи въ присутствіи нашихъ ученыхъ. Очевидно, что, препятствіемъ было незнаніе ими арабскаго языка и скромность жизни по правиламъ монашескаго ордена. Они не умѣютъ диспутировать иначе, какъ только полатини, или пофранцузски“ (2). Не имѣя такимъ образомъ средствъ сдѣлать свою проповѣдь понятною и удобною для принятія, папскіе послы принуждены были совершенно отказаться отъ исполненія своей главной миссіонерской обязанности.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время на западѣ, несмотря на близкія отношенія латинянъ къ востоку, не было ни школъ, въ которыхъ можно бы было изучить восточные и

(1) Henr. I. pag. 34.
(2) Raynald. an. 1247 № 58.

особенно мухаммеданскіе языки, ни книгъ, изъ которыхъ можно бы было почерпнуть свѣдѣнія о сущности и современномъ состояніи мухаммеданства. Повидимому, время крестовыхъ походовъ должно было много благопріятствовать тому, чтобы знаніе восточныхъ языковъ процвѣтало въ Европѣ. Частыя путешествія къ святымъ мѣстамъ, долгое пребываніе нѣкоторыхъ даже ученыхъ людей на востокѣ, всеобщій интересъ къ восточнымъ дѣламъ, къ восточному образованію, къ восточной наукѣ—все это должно было располагать западныхъ христіанъ къ изученію восточныхъ языковъ. И дѣйствительно, мы знаемъ, что въ это время были знатоки арабскаго языка и другихъ и что эти знатоки прилагали часто свои познанія къ дѣлу. Но такихъ людей было немного и они рѣдко употребляли свои познанія на дѣло миссіонерства. Изъ людей, знавшихъ восточные языки и прилагавшихъ это знаніе къ миссіонерскому дѣлу, извѣстны Раймундъ Мартини, Раймундъ Луллъ, Рикольдъ де-Монте-Круа и только. Впрочемъ и эти люди обязаны были своими знаніями не школьному преподаванію, а случайнымъ благопріятнымъ условіямъ. Большинство же миссіонеровъ, не находя въ Европѣ средствъ къ изученію восточныхъ языковъ, должны были отправляться на востокъ безъ всякихъ знаній и тамъ уже, смотря по ревности и талантамъ, или заниматься изученіемъ языковъ вмѣсто проповѣди, или заниматься одними духовными упражненіями. Лучшіе люди вѣка не могли не сознавать ненормальности такого положенія дѣлъ и происходившаго отсюда вреда для миссіонерскаго дѣла. Необходимость ввести въ школьное преподаваніе изученіе восточныхъ языковъ для приготовленія миссіонеровъ съ каждымъ годомъ давала себя чувствовать все болѣе и болѣе, особенно когда съ основаніемъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго и общества пилигримовъ миссіонерское дѣло получило нѣкоторую организованность. Вскорѣ явились люди, начавшіе стараться о восполненіи этого недостатка. Первымъ изъ такихъ людей былъ Раймундъ де-Пеньяфортъ, третій генералъ доминиканскаго ордена. Отказавшись въ 1239 г. отъ своей должности, онъ посвятилъ свой досугъ дѣлу христіанской миссіи въ различныхъ провинціяхъ Испаніи, гдѣ сарациновъ было еще очень много, и изобрѣтенію различныхъ проектовъ для успѣшнѣйшаго веденія ея. По разсказу латинскихъ историковъ, онъ,—будучи

убѣжденъ, что для полученія всѣхъ предполагаемыхъ выгодъ, необходимо было, чтобы тѣ которые возвѣщаютъ Евангеліе іудеямъ и маврамъ, сами были въ состояніи понимать и говорить на ихъ языкахъ, читать и испытывать писанія ихъ учителей,—воспользовался довѣріемъ, какимъ онъ пользовался у королей Аррагоніи и Кастиліи и склонилъ этихъ властителей основать двѣ коллегіи для монаховъ св. Доминика: одну въ Тунисѣ, другую въ Мурси. Потомъ Раймундъ отыскалъ людей искусныхъ въ знаніи восточныхъ языковъ и способныхъ преподать ихъ, а также набралъ между монахами для нихъ учениковъ. Эти монахи, имъ самимъ назначенные для изученія восточныхъ языковъ, занялись ими съ великою ревностію и успѣхомъ и впослѣдствіи, при помощи своихъ знаній, дѣйствовали очень успѣшно, такъ что въ 1256 г. Раймундъ писалъ кардиналу Гумберту, что у него было уже до 10000 сарацинъ, которые просили благодати крещенія и изъ которыхъ многіе были очень замѣчательны по своимъ знаніямъ (1). Жанъ Тевтоникъ, четвертый генералъ доминиканъ неограничился всевозможнымъ покровительствомъ учрежденіямъ Раймунда Пеньяфорта въ Тунисѣ и Мурси: онъ учредилъ въ Испаніи спеціальный курсъ арабскаго языка для монаховъ своего ордена. Въ 1250 г. генеральный съѣздъ доминиканъ въ Толедо постановилъ особеннымъ декретомъ учредить курсъ арабскаго языка на островѣ Майоркѣ, чтобы жившіе тамъ доминикане, назначавшіеся для миссіи, могли освоиться съ языками тѣхъ народовъ, которыхъ должны были просвѣтить евангеліемъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ Генріонъ, братья проповѣдники, регулярнымъ и послѣдовательнымъ образомъ занявшись изученіемъ этихъ языковъ, успѣвали безъ переводчика излагать мухаммеданамъ догматы христіанства и заставляли невѣрныхъ скоро принимать ихъ (2). Это замѣчаніе благочестиваго историка представляетъ дѣло въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. На дѣлѣ едвали было такъ. По крайней мѣрѣ старанія Раймунда Лулла и многихъ папъ ввести преподаваніе восточныхъ языковъ въ кругъ университетскаго преподаванія, старанія, едва не оставшіяся совершенно безплодными, показываютъ,

(1) Henrion. t. I. стр. 35.
(2) Ibidem.

что и послѣ Раймунда Пеньяфорта и Жана Тевтоника нужда усилить изученіе восточныхъ языковъ была очень сильна, хотя многими не сознавалась. Раймундъ Луллъ употребилъ для этого самыя настойчивыя усилія и едва могъ достигнуть своей цѣли и то только отчасти. Родившись на Майоркѣ, онъ во дни своей юности находился, по всей вѣроятности, на службѣ при дворѣ короля этого острова. Послѣ буйно проведенной молодости въ немъ вдругъ произошла перемѣна и родилось желаніе проповѣдывать евангеліе невѣрующимъ и особенно мухаммеданамъ. Болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ онъ началъ учиться грамматикѣ и арабскому языку у купленнаго имъ арабскаго раба и въ 1275 г. удалился въ пустыню, гдѣ и созрѣли его миссіонерскіе планы. Зная, съ какою недостаточною подготовкою отправлялись миссіонеры того времени проповѣдывать евангеліе мухаммеданамъ, Раймундъ рѣшился пособить этому и постараться доставить миссіонерамъ удобныя средства къ изученію арабскаго языка. Постоянно одушевленный своимъ планомъ, онъ вскорѣ своими настояніями довелъ короля аррагонскаго Іакова, которому тогда подчинена была Майорка, до того, что король учредилъ тамъ монастырь для 30 францисканцевъ съ тѣмъ, чтобы они занимались здѣсь изученіемъ арабскаго языка и такимъ образомъ приготовляли бы себя къ дѣлу обращенія мухаммеданъ. Но этого для Раймунда было слишкомъ мало. Ему хотѣлось, чтобы такое преподаваніе восточныхъ языковъ введено было во всѣхъ монастыряхъ. Съ цѣлію привести этотъ планъ въ исполненіе, онъ въ 1287 г. отправился въ Римъ и старался убѣдить папу Гонорія IV принять его планъ подъ свое покровительство и силою своей власти помочь его осуществленію. Папа, безъ сомнѣнія, благопріятно бы отнесся къ проэктамъ Раймунда Лулла, потому что и самъ прежде хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, о введеніи преподаванія восточныхъ языковъ въ парижскомъ университетѣ, но въ это время онъ уже умиралъ и потому Раймундъ отправился въ Парижъ, Монтпелье, Геную съ цѣлію отчасти расположить тамъ вліятельныхъ людей къ принятію своихъ проектовъ. Впослѣдствіи онъ еще нѣсколько разъ былъ въ Римѣ, но хлопоты его оставались безплодными до 1311 г. Въ этомъ году папа Климентъ V на вселенскомъ соборѣ постановилъ чтобы преподаваніе восточныхъ языковъ введено было во Франціи, Англіи и Испаніи въ лучшихъ университетахъ этихъ странъ: париж-

скомъ, оксфордскомъ и саламанскомъ. Дѣло объ изученіи восточныхъ языковъ получило такимъ образомъ благопріятный исходъ, но воззрѣнія времени на способы веденія миссіонерскаго дѣла, на методы обращенія невѣрныхъ, давившія всякую попытку истиннаго миссіонерства, препятствовали развитію и этого вспомогательнаго миссіонерскаго средства. И послѣ этого времени мы постоянно встрѣчаемъ между латинскими миссіонерами людей незнакомыхъ не только съ языками тѣхъ народовъ, среди которыхъ они дѣйствовали, но и съ ихъ религіозными воззрѣніями и нравственнымъ состояніемъ. Книжныя средства къ познанію религіознаго и нравственнаго состоянія народовъ, бывшихъ предметомъ западнаго миссіонерства того времени, были столь же скудны, какъ и школьныя, а забота о ихъ развитіи была столь-же незначительна, какъ и забота о развитіи и поддержаніи первыхъ. Для полемики съ язычниками миссіонеры могли еще пользоваться сочиненіями древнихъ христіанскихъ апологетовъ и св. отцевъ, такъ какъ миссія противъ язычниковъ есть самая древняя христіанская миссія, но для полемики съ мухаммеданствомъ, явившимся въ VII вѣкѣ, западные миссіонеры до половины XII вѣка и даже далѣе не имѣли ничего совершенно. Около половины XII в. (1141 г.) Аббатъ клюнійскій, Петръ достопочтенный первый позаботился о восполненіи этого недостатка. Желая познакомиться съ религіей Мухаммеда въ самомъ ея перво-источникѣ и по возможности доказать ея лживость, онъ нашелъ въ Испаніи людей, знавшихъ арабскій языкъ и поручилъ имъ сдѣлать переводъ Корана. Они исполнили его порученіе и сдѣлали переводъ, хотя неполный и далеко несовершенный. Этотъ переводъ далъ однако нѣкоторое понятіе о мухаммеданской религіи и далъ возможность клюнійскому Аббату написать опроверженіе мухаммеданства подъ названіемъ: Adversus nefadam sectam saracenorum — сочиненіе, первое на западѣ въ этомъ родѣ. Это опроверженіе конечно не могло достигнуть своей цѣли у мухаммеданъ потому уже только, что было написано на языкѣ латинскомъ, совершенно чуждомъ мухаммеданствующимъ націямъ, но оно могло быть полезно для миссіонеровъ, потому что все-таки сообщало нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи религіи Мухаммеда и дѣлало воззраженія на нее (1). Но это сочиненіе Петра

(1) Schröckh. Kirchengeschichte. ч. 27. p. 245—246.

клюнійскаго было, по всей вѣроятности, распространено очень мало, по крайней мѣрѣ и впослѣдствіи живо чувствовалась и высказывалась настоятельная нужда въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ мухаммеданъ, такъ что сочиненіе Петра клюнійскаго даже въ XIII в., повидимому, не было извѣстно. Туронъ говоритъ, что Раймундъ Пеньяфортъ около 1239 г. „просилъ св. Ѳому аквинскаго, репутація котораго въ церкви была уже велика, составить трудъ, гдѣ находилось бы ясное и методическое изложеніе истинъ христіанской религіи съ ихъ доказательствами и отвѣтами на аргументы невѣрныхъ. Св. учитель тотчасъ взялся за перо и написалъ свои четыре книги о католической вѣрѣ или противъ язычниковъ. Раймундъ де Пеньяфортъ принялъ этотъ *первый* трудъ, какъ даръ неба (1). Но это сочиненіе могло научить только истинамъ христіанской вѣры; знанія же мухаммеданства и доводовъ для опроверженія его почерпнуть изъ этого сочиненія было нельзя и потому миссіонеръ могъ съ одинаковымъ успѣхомъ пользоваться имъ столько же, сколько и всякимъ другимъ изложеніемъ христіанской вѣры. Столь-же малозначительно было для миссіонерскаго дѣла сочиненіе доминиканца Раймунда Мартини подъ заглавіемъ: Pugio fidei adversus Mavros et Judeos, написанное въ 1278 г. по порученію папы. Въ этомъ сочиненіи авторъ показалъ близкое знакомство съ арабской философіей и языкомъ, но образъ его полемики противъ мухаммеданъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы принести пользу миссіонерамъ. Онъ ратуетъ въ своемъ сочиненіи болѣе противъ философовъ, а не противъ мухаммеданскаго вѣроученія и при этомъ часто пользуется доводами арабскихъ же философовъ и особенно Альгазаля. Гораздо замѣчательнѣе въ миссіонерскомъ отношеніи труды другаго доминиканца, Рикольда де-Монте-Круа, который во второй половинѣ XIII вѣка занимался миссіонерскими трудами въ Багдадѣ. Рикольдъ прибылъ туда совершенно неприготовленный. Изучивъ языкъ, онъ началъ вступать въ состязанія съ мухаммеданскими учеными и предпринялъ переводъ Корана „съ цѣлію познакомить съ его нелѣпостями тѣхъ изъ миссіонеровъ, которые не понимали поарабски“. Но при переводѣ онъ такъ ув-

(1) Hedrion. t. I. p. 34.

лекся своею ревностію по вѣрѣ, что не кончилъ этого перевода и вмѣсто простаго переложенія послѣдней части Корана, написалъ опроверженіе всей книги и адресовалъ его въ формѣ писемъ къ церквамъ христіанскимъ,—подъ заглавіемъ: „Защищеніе католической вѣры противъ нечестія сарацинъ и лжей Корана“. Послѣ 25 лѣтнихъ миссіонерскихъ трудовъ на востокѣ, онъ вызванъ былъ папою Бенедиктомъ XI (1303 г.) въ Европу для отобранія у него свѣдѣній касательно религіознаго состоянія народовъ, которымъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе. По порученію папы, онъ написалъ по латини свой „Итинерарій“,—одинъ изъ необходимѣйшихъ въ то время трудовъ. При написаніи своей книги, Рикольдъ имѣлъ въ виду не одно только приказаніе папы, но главнымъ образомъ пользу миссіонеровъ. Онъ надѣялся, что „наученные предварительно всему, что имъ слѣдовало знать, они будутъ болѣе способны бороться съ заблужденіями и плодотворно проповѣдывать истины христіанства“, и потому описалъ въ своей книгѣ всѣ страны востока, законы, обычаи, мнѣнія, догматы, ереси и секты различныхъ народовъ, обитавшихъ тамъ въ XIII вѣкѣ (1). Всѣ эти сочиненія Рикольда, безъ сомнѣнія, могли быть гораздо полезнѣе для миссіонеровъ, чѣмъ сочиненія и труды его предшественниковъ, но они явились уже поздно и, къ сожалѣнію, повидимому, не имѣли большаго распространенія. Объ этомъ можно заключить изъ того, что латинскій подлинникъ его опроверженія Корана вскорѣ былъ вовсе затерянъ и нужно было дѣлать новый переводъ съ греческаго перевода (2). Исторія дѣятельности самого Рикольда какъ нельзя болѣе подтверждаетъ высказанное нами прежде положеніе о недостаточности средствъ для надлежащей подготовки миссіонеровъ къ своей дѣятельности: онъ отправляется на востокъ совершенно незнакомый ни съ языкомъ, ни съ религіей тѣхъ націй, среди которыхъ хотѣлъ дѣйствовать. Прибывъ на востокъ, онъ долженъ былъ на первыхъ порахъ заняться не проповѣдію, а исключительно изученіемъ языка и религіи и изобрѣтеніемъ аргументовъ для ея опроверженія.—Тѣмъ не менѣе безошибочно можно сказать, что со второй поло-

(1) Henrion. t. I. p. 100.
(2) Mahumet. Saracenor. principis vita ac doctrina. Pars II p. 82.

вины XIII столѣтія средства для изученія мухаммеданства значительно улучшились. Вслѣдствіе этого должно было улучшиться и самое миссіонерство между язычниками и мухаммеданами; оно должно было сдѣлаться болѣе сообразнымъ съ духомъ христіанства и болѣе успѣшнымъ. Но латинскій взглядъ на дѣло распространенія христіанской вѣры, какъ на внѣшнее увеличеніе христіанской территоріи, какъ на дѣло истребленія сарацинъ, насильственнаго захвата ихъ владѣній и подчиненія ихъ папѣ,—такой взглядъ парализовалъ всѣ успѣхи миссіонерскаго дѣла и развитіе истинно христіанскихъ методовъ обращенія невѣрныхъ. При такомъ извращенномъ взлядѣ на миссіонерское дѣло, какой господствовалъ въ то время въ западной Европѣ, не много могло помочь миссіонеру его знакомство съ мухаммеданствомъ, знаніе мухаммеданскихъ языковъ, опытность и искусство въ опроверженіи мухаммеданскихъ заблужденій. Вслѣдствіе этого взгляда западные миссіонеры являлись на востокъ не въ образѣ вѣстниковъ мира и спасенія, а въ видѣ закованныхъ въ желѣзо рыцарей, для которыхъ убить мухаммеданина значило совершить богоугодное дѣло; или въ образѣ дипломатовъ-монаховъ, пословъ отъ неизвѣстнаго западнаго властолюбиваго государя—папы, съ гордыми рѣчами съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ тому народу, къ которому они, по своему званію миссіонеровъ, должны были пылать самою высокою христіанскою любовію.—Это было покушеніе на государственную и національную самостоятельность восточныхъ народовъ, покушеніе или уничтожить ихъ, или олатинить и слить съ западными національностями. Чувство самосохраненія, сильное во всякой личности, равно какъ и націи, чувство національнаго достоинства, развивающееся въ народѣ по мѣрѣ успѣховъ его образованія, должно было объявить себя противъ христіанства, а не за него.

Отъ такого способа миссіонерства нельзя было ожидать успѣха даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даже среди такого народа, который далеко не такъ враждебенъ былъ христіанству, какъ турки и другіе мухаммеданствующіе народы, даже среди такого народа, каковы были татары.

Религіозное состояніе татаръ въ XIII вѣкѣ.

По описаніямъ современниковъ-очевидцевъ, татары въ большинствѣ были язычники и слѣдовательно гораздо легче могли быть обращены въ христіанство, чѣмъ мухаммедане. Христіанство же и мухаммеданство были среди нихъ въ такомъ положеніи, что могли бороться на совершенно нейтральной почвѣ и успѣхъ могъ быть на сторонѣ перваго. Плано Карпини описываетъ религіозное состояніе татаръ слѣдующимъ образомъ: „они вѣруютъ въ единаго Бога, котораго считаютъ творцемъ всего видимаго и невидимаго; также вѣруютъ, что Онъ есть какъ Творецъ блаженства въ семъ свѣтѣ, такъ и каратель; однако же не воздаютъ ему почтенія, ни молитвами, ни хвалами и никакимъ обрядомъ. Не смотря на это, есть у нихъ какіе-то идолы, сдѣланные изъ войлока на подобіе человѣка, коихъ ставятъ они по обѣимъ сторонамъ дверей ставокъ, а подъ ними кладутъ что-то сдѣланное изъ войлока на подобіе титьки, и считаютъ ихъ хранителями стадъ, доставляющими имъ обиліе молока и плодящими скотину. Другихъ идоловъ дѣлаютъ они изъ шелковыхъ тканей и воздаютъ имъ великую честь; иные ставятъ ихъ предъ дверьми ставокъ въ прекрасной крытой повозкѣ, и если кто украдетъ что-нибудь изъ этой повозки, того умерщвляютъ безъ милосердія. Воеводы, тысячники и сотники всегда имѣютъ одного идола посреди ставки. Симъ идоламъ приносятъ они въ жертву первое молоко рогатаго и вьючнаго скота, и прежде нежели начинаютъ пить и ѣсть, жертвуютъ имъ изъ пищи и питія. Когда же убьютъ какую скотину, то сердце оной приносятъ на блюдѣ къ идолу, стоящему въ повозкѣ и оставляютъ до утра, а потомъ взявъ, варятъ оное и съѣдаютъ. Прежде всего дѣлаютъ идолъ для императора и съ благоговѣніемъ ставятъ его въ повозку предъ его ставкою. Также посвящаютъ ему лошадей, на коихъ никто не смѣетъ ѣздить до самой ихъ смерти. Въ жертву ему приносятъ также и другихъ животныхъ... Почитаютъ они солнце, свѣтила, и огонь, и воду, и землю, покланяются имъ и приносятъ въ жертву начатки пищи и питія, а особливо поутру, прежде нежели что-либо вкусятъ, поелику въ богопочтеніи не наблюдаютъ никакого закона. Они не принуждаютъ никого къ отступленію отъ своей вѣры или

закона“ „Чрезвычайно любятъ ворожбу, гаданіе по полету и пѣнію птицъ, колдовство, чародѣйство. Получая же отвѣты отъ чертей, думаютъ, что Богъ говоритъ съ ними и сего бога называютъ *Итогою*, а команы *Хамомъ*, т. е. императоромъ; удивительно, какъ его боятся и почитаютъ и приносятъ ему многія жертвы и начатки питія и пищи; получаемые же отъ него отвѣты выполняютъ въ точности“ (1). Послѣдующіе путешественники вполнѣ подтверждаютъ и значительно дополняютъ эти довольно неопредѣленныя извѣстія. Марко Поло, бывшій среди монголовъ въ половинѣ XIII ст., описываетъ ихъ идолопоклонство почти въ тѣхъ же, но болѣе опредѣленныхъ чертахъ. „Вѣра и законъ Татаръ—говоритъ онъ—слѣдующіе: они говорятъ, что есть великій небесный и всевышній Богъ, которому они каждый день приносятъ благовонныя куренія въ сосудахъ и молитвы о сохраненіи душевнаго и тѣлеснаго здоровья. Они чтутъ и другаго бога, по имени Натигая, котораго образъ покрытый войлокомъ, или сукномъ, сохраняется во всѣхъ домахъ. Этому идолу они даютъ еще жену и дѣтей: первую ставятъ налѣво отъ него, а послѣднихъ передъ нимъ въ почтительномъ положеніи. Они считаютъ его божествомъ располагающимъ земными дѣлами, покровителемъ ихъ дѣтей и стражемъ ихъ скота и хлѣба; оказываютъ ему всякое почтеніе, и за обѣдомъ не забываютъ никогда помазать жирнымъ кускомъ мяса ротъ у идола, также у его жены и дѣтей. Потомъ выливаютъ за двери немного отвара, въ которомъ готовился обѣдъ, въ жертву другимъ духамъ“ (2). Абуль-Фараджъ, сирійскій писатель XIII вѣка, разсказываетъ: „монголы сначала не имѣли ни собственной религіи, ни собственнаго алфавита, но знали единаго Бога, Творца всѣхъ вещей, а другіе небо называли своимъ Богомъ. Когда Чингизъ-Ханъ замѣтилъ, что китайцы имѣютъ своихъ собственныхъ жрецовъ и идоловъ, то послалъ въ Китай полномочныхъ, чтобы пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ жрецевъ. Эти послѣдніе

---

(1) Путеш. къ татарамъ. т. I. русск. пер. Языкова 1825 стр. 83, 85, 87, 93.

(2) Путеш. Марко Поло русск. пер. стр. 181, 182. Чтенія въ обществѣ истор. и древн. 1862 г. кн. 1-я.

въ его присутствіи имѣли открытый споръ о религіи съ камами (жрецами) монголовъ и побѣдили ихъ, такъ какъ тѣ были менѣе учены. Съ этихъ поръ китайское идолопоклонство пустило корни между монголами и по повелѣнію хана устроено было много идоловъ (1). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что язычество монголовъ было тоже грубое шаманство, которое и до сихъ поръ составляетъ господствующую религію среди монгольскихъ племенъ.—Это было грубое многобожіе, обставленное церемоніями буддизма, который проникъ къ монголамъ изъ Китая, впрочемъ не позже какъ со временъ Чингизъ-Хана. По изслѣдованіямъ ученыхъ, до Чингизъ-Хана „монголы не имѣли никакого собственно богослуженія; вполнѣ преданные суевѣрію, они вѣрили своимъ ворожеямъ, шаманамъ, отчего древне-сибирское и татарское язычество называется шаманизмомъ“ (2). Чингизъ-Ханъ же этотъ грубый безформенный религіозный культъ обставилъ заимствованными изъ Китая идолопоклонническими обрядами и церемоніями и такимъ образомъ сдѣлалъ идолопоклонство какъ-бы господствующею религіею. Но узаконивъ такимъ образомъ идолопоклонство и сдѣлавъ его оффиціальной религіей своего двора, онъ не запретилъ своимъ подданнымъ исповѣдывать другія религіи, а напротивъ своею *„ясою“* объявилъ полную вѣротерпимость, и даже уваженіе ко всѣмъ религіямъ. Эта религіозная вѣротерпимость монголовъ, ясно вытекавшая изъ содержанія Чингизъ-хановой ясы, и ихъ всемірныя завоеванія проложили путь и дали полный просторъ сильному вліянію на ихъ грубый и несложный культъ и религіозное состояніе со стороны другихъ религій. Мухаммедане не преминули воспользоваться терпимостію монгольскихъ государей, своихъ повелителей и занялись самой дѣятельной пропагандой, которая, вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, имѣла самый блестящій успѣхъ особенно между тюркскими племенами, малоазійскіе соплеменники которыхъ давно были мухаммеданами. Плано Карпини, сказавъ о терпимости татаръ, что они „не смотрятъ на людскіе обычаи, лишь-бы только повиновались имъ

(1) Blumhardt. Versuch einer alg. Missionsgeschicht. B. III. Abth. I. p. 116.

(2) Description. du Tibet. Paris. 1808. p. 31.

во всемъ"—прибавляетъ: „посему находящіеся въ ихъ войскѣ сарацины ежедневно при всѣхъ отправляютъ пятивременныя молитвы по закону магометанскому, а также и во всѣхъ городахъ, въ коихъ живутъ сіи сарацины, и кои покорены татарами. Сіи сарацины въ ихъ войскѣ и во всѣхъ ихъ городахъ преклоняютъ и привлекаютъ людей къ своей нечестивой вѣрѣ, и прельщаютъ ихъ къ послѣдованію ихъ заблужденію" (1). Марко Поло во время своего путешествія почти во всѣхъ подвластныхъ монголамъ городахъ встрѣчалъ мухаммеданъ во множествѣ (2). Въ самой столицѣ великихъ хановъ и при дворѣ ихъ мухаммеданство имѣло уже довольно значительную партію и вскорѣ до того усилилось, что получило въ большей части монгольскихъ государствъ рѣшительный перевѣсъ предъ всѣми другими религіями и даже предъ христіанствомъ, которое проникло къ язычникамъ-монголамъ едвали не прежде всѣхъ другихъ иноземныхъ религій и несомнѣнно предупредило мухаммеданство. Первыми проповѣдниками христіанства у монголовъ были несторіане, миссіонерская дѣятельность которыхъ на востокѣ до XIV в. была чрезвычайно обширна.

Около 1000 г. обратились въ несторіанство кераиты—многочисленное монголо-татарское племя, жившее на границахъ Китая (3). Цари этого племени, подручники китайскихъ императоровъ и называвшіеся въ Китаѣ Ванъ-ханами, съ XII в. были извѣстны въ Европѣ подъ именемъ *пресвитеровъ Іоанновъ* и славились какъ могущественные государи отдаленнаго христіанскаго народа, соединявшіе въ своемъ лицѣ священническое достоинство съ царскимъ. Сказаніе объ этихъ пресвитерахъ Іоаннахъ подвергалось неоднократно самымъ серьезнымъ сомнѣніямъ; нѣкоторые называли

---

(1) Путеш. къ татар.—Языкова стр. 89.

(2) Путеш. Марк. Поло стр. 109, 112, 119, 121, 125, 127, 128, 129, 133, 135, 142, 150, 158.

(3) Дѣйствительность этого обращенія подтверждается между прочимъ и свидѣтельствомъ знаменитаго мухаммеданскаго историка Рашидъ-ед-дина. Въ своей «Исторіи Монголовъ» онъ говоритъ о кераитахъ между прочимъ слѣдующее: «Исповѣданіе Іисуса—миръ Ему! достигло къ нимъ и они приняли Его вѣру». См. русск. перев. «Исторіи Монголовъ» Рашидъ-ед-дина въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Имп. Арх. Общ. ч. V. стран. 94 Спб. 1858.

его чудовищною баснею (1). Главная невѣроятность этого сказанія заключается въ названіи кераитскихъ царей священниками Іоаннами (Prest Joan), названіи, указывающемъ на невѣроятное соединеніе въ лицѣ этихъ царей священническаго и царскаго достоинства и противорѣчащемъ другимъ историческимъ извѣстіямъ, по которымъ нѣкоторые изъ этихъ священниковъ Іоанновъ называются иными именами. Для объясненія этого названія измышлено было множество гипотезъ, большею частію противорѣчащихъ одна другой и изъ которыхъ вѣроятнѣйшая состоитъ въ томъ, что названіе *священникъ Іоаннъ* есть невѣрный переводъ сирійскаго названія: *кхіанъ—юхананъ*, которое значитъ и „*царь Іоаннъ*“ и „*священникъ Іоаннъ*“ (2). Но если можно съ достаточнымъ основаніемъ заподозрить подлинность именъ и священническаго достоинства Ванъ-хановъ, то самое существованіе ихъ отвергнуть трудно, потому что извѣстія о нихъ вполнѣ достовѣрны, хотя сбивчивы и неопредѣленны. Первое извѣстіе объ этихъ пресвитерахъ Іоаннахъ было принесено въ Европу двумя армянскими монахами, прибывшими въ Римъ къ папѣ Евгенію III въ 1145 г. Эти монахи, изъ которыхъ одинъ былъ епископомъ кабульскимъ, разсказали папѣ, что „немного лѣтъ назадъ Іоаннъ царь и священникъ, принявшій со всѣмъ своимъ народомъ христіанство, побѣдилъ царя персидскаго и мидійскаго и взялъ его главный городъ Экбатану; что послѣ этой побѣды Іоаннъ рѣшился помощь христіанамъ, въ Сиріи и Палестинѣ, жестоко притѣсняемымъ сарацинами и съ этою цѣлію расположился на рѣкѣ Тигрѣ, но, встрѣтивъ здѣсь препятствія, не позволявшія ему идти далѣе, возвратился назадъ въ свое отечество“ (3). Какъ-бы въ подтвержденіе этого извѣстія чрезъ 25 лѣтъ въ Европѣ распространились письма одного изъ пресвитеровъ Іоанновъ къ византійскому императору Мануилу Комнену, къ императору Фридриху, къ королю французскому Людовику VII и папѣ Александру III. Въ письмѣ

---

(1) Шмидтъ у Риттер. I стр. 687.

(2) Истор. очеркъ Несторіонства. Херс. епарх. вѣд. 1868 г. № 7 стр. 260, 261 примѣч.

(3) Blumhardt. Versuch einer alg. Missionsgeschichte Band III. Abth. I. § 53.

къ Мануилу этотъ пресвитеръ Іоаннъ въ высокопарныхъ восточныхъ выраженіяхъ описываетъ свое могущество и величіе и высказываетъ также намѣріе освободить гробъ Господень и помочь въ этомъ дѣлѣ западнымъ христіанамъ (1). Въ настоящее время подлинность этого письма, равно какъ и прочихъ подвергается сильному сомнѣнію (2), но въ средніе вѣка всѣ вѣрили, что на отдаленномъ востокѣ дѣйствительно существуетъ такой могущественный царь-священникъ, котораго несторіанская церковь обратила въ христіанство и который такъ же враждебенъ мухаммеданамъ и такъ же горячо желаетъ освобожденія св. гроба, какъ и западные христіане. Это извѣстіе внушило папамъ первую мысль искать на отдаленномъ востокѣ помощи и союза противъ мухаммеданъ, чтобы разомъ ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ и въ конецъ истребить это нечестивое племя. Эту мысль папы при первомъ же удобномъ случаѣ пытались привести въ исполненіе. Около 1177 г. прибылъ съ востока и представился папѣ Александру III врачъ Филиппъ, познакомившійся на востокѣ лично съ пресвитеромъ Іоанномъ и его царствомъ. Возвратившись на западъ, путешественникъ вполнѣ подтвердилъ ходившія тамъ сказанія о пресвитерѣ Іоаннѣ и разсказалъ папѣ чудныя вещи объ этомъ христіанскомъ государствѣ, равно какъ и о готовности его могущественнаго повелителя вступить въ союзъ съ римскою церковію. Папа, находившійся въ то время въ Венеціи, въ довольно затруднительныхъ обстоятельствахъ, принялъ дѣло это очень серьезно. Онъ посвятилъ Филиппа въ епископы, далъ ему обширныя полномочія и отправилъ его снова на востокъ къ пресвитеру Іоанну съ рекомендательнымъ и увѣщательнымъ письмомъ, въ качествѣ апостольскаго миссіонера, въ 1177 г. Въ письмѣ своемъ папа увѣщевалъ царя пресвитера оставить несторіанскія заблужденія и подчиниться апостольскому престолу (3). Результаты этого посольства впрочемъ неизвѣстны. Но каковы-бы они ни были, дѣйствительность существованія того пресвитера—Іоанна, къ которому посылалъ папа письмо не подвержена со-

---

(1) Mosheim. Histor. tartarorum ecclesiastica. App. № IV.
(2) Ibid. p. 26.
(3) Baronii annales ecclesiast. an. 1177 № 55. t. XI. p. 684.

мнѣнію. Китайскіе, монгольскіе и сирійскіе (Абу-ль-Фараджъ) историки называютъ его Тогрулемъ и довольно подробно описываютъ его войны съ Чингизъ-ханомъ, который наконецъ сокрушилъ его господство и на развалинахъ его царства создалъ свою огромную монгольскую имперію. Правда, въ этихъ восточныхъ описаніяхъ нельзя найти прочнаго основанія считать этого хана такимъ могущественнымъ государемъ, какимъ считали его на западѣ, и хорошимъ христіаниномъ, а еще менѣе священникомъ; по достоинству своему Ванъ-ханъ Тогруль былъ не болѣе, какъ пограничный губернаторъ военныхъ силъ Китая; по характеру онъ былъ очень воинственъ и коваренъ, ибо убилъ своихъ двоюродныхъ и родныхъ братьевъ и оказался неблагодарнымъ клятвопреступникомъ противъ сына своего благодѣтеля, Чингизъ-хана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что онъ терпѣлъ христіанъ, позволялъ имъ имѣть епископовъ и даже владычествовалъ надъ многими христіанскими племенами (1). Съ истребленіемъ семейства Ванъ-хана и порабощеніемъ кераитовъ Чингизъ-ханомъ, несторіанское христіанство не исчезло между монголами (какъ думаетъ Блюмгардъ) (2). Кераиты, подчинившись великому хану, остались несторіанами и по всей вѣроятности были до начала XIV в. подъ непосредственною властію своихъ христіанскихъ царей изъ потомковъ Ванъ-хана Тогруля. По крайней мѣрѣ, изъ исторіи извѣстно (3), что еще въ 1299 г. существовала слабая отрасль этого баснословнаго рода—Георгій—царь керитовъ, несторіанинъ, обращенный латинскимъ миссіонеромъ Іоанномъ Монте-Корвино въ католичество. Хотя Чингизъ-ханъ, въ началѣ своего правленія любившій христіанъ, но вскорѣ охладѣвшій къ нимъ, и склонился на сторону ламайства, а изъ политическихъ разсчетовъ поддерживалъ и другія религіи, враждебныя христіанству, тѣмъ не менѣе несторіанство при дворѣ великихъ хановъ долго еще занимало почетное мѣсто, пока его не уничтожили враждебные происки латинянъ, уничтоженныхъ въ свою очередь мухаммеданами.

---

(1) Риттеръ, Землевѣден. Азіи. I. стр. 693. 694.

(2) Blumhardt. Versuch. einer alg. Missionsgeschichte Band III. Abth. I. § 56.

(3) Mosheim. Hist. Tartar. ecclesiast. App. № 47.

Послѣ побѣды надъ царемъ кераитовъ, Чингизъ-Ханъ, по обычаю тамошнихъ татарскихъ князей, вступилъ въ бракъ съ его дочерью Ясунь-соень-беги, которая, подобно своимъ предкамъ, была несторіанка и покровительствовала своимъ единовѣрцамъ. Особенно большое значеніе имѣлъ у нея и при дворѣ монахъ Раббанта, ея крестный отецъ, замѣчательный по своему уму и хитрости и слывшій даже между татарами за прорицателя и святаго. По смерти своей государыни, онъ обиталъ въ Таврисѣ, занимаясь торговлею, и тамъ познакомился съ папскими миссіонерами (1). О старшемъ сынѣ Чингизъ-хана, Джагатаѣ Марко Поло разсказываетъ, что онъ въ столицѣ западнаго монгольскаго царства, Самаркандѣ „обратился въ христіанскую вѣру къ великой радости христіанскихъ жителей города, которые по милости и покровительству государя построили церковь и посвятили ее Іоанну крестителю“ (2). Хотя это извѣстіе и не подтверждается другими писателями, но и не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Братъ Джагатая, великій ханъ Октай, хотя и не былъ самъ христіаниномъ, однако относился къ христіанству довольно благосклонно. Христіане могли наслаждаться во время его правленія спокойствіемъ и безопасностію. Достовѣрно извѣстно, что онъ покровительственно относился къ армянскимъ христіанамъ. Когда въ 1240 г. прибылъ къ его двору христіанско-армянскій горскій князь Авагъ съ своей сестрой Танитою, то онъ принялъ ихъ милостиво, возвратилъ имъ ихъ владѣнія и смягчилъ участь кавказскихъ христіанъ, много терпѣвшихъ отъ свирѣпости монголовъ (3). При дворѣ Октая жилъ сирійскій докторъ Симеонъ, чрезвычайно умный и ученый и занимавшійся проповѣдію евангелія на востокѣ Азіи; за свои заслуги онъ пользовался такимъ уваженіемъ при дворѣ, что Октай называлъ его *Ата* (отецъ). Другіе называли его *раббанъ* (посирійски: *учитель*). Онъ просилъ за угнетенныхъ христіанъ Грузіи, былъ выслушанъ милостиво и въ 1241 г. посланъ монгольскимъ императоромъ на западъ. Съ тѣхъ поръ прекратилось угнетеніе христіанъ въ кавказскихъ странахъ.

---

(1) Риттеръ. Земл. Азіи. I. стр. 696.
(2) Путеш. Марко Поло стр. 125, 126.
(3) Риттеръ. Земл. Азіи I. стр. 697.

Христіанамъ дозволено было свободное богослуженіе, и многіе монголы обратились и приняли крещеніе (1). Вообще несторіанство въ правленіе Октая находилось въ цвѣтущемъ состояніи и имѣло среди монголовъ многочисленныхъ исповѣдниковъ. Это можно видѣть изъ свидѣтельства современника, доминиканца Филиппа, который во время пребыванія своего на востокѣ, въ св. землѣ входилъ въ короткія отношенія съ несторіанами и ихъ патріархомъ. Въ 1237 г. онъ писалъ папѣ Григорію IX, что духовная власть несторіанскаго патріарха простирается на „халдеевъ, персовъ, мидянъ и армянъ, земли которыхъ большею частію опустошены татарами; что ему повинуется 70 провинцій, въ которыхъ обитаютъ безчисленные христіане, впрочемъ слуги и данники сарацинъ, за изключеніемъ монаховъ, которые свободны отъ дани“ (2). Вообще, благодаря вѣротерпимости монголовъ, несторіанство между ними не уничтожилось и даже не потеряло своего значенія и послѣ паденія царства кераитовъ. Число его исповѣдниковъ послѣ этого событія не только не уменьшилось въ татаріи, но можетъ быть, благодаря обширнымъ завоеваніямъ Чингизъ-хана, еще увелилось.

Такимъ образомъ въ половинѣ XIII вѣка въ обширномъ монгольскомъ царствѣ происходилъ самый оживленный обмѣнъ религіозныхъ идей. Подъ защитою религіознаго индеферентизма и терпимости монгольскихъ государей, здѣсь боролись самыя разнообразныя религіозныя вліянія; ламайство, мухаммеданство и христіанство существовали здѣсь рядомъ съ первобычнымъ шаманствомъ, пользовались равною честью и покровительствомъ и вели дѣятельную пропаганду. Недовольство монголовъ своей старой религіей и готовность принять новую лучшую были столь велики, что обѣщали успѣхъ самый полный всякой искусной иновѣрной пропагандѣ. Христіанство, какъ религія самая лучшая и наиболѣе отвѣчающая всѣмъ высокимъ стремленіямъ человѣческой души, могло успѣшно воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ для полнаго водворенія себя среди жаждавшаго спасенія народа. Оно не было совершенно неизвѣстно монго-

---

(1) Риттеръ. Земл. Азіи I. стр. 697.
(2) Mosheim. Append. № VI, p. 36.

ламъ, напротивъ въ формѣ несторіанства оно пользовалось здѣсь если не исключительнымъ, то по крайней мѣрѣ равнымъ покровительствомъ со стороны ихъ властителей, и это могло служить надежною точкою привитія для новой христіанской миссіи. Нужно было только искусство, нужны были средства чисто христіанскія безъ примѣси всякихъ властолюбивыхъ плановъ, нужна была любовь и терпимость— и тогда христіанство могло-бы восторжествовать. Но римскіе миссіонеры принесли къ монголамъ то же властолюбіе, тѣ же интриги и притязательность папскаго престола, которыми этотъ престолъ постепенно колебалъ основы Европейскаго христіанства и которыя были главною причиною безуспѣшности его миссіонерскихъ попытокъ между мухаммеданами.

Дѣйствія западныхъ миссіонеровъ въ Чингизъ-хановой монархіи до ея раздѣленія.

Вѣротерпимость монголовъ и благорасположенность ихъ къ христіанству были хорошо извѣстны папамъ. Мы видѣли, что о монгольскомъ царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ они не только знали, но и вступали съ нимъ въ сношенія. Очень вѣроятно, что до папъ доходили часто извѣстія также и о благосклонности послѣдующихъ монгольскихъ властителей къ христіанамъ, объ отношеніи Октая къ кавказскимъ христіанамъ и положеніи при его дворѣ несторіанъ. Армяне, несторіане и грузины, приходившіе въ то время въ близкія сношенія съ франками и сочувственно относившіеся къ ихъ крестоноснымъ предпріятіямъ, безъ сомнѣнія, передавали на западъ много такихъ извѣстій. Поэтому, не смотря на то, что монголы стояли на границахъ запада и уже показали ему опытъ своей жестокости, не смотря на то, что они, повидимому, были еще болѣе опасными и свирѣпыми врагами, чѣмъ мухаммедане, папы смотрѣли на нихъ какъ на вѣрныхъ, хотя и варварскихъ союзниковъ и считали возможнымъ, если не совершенно подчинить ихъ апостольскому престолу, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ вѣрными орудіями въ борьбѣ своей съ мухаммеданами. На ліонскомъ соборѣ 1245 г., созванномъ собственно противъ императора Фридриха II, въ то самое время, когда монголы наиболѣе угрожали независимости и спокойствію Европы, папа Григорій IX объявилъ крестовый походъ противъ мухаммеданъ;

противъ монголовъ же не предпринято было на этомъ соборѣ ничего, по крайней мѣрѣ, наступательнаго. Соборъ предписалъ только копать на границахъ рвы, укрѣплять города и опредѣлилъ послать къ монгольскому хану миссіонеровъ съ порученіемъ войти съ нимъ въ мирныя сношенія и постараться обратить его въ христіанскую вѣру (1). Вслѣдствіе этого постановленія въ 1246 г. отправлены были въ татарію два посольства, одно подъ начальствомъ францисканца Плано-Карпини, другое подъ начальствомъ доминиканца Асцелина.

Отправляя къ татарамъ Плано-Карпини, папа Иннокентій IV снабдилъ его, по обыкновенію, письмомъ къ хану, въ которомъ относился къ великому монгольскому властителю какъ *равный государь, требующій удовлетворенія.* Выразивъ удивленіе, что монголы, нападая на многія, какъ христіанскія, такъ и другія земли, разоряютъ ихъ ужаснымъ опустошеніемъ, вопреки естественному закону, по которому „не токмо люди, но и неразумныя животныя, и даже стихіи, какъ-бы нѣкіимъ естественнымъ орудіемъ сопряжены единствомъ союза", папа пишетъ: „по примѣру миролюбиваго государя, желая соединить всѣхъ единствомъ мира въ страхѣ Божіемъ, всѣхъ васъ убѣждаемъ, просимъ и увѣщеваемъ, дабы, совершенно прекратя сіи нападенія, а паче гоненія на христіанъ, потщились достойными плодами покаянія умилостивить гнѣвъ, который безъ сомнѣнія тяжко навлекли вы столь многими и великими оскорбленіями величія Божія"... Пригрозивъ еще гнѣвомъ Божіимъ, папа рекомендуетъ далѣе своихъ посланниковъ. „Мы посылаемъ къ Вамъ возлюбленнаго сына своего, брата Іоанна съ его сотрудникомъ,—мужей славныхъ благочестіемъ, честностію и свѣдущихъ въ священномъ Писаніи, коихъ, ради страха Божія, примите какъ-бы насъ самихъ благосклонно и съ честію, вѣря имъ во всемъ томъ, что съ нашей стороны вамъ будетъ сказано, и вступивъ съ ними въ полезные переговоры обо всемъ вышеозначенномъ, а паче о томъ, что касается до мира, что побудило васъ къ истребленію народовъ и что еще предпринять замышляете, все сіе откройте намъ чрезъ оныхъ братьевъ подробно, снабдивъ ихъ на пути туда и обратно надежнымъ проводникомъ и всѣмъ нуж-

(1) Мишо. Истор. Крест. поход. т. IV. стр. 54, 55.

нымъ, дабы они безопасно возвратились къ намъ"...(1) Однако это письмо, равно какъ и переговоры, были совершенно безплодны для политическихъ соображеній папы, а для религіи, можетъ быть, положительно были вредны. Благодаря этимъ переговорамъ и письмамъ, вопросъ о перемѣнѣ религіи для монголовъ отожествился съ вопросомъ о подчиненіи ихъ какому-то неизвѣстному, чуждому государю. Такое подчиненіе для гордыхъ, упоенныхъ своими успѣхами завоевателей было немыслимо, тѣмъ болѣе, что папскіе посланники, проникнутые желаніемъ поддержать достоинство своего государя, но не имѣя для этого ни должной снаровки, ни надлежащихъ средствъ, часто невольно становились сами въ унизительное и даже смѣшное положеніе предъ монголами и въ такое же положеніе ставили своего государя-папу и ту религію, провозвѣстниками которой хотѣли быть. Іоаннъ-де-Плано-Карпини и его спутникъ Бенедиктъ (отправившіеся въ татарію въ генварѣ 1246 г.) при первой встрѣчѣ съ татарами на вопросъ послѣднихъ: что они за люди, зачѣмъ къ нимъ пріѣхали и по какому дѣлу, дали надменный отвѣтъ: „мы послы нашего государя—папы, который есть отецъ и государь христіанъ, и который послалъ насъ къ ихъ (татарскому) царю и князьямъ и ко всѣмъ татарамъ, желая, чтобы всѣ христіане были друзьями татаръ и жили съ ними мирно, чтобы сами они возвеличены были предъ Богомъ на небесахъ, а потому убѣждаетъ ихъ (татаръ) какъ чрезъ насъ, такъ и своею граматою, сдѣлаться христіанами и принять вѣру Господа нашего Іисуса Христа, ибо иначе они спастися не могутъ" и проч. (2). Но когда, узнавъ о цѣли прибытія иностранцевъ, татары проводили ихъ къ Коррензѣ, начальнику войска, охранявшаго западныя границы и когда у дверей Коррензовой палатки имъ велѣно было три раза преклонить колѣно, не дотрагиваясь однакожъ до порога, то они исполнили это требованіе. Вошедши въ палатку, они, стоя на колѣнахъ, изложили цѣль своего посольства и подали папскую грамату; но толмачъ, котораго они наняли въ Кіевѣ, не могъ перевесть ее, а другаго способнѣйшаго никого не было. Здѣсь дали имъ лошадей и троихъ татаръ, которые отвезли ихъ

(1) Путеш. къ татар. пер. Языкова стр. 296—298.
(2) Тамже, 13—15.

къ Батыю. У Батыя послы гордаго первосвященника должны были подвергнуться еще большему униженію. Ихъ принудили, въ угоду татарскимъ суевѣріямъ, пройти между двухъ огней и потомъ уже допустили къ хану съ тѣми же унизительными обрядами, какъ и у Корензы. „По вручении и принятіи подарковъ, также по выслушаніи причинъ нашего пріѣзда—говоритъ Плано-Карпини—ввели насъ въ княжескую ставку, заставя напередъ поклониться и выслушать, какъ и прежде, предостереженіе не наступать на порогъ. Вошедъ же въ ставку, говорили мы нашу рѣчь, стоя на колѣнахъ, а потомъ подали грамату“ (1), которая была переведена толмачами на русскій, сарацинскій (арабскій) и татарскій языки. Послѣ этого пословъ опять отвели въ ихъ ставку; но пищи имъ никакой не дали, кромѣ небольшаго количества пшена на блюдѣ, да и то въ первую ночь ихъ пріѣзда. Плано-Карпини не передаетъ подробностей своихъ переговоровъ съ Батыемъ, но по всей вѣроятности они были совершенно безуспѣшны. По другимъ извѣстіямъ, Батый на увѣщанія посла принять христіанскую вѣру отвѣчалъ: „народу храброму, который любитъ кровопролитныя брани, безполезно принимать христіанскую вѣру; она ихъ (войны) воспрещаетъ, а потому исповѣдающіе ее слабы въ битвахъ“ (2). Чрезъ нѣсколько дней послы получили приказаніе отъ Батыя ѣхать къ великому хану Гаюку и представить ему свое дѣло. Гаюкъ въ то время еще не былъ настоящимъ великимъ ханомъ и находился подъ опекою своей матери, извѣстной Туркейны, которая, въ ожиданіи избранія и поставленія сына въ великіе ханы, правила царствомъ и окружена была блестящимъ дворомъ. Папскіе послы прибыли какъ разъ къ торжеству этого избранія и поставленія, 22 іюля 1246 г. и пробыли въ ставкѣ великаго хана около трехъ мѣсяцевъ (съ 22 іюля по 13 ноября). Неприступность великаго хана, раболѣпіе его подданныхъ, многочисленность татаръ и покоренныхъ ими князей—все это произвело на пословъ замѣтное впечатлѣніе. Плано-Карпини съ видимымъ удовольствіемъ вспоминаетъ, что имъ вмѣстѣ съ русскимъ княземъ татары предоставляли нѣкоторыя преимущества и

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова, стр. 21.
(2) Mosheim Hist. Tartar. Ecclesiast. app. № XII. p. 51.

давали почти всегда первое мѣсто". Изъ тона воспоминаній Плано-Карпини видно, что онъ не тяготился унизительными обрядами при представленіи великому хану и его полководцамъ: страхъ и невольное уваженіе ко внѣшнему могуществу монголовъ такъ охватили его, что онъ и позабылъ, что пришелъ требовать именемъ папы — повелителя вселенной отчета у татаръ въ ихъ дѣйствіяхъ относительно папскихъ подданныхъ. Что касается до переговоровъ и миссіонерскихъ трудовъ, то само собой понятно, что, при тогдашнемъ состояніи монгольской имперіи и при тогдашнихъ расположеніяхъ великихъ хановъ, они не могли быть успѣшны, хотя видное положеніе христіанъ при дворѣ должно было, повидимому, благопріятствовать ихъ хорошему исходу. Мать императора была христіанка, неоднократно призывала католическихъ монаховъ къ себѣ и безъ сомнѣнія вступала съ ними въ бесѣды. Кодакъ, первый министръ хана, „правитель всей имперіи" былъ также христіанинъ и всѣ переговоры съ монгольскимъ властителемъ ведены были чрезъ него (1). Самъ ханъ, по увѣренію придворныхъ христіанъ, склоненъ былъ къ христіанству. „Христіане, къ его дому принадлежащіе, — говоритъ Плано-Карпини, — крѣпко увѣряли насъ, что онъ намѣренъ сдѣлаться христіаниномъ. Въ этомъ убѣждались они тѣмъ, что онъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе; также предъ большимъ его шатромъ всегда была христіанская часовня, въ которой они открытымъ образомъ поютъ и звонятъ къ часамъ, какъ прочіе христіане греческой церкви, сколько-бы тамъ ни было татаръ или другихъ людей" (2). Но не смотря на такое вліяніе христіанъ при дворѣ, папскіе послы ничего не достигли и принесли съ собою на западъ совѣтъ готовиться къ оружію. Христіане, благоденствовавшіе при ханскомъ дворѣ, по своимъ вѣроисповѣднымъ особенностямъ, не могли сочувствовать папскимъ притязаніямъ и потому послы римскаго первосвященника могли ожидать отъ этихъ христіанъ, для своей безопасности и свободы не нуждавшихся въ чужеземной помощи, не помощи, а противодѣйствія. Очень вѣроятно, что несторіане, го-

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова стр. 57.
(2) Тамже, стр. 43.

сподствовавшіе при дворѣ, сами сочувствовали завоевательнымъ планамъ своихъ повелителей въ надеждѣ распространить свое вліяніе.

Не встрѣтивъ сочувствія политическимъ и религіознымъ планамъ и желаніямъ папы среди придворныхъ христіанъ, послы римскаго первосвященника тѣмъ менѣе могли надѣяться на привлеченіе къ себѣ самаго хана. Обратить въ латинство несторіанъ и склонить ихъ на свою сторону послы, безъ сомнѣнія, употребляли всѣ усилія, но молчаніе Плано-Карпини о своихъ бесѣдахъ съ ними показываетъ, что эти усилія не рекомендовали его миссіонерскихъ способностей и были совершенно безполезны. Относительно же императора миссіонеры не могли употреблять и усилій, потому что онъ для нихъ былъ совершенно недоступенъ. „Сей же императоръ имѣетъ такое обыкновеніе,—говоритъ Плано-Карпини,—что самъ никогда не говоритъ ни съ однимъ чужестранцемъ, какъ бы онъ знатенъ ни былъ, но выслушиваетъ и отвѣчаетъ чрезъ посредствующее лице“ (1). И дѣйствительно, хотя послы неоднократно видѣли Гаюка, но изъ сочиненія Плано-Карпини не видно, чтобы они говорили съ нимъ о чемъ-бы то ни было. Когда послѣ долгаго пребыванія своего въ ставкѣ хана, гдѣ они „цѣлый мѣсяцъ терпѣли такой голодъ и жажду, что едва могли жить“ (2), дѣло дошло наконецъ до переговоровъ съ самимъ ханомъ, то эти переговоры по волѣ хана были ведены почти исключительно чрезъ его секретарей и министровъ: Кодака, Чингая и Балу. Ханъ приказалъ, чтобы послы изложили свое дѣло и свои рѣчи на бумагѣ и передали Чингаю. Чрезъ нѣсколько времени ханскіе секретари вручили имъ отвѣтную грамату, предварительно растолковавъ имъ ея содержаніе, говоря: „смотрите, поняли ли вы все хорошо; ибо неприлично, если вы не хорошо поняли“ (3). Тѣмъ и кончились всѣ переговоры. 13 Ноября папскіе послы получили отпускъ и грамату за императорскою печатью, а отъ матери императора по лисьей шубѣ шерстью вверхъ и по куску пурпура и послѣ этого отправились въ обратный путь (4). Такую холод-

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова стр. 43.
(2) Тамже, стр. 55.
(3) Тамже, стр. 57.
(4) Тамже, стр. 59, 61.

ность и равнодушіе великаго хана къ папскимъ посламъ, предлагавшимъ союзъ и просившимъ мира, Плано-Карпини не безъ основанія объясняетъ его враждебными намѣреніями по отношенію къ западу (1), намѣреніями, которыя онъ будто-бы хотѣлъ отъ пословъ скрыть. Послѣднее впрочемъ едва ли справедливо, потому что ханы татарскіе никогда не скрывали враждебныхъ своихъ намѣреній, а прямо требовали земли и воды и безусловнаго повиновенія подъ угрозою истребленія. Во время пребыванія пословъ въ ханской ставкѣ, при торжествѣ избранія великаго хана, всѣмъ уже извѣстно было, что великій ханъ хочетъ „воздвигнуть знамя на Церковь Божію, римскую имперію и всѣ царства христіанскія и народы западные, если не сдѣлаютъ они того, о чемъ писалъ онъ къ св. отцу и государямъ и всѣмъ христіанскимъ народамъ, т. е. чтобы они покорились ему“ (2). Принимая во вниманія враждебныя намѣренія императора, папскіе послы ловко отклонили его предложеніе послать къ папѣ своихъ пословъ. Они боялись, чтобы татарскіе послы не увидѣли раздоровъ и войнъ между западными государями, и чтобы это не побудило хана скорѣе привести въ исполненіе свои намѣренія, чтобы эти послы не сдѣлались шпіонами и не подверглись опасности со стороны раздраженныхъ европейцевъ и чтобы такимъ образомъ не вызвали мести со стороны хана (3). На возвратномъ пути послы опять заѣхали къ Батыю и спрашивали его: „какой отвѣтъ дастъ онъ, святѣйшему отцу? но онъ сказалъ, что не приказываетъ съ ними ничего, кромѣ того, чтобы они исправнѣе отдали то, что написалъ императоръ“ (4). Что заключалось въ этомъ письмѣ—достовѣрно не извѣстно, потому-что это письмо не сохранилось до насъ; но по всему должно предполагать, что великій ханъ откровенно изъявлялъ въ немъ свои намѣренія и требовалъ повиновенія. Есть извѣстіе, что на вопросы папскихъ пословъ, христіанинъ ли онъ и почему онъ истребляетъ народы безъ всякаго съ ихъ стороны повода, ханъ отвѣчалъ: „что онъ имѣетъ Божіе

---

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова, стр. 43, 55.
(2) Тамже, стр. 43, 45.
(3) Тамже, стр. 59.
(4) Тамже, 61.

повелѣніе посылать свои народы для истребленія народовъ *худшихъ*. Что же касается до того, христіанинъ ли онъ, то это знаетъ Богъ, а если хочетъ знать это господинъ папа, то пусть самъ придетъ, увидитъ и узнаетъ" (1).—Вообще, намѣренія татаръ были такъ ясны, что во враждебномъ характерѣ ихъ нельзя было сомнѣваться: западные христіане должны были, повидимому, или исполнить всѣ требованія монголовъ и покориться имъ, или приготовиться къ войнѣ и оставить всѣ свои надежды на союзъ съ монголами и обращеніе ихъ въ латинство. Плано-Карпини совѣтовалъ послѣднее. Въ своей книгѣ онъ довольно подробно описалъ для назиданія своихъ современниковъ способъ веденія войны татарами и представилъ свои соображенія о лучшихъ способахъ сопротивленія, укрѣпленія городовъ, о лучшемъ выборѣ мѣстъ для сраженіи и совѣтовалъ торопиться военными приготовленіями, сообщая, что время для выступленія татаръ изъ ихъ земли назначено въ мартѣ мѣсяцѣ 1247 г., что въ три или четыре года дойдутъ они до Команіи а оттуда сдѣлаютъ нападеніе на западныя земли и будутъ воевать сряду 18 лѣтъ. „Все это непремѣнно случится, если только Господь, по милости своей, не положитъ имъ какого-нибудь препятствія, какъ сдѣлалъ въ то время, когда пришли они въ Венгрію и Польшу; ибо тогда долженствовали они 30 лѣтъ идти далѣе впередъ: но когда императора ихъ отравили ядомъ, то они не воевали до сего времени. Теперь же, по избраніи новаго императора, опять начинаютъ готовиться къ войнѣ....А поелику они намѣрены раззорить или поработить всю землю, каковое порабощеніе несносно для нашихъ людей: то и надлежитъ противоборствовать имъ. Но ежели одна область не захочетъ подать помощи другой, то они раззорятъ ту землю, на которую нападутъ, и со взятыми въ плѣнъ людьми нападутъ, на другую... Нѣтъ такой области, которая сама собой могла-бы имъ противиться. Поэтому если христіане хотятъ сохранить себя и свои земли и все христіанство, то надлежитъ, чтобы короли, князья и бароны, и правители земель, соединясь, послали на нихъ съ общаго согласія войско, прежде нежели начнутъ они разсѣеваться по землямъ" (2).

---

(1) Mosheim. Hist. tartar. ecclesiast. App. № 12. p. 51.
(2) Путеш. къ татар. пер. Языкова стр. 201—203.

Еще безуспѣшнѣе была миссія доминиканъ, которые, подъ начальствомъ Николая Асцелина, чрезъ Сирію, Месопотамію и Персію, проникли до границъ Ховарезма, гдѣ въ то время стояло татарское войско подъ начальствомъ Байотноя (Баю—Нойонъ). Послы исполняли свое порученіе такъ неискусно, что, вмѣсто расположенія къ христіанамъ и христіанству, произвели въ татарахъ крайнее озлобленіе и сами едва спаслись отъ ихъ ярости. Когда Байотной узналъ о пріѣздѣ пословъ, то послалъ къ нимъ своего эгина (перваго совѣтника) съ переводчиками узнать, чьи они послы, Асцелинъ отвѣчалъ, что онъ „посолъ святѣйшаго отца папы, который у христіанъ считается достоинствомъ выше всѣхъ людей и уважается ими, какъ отецъ и господинъ". Татарамъ показалось, что наружный видъ пословъ нисколько не отвѣчаетъ такому высокому посольству. „Раздражась этимъ отвѣтомъ до чрезвычайности, они сказали: почему вы въ киченіи своемъ говорите, что папа, государь вашъ, превышаетъ всѣхъ людей? Развѣ онъ не знаетъ, что ханъ есть сынъ Божій, а Байотной и Батый князья его и что имена ихъ гремятъ и славятся повсюду"?—Монахъ гордо отвѣчалъ, что папа не знаетъ ни хана, ни его намѣстниковъ и не слыхалъ даже ихъ именъ; онъ знаетъ только, что какой-то варварскій народъ, называемый *татарскимъ* не щадя никого, истребилъ безчисленное множество людей. „Горько сокрушаясь въ сердцѣ своемъ, продолжалъ Асцелинъ, о кровопролитіи, произведенномъ ими особенно надъ христіанами, онъ, по совѣту братьевъ своихъ кардиналовъ, послалъ насъ въ первое татарское войско, съ которымъ мы повстрѣчаемся, убѣдить начальника онаго и всѣхъ его подчиненныхъ, да престанутъ они проливать кровь человѣческую, и особливо христіанскую, и да раскаются они въ содѣянныхъ ими жестокостяхъ и злодѣйствахъ, какъ то ясно изображено въ его граматѣ (вѣроятно той-же самой, которая была вручена и Плано-Карпини). Поэтому мы просимъ его,—продолжалъ Асцелинъ,—чрезъ васъ, чтобы онъ принялъ грамату святѣйшаго отца, прочиталъ ее и отвѣчалъ ему своею грамотою, или чрезъ посла или только на словахъ чрезъ меня" (1). Чрезъ нѣсколько времени уполномоченные Байотноя освѣдо-

(1) Путеш. къ татар. пер. Языкова стр. 227.

мились о подаркахъ, принесенныхъ посломъ для великаго хана. На это Асцелинъ далъ короткій отвѣтъ, что папа не имѣетъ обыкновенія посылать къ кому-бы то ни было дары, а особливо къ невѣрнымъ и неизвѣстнымъ людямъ и что напротивъ вѣрные дѣти его, т. е. христіане и даже невѣрные, очень часто присылаютъ и подносятъ ему дары (1). Терпѣніе уполномоченныхъ, смотрѣвшихъ съ изумленіемъ на этихъ иноземцевъ, которые ходили босикомъ, и говорили такъ неприлично и гордо, все еще не истощилось. Они даже обѣщали монахамъ выхлопотать пріемъ у Байотноя, если они три раза станутъ предъ нимъ на колѣна, по татарскому обычаю. Обсудивъ это основательно, монахи объявили, однакожъ, единогласно, что такое униженіе предъ язычникомъ будетъ позоромъ для всего христіанства и можетъ быть допущено только тогда, когда онъ сдѣлается христіаниномъ. „Но если, чего болѣе всего желаетъ святѣйшій отецъ и всѣ христіане,—говорилъ Асцелинъ,—государь вашъ Байотной захочетъ сдѣлаться христіаниномъ; то изъ любви къ Богу, не только предъ нимъ, но и предъ всѣми вами, готовы мы преклонить колѣни и даже лобызать подошвы ногъ его и всѣхъ васъ, даже самыхъ послѣднихъ“ (2). Услышавъ это татары пришли въ чрезвычайную ярость: и папу и его пословъ они обругали *собаками*, грозили начальнику посольства содрать съ него живаго кожу и, набивъ ее сѣномъ, отправить къ папѣ съ другими монахами. Предложеніе было одобрено и было бы приведено въ исполненіе, если-бы старшая изъ женъ Байотноя и одинъ изъ главныхъ чиновниковъ не отсовѣтовали такой жестокости изъ-за послѣдствій, какія могла она имѣть для татарскихъ пословъ. Благодаря этому, монахи избавились отъ смертельнаго страха, однакожъ не были отпущены, какъ ни сильно желали того. Татары находили удовольствіе въ насмѣшкахъ надъ ними и въ затрудненіи ихъ разными лукавыми вопросами. Такъ они часто распрашивали ихъ о войскахъ, побѣдахъ и завоеваніяхъ папы; о томъ, почему они считаютъ папу превышающимъ всѣхъ людей, даже хана; какимъ образомъ у христіанъ оказывается почтеніе начальникамъ, сообразно ихъ

(1) Путеш. къ татар. пер. Языкова стр. 227.
(2) Тамже, стр. 233.

достоинству; какимъ образомъ христіане покланяются Богу и почему они не хотятъ поклониться Байотною, когда они кланяются даже дереву и камню? На всѣ эти вопросы послы отвѣчали совершенно непонятнымъ для татаръ языкомъ тогдашняго схоластическаго богословія. Такъ на послѣдній вопросъ Асцелинъ отвѣчалъ: „не дереву и камню покляются христіане, а знаменію креста, на ихъ изображенному, ради распятаго на немъ Господа нашего Іисуса Христа, украсившаго оный своими членами, яко драгоцѣннымъ бисеромъ, освятившаго оный своею кровію и пріобрѣтшаго на немъ наше спасеніе. По симъ причинамъ не можемъ мы государю вашему оказать требуемаго почтенія, какія-бы то ни предстояли намъ мученія“ (1). На вопросъ о преимуществахъ папы предъ ханомъ Асцелинъ отвѣчалъ еще болѣе непонятнымъ для татаръ образомъ: „папу государя нашего— сказалъ онъ—назвали мы превышающимъ достоинствомъ всѣхъ людей, потому, что св. Петру, и его преемникамъ дана отъ Господа власть надъ всею святѣйшею вселенскою Церковію, каковая власть будетъ продолжаться до скончанія вѣка“. Наконецъ, братъ Асцелинъ сталъ доказывать это многими доводами и примѣрами: „но сіи грубые люди,—замѣчаетъ самъ-же Асцелинъ—никакъ не могли понять его надлежащимъ образомъ“ (2). Мало того, они открыто смѣялись надъ проповѣдниками, кричали, шумѣли и бѣсились до чрезвычайности. Упорно отказавшись исполнить, при представленіи Байотною, обыкновенные татарскіе обычаи, „Асцелинъ, вопреки обычаю, наблюдаемому послами, не будучи призванъ къ самому Байотною, принужденъ былъ передать папскую грамату его секретарямъ, которые при помощи толмачей и монаховъ, перевели ее на татарскій языкъ и представили Байотною. Байотной прочитавъ грамату приказалъ отправить пословъ къ великому хану, но они упорно отказались и отъ этого, подъ тѣмъ предлогомъ, что папа никогда не слыхалъ объ имени хана и не приказывалъ имъ итти къ нему, а послалъ ихъ къ первому татарскому войску, какое встрѣтится. Тогда Байотной отправилъ грамату къ великому хану съ своими послами и подъ предлогомъ, что

(1) Путеш. къ татар. пер. Языкова. стр. 241.
(2) Тамже, стр. 245.

надобно подождать отвѣта, удерживалъ монаховъ „въ своемъ войскѣ девять недѣль, унижая ихъ до того, что считалъ недостойными никакого отвѣта“ (1), и давая имъ такую скудную и плохую пищу, что они чуть не умерли съ голода. Наконецъ послы рѣшились, во что бы то ни стало, избавиться отъ татарскаго гостепріимства. Сдѣлавшись благоразумнѣе, Асцелинъ „пошелъ къ одному знатному придворному совѣтнику, просилъ его ходатайствовать за нихъ у Байотноя и обѣщалъ этому совѣтнику что-нибудь подарить, если онъ исполнитъ его просьбу. Поэтому совѣтникъ, пошедъ къ Байотною, началъ заговаривать и просить его о монахахъ, и вслѣдствіе приказанія его велѣлъ изготовить грамату къ папѣ, и, нарядя пословъ, кои должествовали вести какъ сію, такъ и ханскую граматы, испросилъ монахамъ дозволеніе ѣхать“ (2). Грамата Байотноя къ папѣ, посланная съ Айбегомъ и Саргисомъ, которые отправились въ Европу съ Асцелиномъ, была слѣдующаго, самаго оскорбительнаго и грознаго содержанія: „Божественнымъ расположеніемъ хана посылается слово Байотноево. Знай это папа: послы твои пришли и грамату твою намъ принесли. Послы твои говорили дерзкія слова; не знаемъ, ты ли велѣлъ имъ говорить такъ, или они говорили сами отъ себя. А въ граматѣ пишешь ты, что мы многихъ людей убиваемъ, истребляемъ и погубляемъ. Непреложная заповѣдь Божія и установленіе того, кто сохраняетъ лице всея земли, таковы: слышащій установленіе, да сидитъ на собственной землѣ, водѣ и отчинѣ, и отдастъ силу тому, кто сохраняетъ лице всея земли. Кто же, не внимая заповѣди и установленію, будетъ дѣлать противное, да истребится и погибнетъ. Теперь посылаемъ мы вамъ это установленіе и эту заповѣдь. Если вы хотите сидѣть на нашей землѣ, водѣ и отчинѣ; то ты папа приходи къ намъ самолично и предстань предъ того, кто сохраняетъ лице всея земли. Если же ты не послушаешь непреложной заповѣди Божіей, того, кто сохраняетъ лице всея земли, то мы не знаемъ, что изъ этаго будетъ, Богъ вѣсть. Но прежде, нежели ты придешь, пришли пословъ возвѣстить намъ: придешь ли ты, или нѣтъ, хочешь

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова стр. 253.
(2) Тамже, стр. 257.

ли жить съ нами согласно, или быть врагомъ? и на сіе повелѣніе пришли намъ скорѣе отвѣтъ. Повелѣніе это посылаемъ мы чрезъ руки Айбега и Саргиса“ (1). О судьбѣ этихъ татарскихъ пословъ, о томъ, достигли ли они папскаго города и если достигли, то какъ ихъ тамъ приняли,—ничего неизвѣстно (2).

Не смотря на высокомѣрныя и крайне оскорбительныя требованія монголовъ, папы не теряли надежды завязать съ ними дружественныя сношенія и обратить ихъ въ христіанскую вѣру. Постоянно приходившія съ востока вѣсти о христіанствѣ среди монголовъ поддерживали эту надежду и побуждали къ новымъ попыткамъ. 14 Декабря 1248 г. во время пребыванія Людовика св. на островѣ Кипрѣ, прибыли туда послы татарскаго хана и вручили французскому королю письмо отъ своего господина, по имени Эркалтая. Въ

---

(1) Путеш. къ татар. перев. Языкова стр. 259—261.

(2) Нѣкоторые (Lacroix Diction. des. missions T. I. art. Laurent de Portugal p. 800—801. Migne. Troisien et dern encycloped. theolog. t. LIX. Paris. 1863). Полагаютъ, что отвѣтомъ папы на это посольство была миссія Лаврентія Португальскаго и письмо, написанное обыкновеннымъ тономъ папскихъ посланій. Въ этомъ письмѣ (Rayan. 1245 № 16 Wadd. t. III. p. 116) папа излагаетъ для татаръ христіанское ученіе такимъ тономъ, какъ будто бы они уже имѣли нѣкоторое понятіе о немъ. Папа говоритъ о паденіи первыхъ людей, о воплощеніи Бога Слова и возстановленіи людей и потомъ прибавляетъ: Сынъ Божій «воскресши изъ мертвыхъ и вознесшись на небеса, оставилъ на землѣ своего викарія, которому ввѣрилъ заботу о душахъ... и ключи царства небеснаго, что-бы викарій и его преемники имѣли власть открывать его и заключать.. Будучи его наслѣдниками.. и пламенно желая вашего спасенія... мы посылаемъ къ вамъ.. избраннаго сына Лаврентія Португальскаго и его товарищей.. изъ ордена братьевъ миноритовъ, мужей славныхъ благочестіемъ, честностію и свѣдущихъ въ св. Писаніи, чтобы вы, узнавъ изъ ихъ спасительныхъ наставленій о Сынѣ Божіемъ І. Христѣ, почтили свое славное имя принятіемъ христіанской вѣры». Такимъ образомъ въ самомъ письмѣ нѣтъ ничего такого, на основаніи чего его можно-бы было считать отвѣтомъ на письмо Байотноя. Самое письмо помѣчено 9 марта 1245 г. и слѣдовательно написано гораздо ранѣе полученія письма Байотноева. По всей вѣроятности миссія Лаврентія Португальскаго опредѣлена была вмѣстѣ съ миссіями Плано-Карпини и Асцелина, но почему-либо не состоялась; иначе трудно объяснить, почему о ней кромѣ вышеозначеннаго письма не сохранилось никакихъ документовъ.

этомъ письмѣ, написанномъ высокопарнымъ восточнымъ слогомъ, татарскій князь выражалъ желаніе заключить съ королемъ союзъ. „Я прошу Бога—говорилъ онъ—чтобы Онъ далъ побѣду войскамъ христіанскихъ королей и помогъ имъ восторжествовать надъ врагами креста....Мы хотимъ, чтобы всѣ христіане были свободны отъ рабства и дани, чтобы разрушенныя церкви были возстановлены и чтобы они спокойно молились за наше царство...Кіокай, царь земли, приказалъ, чтобы въ законѣ Божіемъ не было различія между латинами и греками, армянами, несторіянами и якобитами и всѣми чтущими крестъ, ибо всѣ они для насъ одинаковы. И мы просимъ, чтобы царь не дѣлалъ различія между ними, но да будетъ благоволеніе и милость его надъ всѣми христіанами“ (1). Въ числѣ пословъ, принесшихъ это письмо, были два христіанина: Давидъ и Маркъ. Перваго изъ нихъ узналъ находившійся при королѣ доминиканецъ Андрей де Лонжумель, который во время своего пребыванія на востокѣ, по порученію папы, видѣлъ этого посла въ татарскомъ войскѣ. Это нѣсколько увѣрило короля въ подлинности посольства. Зная уже вѣроятно объ отвѣтѣ Байотноя папѣ и о результатахъ Асцелинова посольства, едва лишь возвратившагося отъ татаръ, онъ не хотѣлъ было вѣрить посламъ и готовъ былъ принять ихъ за обманщиковъ. Еще болѣе благопріятнымъ образомъ подѣйствовало на него вскорѣ полученное имъ письмо констабля Арменіи, котоный писалъ его къ королю кипрскому и графу іоппійскому, во время своего путешествія къ татарскому хану. Это письмо во многомъ подтверждало показанія пословъ и принесеннаго ими письма. Въ немъ такими яркими чертами описано было христіанство въ татаріи, его нужды и благопріятныя отношенія къ нему хана, что благочестивому Людовику трудно было не увлечься. Такъ о странѣ Тангутъ въ письмѣ говорилось: „это та земля, изъ которой пришли въ Виелеемъ на поклоненіе рожденному Господу Іисусу три царя... Жители этой страны суть христіане: я самъ былъ въ ихъ церквахъ и видѣлъ І. Христа, повитаго и трехъ царей, изъ которыхъ одинъ подноситъ золото, другой ливанъ, а третій смирну... (Они) имѣютъ свои церкви, звонятъ въ свои колокола и ударяютъ въ доски,

(1) Mosheim. Append. № XII. p. 47, 48.

такъ что приходящіе къ господину ихъ хану должны были сначала войти въ церковь и привѣтствовать Господа Іисуса Христа, а потомъ уже притти и привѣтствовать господина ихъ хана... Извѣщаю васъ, что мы встрѣчали въ странахъ востока множество христіанъ и множество красивыхъ церквей древнихъ и прекрасно построенныхъ, которыя разрушили турки. Поэтому христіане той страны отправились къ хану съ жалобою. Ханъ принялъ ихъ съ великою честію, далъ имъ свободу и запретилъ дѣлать имъ какую бы то ни было обиду. Этимъ сарацины приведены были въ большое смущеніе... Но эти христіане чувствуютъ великую нужду въ проповѣдникахъ для своего наставленія и знайте, что тѣ, которымъ слѣдуетъ проповѣдывать, по моему мнѣнію, достойны великаго наказанія. Знайте кромѣ того, что въ Индіи, которую обратилъ св. ап. Ѳома, есть нѣкоторый царь христіанинъ, который много терпѣлъ отъ своихъ сосѣдей, королей сарацинскихъ, пока не прибыли татары и онъ не сдѣлася ихъ вассаломъ (1). Получивъ это письмо, Людовикъ началъ распрашивать пословъ Еркалтая, какъ узналъ ихъ господинъ о прибытіи на востокъ французскаго короля, откуда пришли татары и по какому побужденію, въ какихъ странахъ они живутъ нынѣ, велико ли войско у хана, по какому случаю ханъ принялъ христіанскую вѣру, давно ли и много ли другихъ приняли вмѣстѣ съ нимъ крещеніе? Тѣ же вопросы король дѣлалъ и относительно Эркалтая. Спросилъ также и о томъ, почему Бахонъ (Байотной) худо принялъ папскихъ пословъ, христіанинъ ли султанъ Мосульскій, изъ какой страны сами посланники и давно ли они христіане?—На всѣ эти вопросы послы отвѣчали довольно удовлетворительно и правдоподобно. Они говорили, что о прибытіи французскаго короля на востокъ ханъ узналъ отъ султана Мосульскаго и что поэтому Эркалтай и послалъ ихъ къ нему съ извѣщеніемъ, что татары въ скоромъ времени предполагаютъ напасть на Калифа Багдадскаго и съ просьбой напасть на Египетъ и такимъ образомъ лишить Египетъ всякой помощи. Отвѣтивъ далѣе на вопросы о происхожденіи татаръ и объ образѣ

(1) Mosheim. Append. № XII p. 49—51.

ихъ жизни, послы прибавили, что ханъ Кіокай (Гаюкъ), царствующій въ настоящее время, сынъ христіанки, дочери священника Іоанна, вслѣдствіе увѣщаній своей матери и епископа Малассіи, принялъ крещеніе въ день Богоявленія съ 18 принцами и многими чиновниками, между которыми есть еще впрочемъ много и такихъ, которые не крещены, что Эркалтай—христіанинъ съ давнихъ поръ и хотя не царской крови, но могущественъ и находится на востокѣ Персіи, а Бахонъ язычникъ находится въ дружбѣ съ сарацинами, а потому и принялъ худо папскихъ пословъ; что султанъ Мусульскій—сынъ христіанки, сердечно любитъ христіанъ, соблюдаетъ ихъ праздники и ничего не дѣлаетъ по закону Мухаммеда и если бы былъ благопріятный случай, то охотно сдѣлался бы христіаниномъ. Что касается до насъ самихъ—говорили далѣе послы—то мы изъ города, отстоящаго отъ Мосула на два дня пути и христіане по рожденію. Имя папы нынѣ славно между татарами, а Эркалтай намѣренъ напасть на Калифа Багдадскаго и отмстить обиду, нанесенную ховарезмійцами Іисусу Христу (1). Всѣ эти разсказы пословъ льстили самымъ любимѣйшимъ мыслямъ короля. Представившаяся возможность союза съ татарами очень обрадовала какъ его, такъ и всѣхъ крестоносцевъ и подала большія надежды на успѣхъ крестоваго похода. Въ лагерѣ не было иныхъ рѣчей, какъ только о пособіяхъ, обѣщанныхъ великимъ ханомъ или татарскимъ императоромъ; вожди и воины отовсюду стекались смотрѣть на пословъ Эркалтая, котораго они считали однимъ „изъ первѣйшихъ бароновъ Татаріи“; послы татарскіе получили доступъ ко двору Людовика и приглашены были къ его столу; король самъ лично проводилъ ихъ для слушанія богослуженія въ Никосійскій соборъ, гдѣ весь народъ былъ тронутъ ихъ набожностію. Король рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завязать съ татарами сношенія, сдѣлать ихъ своими союзниками и обратить въ латинство. 25 генваря 1249 г. татарскіе послы отправились назадъ въ Татарію въ сопровожденіи трехъ доминиканскихъ монаховъ: Андрея Лонжумеля, Іоанна и Вильгельма, которымъ Людовикъ и легатъ папскій вручили письма къ великому хану Эркалтаю и ко всѣмъ

(1) Mosheim. Append. № XII. p. 51—54.

татарамъ съ увѣщаніями признать приматство римской церкви и авторитетъ папы и вступить въ союзъ съ латинянами. Къ этимъ письмамъ присоединены были великолѣпные подарки. Особенно хорошъ былъ алый шатеръ, на которомъ, по приказанію короля, изображено было благовѣщеніе Дѣвы Маріи, матери Божіей со всѣми другими предметами вѣры (1). Монахи, по извѣстію Матвѣя парижскаго, знали сарацинскій языкъ и должны были наставлять и убѣждать татаръ для увѣрованія въ Бога (2). Чрезъ два года послы возвратились и принесли съ собой извѣстія, которыхъ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. По ихъ разсказамъ они отправились изъ Каира въ Татарію чрезъ Антіохію и, совершая по 10 миль въ день, провели въ пути цѣлый годъ, пока наконецъ прибыли въ мѣстопребываніе великаго хана татарскаго. Миссіонеры проходили чрезъ пустыни, гдѣ видѣли огромныя груды человѣческихъ костей, свидѣтельствовавшія о дикой воинственности варварскаго народа; они разсказывали дивныя вещи о дворѣ императора монголовъ, о нравахъ и обычаяхъ странъ ими проходимыхъ, о завоеваніяхъ и законодательствѣ Чингизъ-хана. Хана Гаюка, къ которому они были посланы, не было уже въ живыхъ, и монголы готовились къ избранію новаго хана. Въ 1251 г. избранъ былъ Менгу, младшій сынъ Чингизъ-хана, и миссіонеры присутствовали при этомъ избраніи. Имъ показалось, что новый ханъ очень расположенъ къ христіанству, но между князьями его они не нашли никакого Эркалтая (3). Миссіонеры утверждали, что въ одной татарской ордѣ они видѣли болѣе восьми сотъ часовень, гдѣ прославляли истиннаго Бога (4). Основываясь на ихъ донесеніи, король Людовикъ писалъ къ папѣ,

(1) Мишо. т. IV, стр. 119.

(2) Стасюлевичъ т. III. стр. 712.

(3) Это обстоятельство подало нѣкоторымъ ученымъ особенно, Дегиню (автору Histoire des Huns) поводъ отвергать подлинность посольства отъ Эркалтая и считать его подлогомъ со стороны армянскихъ монаховъ. Мнѣніе Дегиня опровергъ другой еще болѣе авторитетный ученый Абель Ремюза. Онъ объяснилъ многія сомнительныя обстоятельства этого посольства и примирилъ противорѣчія въ сочиненіи: Memoires sur les relations politiques des princes chretiens .. avec les mongoles (Paris. 1822 г.) Мишо также примыкаетъ къ его мнѣнію (Истор. крест. поход. т. IV с. 120).

(4) Мишо. т. IV с. 298.

что многіе татары приняли крещеніе и ихъ обратилось бы еще болѣе, если бы имъ проповѣдывали вѣру. Могущество халифа багдадскаго производитъ то, что у нихъ очень мало епископовъ; поэтому слѣдовало бы нѣкоторыхъ братьевъ миноритовъ и проповѣдниковъ поставить во епископы и послать ихъ туда, чтобы они могли посвящать въ св. должности, совершать таинства, свойственныя епископамъ и проч. (1). Вообще изъ показаній миссіонеровъ, наполненныхъ баснословными сказаніями, видно было впрочемъ, что христіанство среди монголовъ было довольно сильно и что надежда на союзъ съ ними для христіанъ не лишена была основанія. Вслѣдствіе этого въ 1253 г. снова посланы были въ Татарію миссіонеры французы: Вильгельмъ, Рубруквисъ или Руисбрекъ и Варфоломей Кремонскій съ письмами отъ французскаго короля и папы къ татарскимъ князьямъ и съ тѣми же порученіями, съ какими отправлялись туда и прежніе послы. Новые слухи объ обращеніи великаго хана въ христіанство обѣщали посольству несомнѣнный успѣхъ. Говорили, что великій ханъ Менгу и нѣкоторые изъ его знатныхъ князей,—напримѣръ Сартакъ, сынъ Батыя, командовавшій войсками на западныхъ границахъ монгольской имперіи,—приняли уже крещеніе. Если вѣрить извѣстіямъ армянскаго монаха Гайтона, принадлежавшаго къ царствовавшему тогда армянскому дому и написавшаго „Исторію востока“, то эти слухи были справедливы и имѣли истинное основаніе. Армянскій царь Гайтонъ, дядя помянутаго монаха, тѣснимый мухаммеданами и монголами и желая спасти отъ окончательнаго порабощенія свое царство, возъимѣлъ туже самую мысль, какую такъ лелѣяли западные христіане, именно—мысль обратить монголовъ въ христіанство, заключить съ ними дружественный союзъ и обратить ихъ силы на мухаммеданъ. Желая привести эту мысль въ исполненіе, Гайтонъ отправилъ къ великому хану посла, по имени Синибальда. Но такъ какъ этотъ посолъ возвратился, не достигнувъ при дворѣ великаго хана никакихъ благопріятныхъ для Арменіи и христіанства результатовъ, то король самъ рѣшился отправиться ко двору великаго хана, съ цѣлію лично убѣждать его къ принятію христіанства и склонить на сторону своихъ плановъ. По извѣстіямъ Гайтона, бывшаго спутникомъ своего дяди во

(1) Raynal 1253 ва. 49.

время его путешествія и очевидцемъ его дѣяній, великій ханъ принялъ армянскаго царя съ великою честью, внялъ его убѣжденіямъ, принялъ крещеніе съ нѣкоторыми изъ знатныхъ своихъ князей изъ рукъ армянскаго епископа, бывшаго при королѣ Гайтонѣ, и совершенно согласился съ планами его относительно мухаммеданъ (1). Но это извѣстіе подвергается большому сомнѣнію. Главнымъ основаніемъ этого сомнѣнія служитъ то, что фактъ обращенія хана въ христіанство не потвержденъ Рубруквисомъ и что латинское посольство встрѣтило у хана самый холодный пріемъ. Это обстоятельсто дѣйствительно очень важно и почти совершенно непримиримо съ извѣстіемъ объ обращеніи хана Менгу, которое поэтому должно быть объявлено ложнымъ. Тѣмъ не менѣе однако это извѣстіе послужило поводомъ къ посольству Рубруквиса и сильно поддерживало въ то время на западѣ надежды на его успѣхъ. Эти надежды должны были превратиться въ увѣренность, когда папа въ 1254 г. (2) получилъ оффиціальное отъ Саттаха (Сартака) посольство, подтвердившее слухъ о его обращеніи. Послы и письмо, принесенное ими, увѣдомляли папу о крещеніи Саттаха и о его готовности признать первенство римскаго первосвященника и быть союзникомъ христіанъ. Въ сентябрѣ того же года папа Иннокентій IV отвѣчалъ на это увѣдомленіе письмомъ, въ которомъ въ восторженныхъ выраженіяхъ изъявлялъ свою радость, убѣждалъ Сартака оставаться вѣрнымъ принятой вѣрѣ и излагалъ ученіе о своемъ главенствѣ (3). Съ кѣмъ отправлено было это посольство и было ли отправлено, неизвѣстно. Рубруквисъ въ это время былъ уже въ столицѣ великаго хана.

Но всѣ эти надежды западнаго христіанства опять должны были разрушиться. Миссіонеры отправились въ путь 7 мая 1253 г. чрезъ Костантинополь, Понтъ Евксинскій и Крымъ. Ихъ путешествіе совершенно потвердило прежнія

---

(1) Geschichte der Kreuzzuge v. Wilken t. VII. p. 403, 404.

(2) Изъ письма папы къ Саттаху видно, что татарскіе послы были задержаны въ Сициліи Конрадомъ, сыномъ Фридриха II, и не прежде получили возможность продолжать путь, какъ по смерти этого государя (Mosh. App. № XV p. 60.

(3) Mosheim. p. 55, 56 app. № XV p. 57—60.

извѣстія о процвѣтаніи среди монголовъ несторіанства и другихъ восточныхъ христіанскихъ сектъ, но въ тоже время ясно показало, что монгольскіе государи неблагопріятно смотрятъ на латинянъ и предпочитаютъ оставаться индеферентистами въ дѣлѣ религіи, монголами, а не христіанами. На пути своемъ они всюду встрѣчали несторіанъ и армянъ, видѣли, что эти христіане имѣютъ множество храмовъ и исповѣдниковъ и пользуются большимъ вліяніемъ при дворахъ монгольскихъ князей, но нигдѣ не встрѣчали особенной готовности принять латинство и признать римскаго папу своимъ господиномъ. Повстрѣчавшись съ первымъ монгольскимъ станомъ, они представились начальнику его Джагатаю, родственнику Батыя, который принялъ ихъ *сидя на постели и разговаривая съ одной изъ своихъ женъ*. Давъ знать ему о цѣли своего путешествія и получивъ отъ него обѣщаніе проводить ихъ въ станъ Сартака, миссіонеры стали было проповѣдывать ему о христіанской вѣрѣ; онъ не отвѣчалъ ни слова, а только сомнительно покачалъ головой и отпустилъ ихъ. Получивъ проводника, они чрезъ крымскій перешеекъ и великую пустыню (Ногайскую степень) отправились въ лагерь Сартака, сына Батыева, расположенный на три дня пути по сю сторону Волги. Во время этого показавшагося имъ очень труднымъ путешествія они не упускали случая проповѣдывать монголамъ ученіе христово, но всякій разъ безъ успѣха, чему не мало способствовало ихъ незнаніе монгольскаго языка. Переводчики или совершенно отказывались передавать христіанскую проповѣдь своимъ соотечественникамъ, или вмѣсто передачи ея, говорили совсѣмъ другое, въ чемъ самъ Рубруквисъ, познакомившись нѣсколько съ языкомъ, неоднократно имѣлъ случай убѣдиться. Удостовѣрившись въ недобросовѣстности переводчика, миссіонеры начали, по возможности, дѣйствовать въ такихъ случаяхъ безъ его помощи, но не имѣли никакого успѣха. Однажды имъ встрѣтился одинъ сарацинъ. Миссіонеры тотчасъ же вступили съ нимъ въ состязаніе и начали излагать ему ученіе о Христѣ, о Его воплощеніи, воскресеніи изъ мертвыхъ, о будущемъ судѣ и проч. Мухаммеданинъ повидимому убѣдился ихъ доводами и когда спросили его, хочетъ ли онъ креститься, отвѣчалъ, что хочетъ. Но когда стали приготовляться къ совершенію таинства, то онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ, говоря, что хочетъ посовѣтоваться объ этомъ съ своей же-

ной. На другой день онъ возвратился, говоря, что не смѣетъ креститься, потому что, крестившись, нельзя уже пить кумыса. „Мѣстные христіане—замѣчаетъ Рубруквисъ—говорятъ, что всякій истинный христіанинъ не долженъ пить этого напитка. Я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія, которое, будучи поддерживаемо русскими, много препятствуетъ успѣхамъ вѣры"... Очевидно, что упомянутый сарацинъ не совершенно понялъ доводы миссіонера и нисколько не былъ убѣжденъ его увѣщаніями. Онъ понялъ только, что отъ него требуютъ, чтобы онъ сдѣлался христіаниномъ. Понимая христіанство чисто внѣшнимъ образомъ, онъ не согласился.

Прибывъ въ лагерь Сартака, миссіонеры тотчасъ доложили о себѣ придворному чиновнику, который долженъ былъ принимать иноземцевъ и назывался Янна. Сартакъ имѣлъ блестящій дворъ: у него было шесть, а у его старшаго сына двѣ или три жены, и каждая имѣла большой домъ и почти 200 кибитокъ. Чрезъ два дня по пріѣздѣ миссіонеровъ Сартакъ приказалъ имъ явиться къ себѣ въ полномъ христіанско-богослужебномъ облаченіи, съ письмами папы и богослужебными принадлежностями. Миссіонеры охотно исполнили его желаніе и вошли въ палатку хана въ полномъ священническомъ облаченіи и съ пѣніемъ: „Salve Regina". Это, повидимому, доставило большое удовольствіе Сартаку и его женѣ, сидѣвшей возлѣ него. Ханъ съ любопытствомъ разсматривалъ библію и кресты и слушалъ объясненія Рубруквиса. Но послѣ, когда любопытство его было удовлетворено, онъ вѣжливымъ образомъ старался спровадить посланниковъ и замѣтилъ имъ, что *дѣло, по которому они пришли, такъ важно, что онъ не можетъ принять на себя его рѣшеніе и потому пусть они обратятся къ отцу его, хану Батыю.* Но какъ мало думалъ Сартакъ принимать христіанскую вѣру, они могли уже заключить изъ того, что ихъ убѣдительно предостерегали не называть Сартака христіаниномъ, потому что онъ не христіанинъ, а *монголъ.* „Это потому,—замѣчаетъ Рубруквисъ,—что они имя христіанина принимаютъ за имя націи, и если между ними есть нѣкоторые христіане, то они сохраняютъ имя монголовъ, считая его выше всѣхъ именъ и нежелая называться татарами". „Несторіане—продолжаетъ Рубруквисъ—производятъ большой шумъ изъ пустяковъ. Они говорятъ, что Сартакъ христіанинъ, что Менгу-ханъ и Кенъ-ханъ болѣе благоволятъ

къ христіанамъ, чѣмъ къ другимъ народамъ, однако они на дѣлѣ вовсе не христіане. Относительно Сартака я не знаю, вѣритъ ли онъ въ Іисуса Христа или нѣтъ: все, что я знаю, состоитъ въ томъ, что онъ не желаетъ именоваться христіаниномъ, а напротивъ мнѣ кажется, что онъ презираетъ христіанъ" (1). Кажется, впрочемъ, это презрѣніе простиралось болѣе на латинянъ, но не на другихъ христіанъ. Самъ же Рубруквисъ сообщаетъ, что при дворѣ Сартака были также несторіанскіе священники, которые звонили въ свои доски и отправляли свои службы (2). У Батыя послы встрѣтили пріемъ еще болѣе равнодушный. Они явились къ хану въ своей монашеской одеждѣ, босикомъ, съ непокрытыми головами: все собраніе долго осматривало ихъ съ головы до ногъ. Ханъ сидѣлъ возлѣ своей жены на возвышеніи, богато вызолоченномъ и похожемъ на постель. Тихо и важно посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, онъ велѣлъ имъ говорить. Потомъ они сѣли по приказанію проводника, но прежде, нежели высказали свою просьбу, помолились о душевномъ спасеніи хана. Услыхавъ, что дѣло идетъ о его обращеніи, онъ равнодушно улыбнулся, а бывшіе тутъ придворные подняли громкій насмѣшливый хохотъ. Однакожъ Рубруквисъ не смутился, подалъ письмо короля французскаго и отвѣтилъ на нѣсколько вопросовъ объ этомъ государѣ. Послѣ этого его съ товарищами угощали кумысомъ и отпустили съ не очень утѣшительнымъ отвѣтомъ, что только самъ великій ханъ Менгу можетъ рѣшить это дѣло и что до его резиденціи можно доѣхать въ 4 мѣсяца. Бѣдные монахи, которымъ давали такую скудную пищу, что они едва могли жить, первыя пять недѣль шли съ Батыемъ пѣшкомъ по теченію Волги; наконецъ снабдили ихъ теплой одеждой и 16 октября отправили съ проводниками дальше къ востоку. Во время этаго пути послы часто встрѣчались съ несторіанами, о которыхъ Рубруквисъ говоритъ, что они хорошо знали языкъ народа, но въ нравственномъ отношеніи стояли на самомъ низкомъ уровнѣ. Епископъ города Сегинь (Синь-

(1) Fleury. Histoire ecclesiastique. t. XVII p. 557.

(2) Ibid. На этомъ основаніи нѣкоторые дѣлаютъ предположеніе, что вышеупомянутое посольство Сартака къ папѣ было дѣломъ какого-нибудь обманщика несторіанина, который хотѣлъ такимъ образомъ получить награду отъ папы и христіанскихъ государей.

чанъ-фу, въ области Шеньзи) едва только однажды въ 50 лѣтъ объѣзжалъ свою епархію и при этомъ посвящалъ въ священники всѣхъ дѣтей мужескаго пола, хотя бы они были еще въ колыбели (?) Эти священники были очень невѣжественны и совершенно почти не знали сирійскаго языка, на которомъ у нихъ совершается богослуженіе и читается св. Писаніе. Вообще они мало заботились о вѣрѣ и богослужебныхъ обрядахъ, если не надѣялись имѣть отъ этого денежные выгоды, предавались ростовщичеству, самому любимому своему занятію, или вину, до котораго были страстные охотники, и своею жизнію, во всѣхъ отношеніямъ соблазнительною, не мало содѣйствовали тому, что монголы мало по малу получили отвращеніе къ христіанству (1). 27 Декабря путешественники доѣхали наконецъ до широкой равнины, гдѣ находилось мѣстопребываніе великаго хана. Проводнику ихъ тотчасъ же отвели прекрасное жилище, а миссіонерамъ такую тѣсную хижину, что они едва могли умѣститься въ ней. Чиновники сначала помучили ихъ безконечными расп[illegible]осами о цѣли ихъ путешествія, а потомъ въ первый день 1254 г. ихъ позвали ко двору. Прежде всего ихъ тщательно обыскали и предостерегли, чтобы они не дотрогивались до порога, а потомъ повели къ хану. Распѣвая церковную пѣснь, монахи вошли въ палатку. Ханъ сначала угостилъ ихъ рисовымъ виномъ и во все время, пока они пили, игралъ съ соколомъ, сидѣвшимъ у него на рукахъ; потомъ, посмотрѣвъ на нихъ долго и внимательно, велѣлъ имъ стать предъ собою на колѣна и сказать свою просьбу. Тогда Рубруквисъ началъ излагать цѣль своего посольства, говоря, что они собственно посланы были къ Сартаку, будто бы принявшему, по слухамъ, христіанскую вѣру, и потому явились къ нему безъ подарковъ и не могутъ предложить ему ничего, кромѣ своихъ молитвъ за него, за его жену и дѣтей: къ этому онъ прибавилъ еще просьбу, чтобы имъ дозволено было жить въ его землѣ и сообразно съ своими обѣтами учить людей жить по закону Божію, пока лучшее время года не дозволитъ имъ возвратиться домой. „Какъ солнце—гордо отвѣчалъ на это Менгу—посылаетъ свои лучи во всѣ стороны, такъ и власть наша съ Батыемъ прости-

(1) Средневѣк. Путеш. стр. 179, 180. Чт. въ общ. ист. и древ. 1864 г. 3 кн.

рается по всѣмъ странамъ міра и намъ не надобно ни вашего золота, ни серебра". Послы не могли понять, что говорилъ онъ дальше, потому что ихъ толматъ, дѣлавшій слишкомъ много чести кумысу, который подавали ему, не въ состояніи былъ говорить, да и самъ ханъ выражался такъ несвязно, что показался имъ тоже не трезвымъ. Окончивъ свою рѣчь, онъ далъ имъ знакъ удалиться и велѣлъ потомъ извѣстить ихъ, что изъ состраданія позволяетъ имъ остаться на два мѣсяца при его дворѣ и велитъ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Живя при дворѣ великаго хана, послы вскорѣ убѣдились, что онъ вовсе не думалъ о принятіи христіанской вѣры. Подобно прочимъ татарамъ, онъ былъ преданъ самому грубому суевѣрію и посѣщалъ храмъ, въ которомъ садился на золотомъ ложѣ, а жрецы съ пѣніемъ окуривали его. Во время молитвы, жрецовъ и богомольцовъ такъ усердно угощали кумысомъ, что они выходили изъ храма пьяные. Не смотря однакожъ на явную преданность хана къ языческимъ суевѣріямъ, армяне и несторіане старались увѣрить папскаго посла въ преданности хана къ христіанству. Одинъ армянскій монахъ, Сергій, говорилъ Рубруквису, что въ праздникъ Богоявленія великій ханъ намѣренъ принять крещеніе. Рубруквисъ просилъ, чтобы ему позволили присутствовать при этомъ великомъ событіи. Армянинъ обѣщалъ ему. Въ день праздника ихъ дѣйствительно вмѣстѣ съ несторіанскими священниками позвали во дворецъ; но здѣсь кромѣ обѣда ничего не было, и они возвратились домой пристыженные и разочарованные. Несторіане говорили даже, что ханъ уже крещенъ, но Рубруквисъ сказалъ имъ, что онъ не вѣритъ этому и что нужно сначала увидѣть это, а потомъ уже говорить. Очевидно, что ханъ игралъ лицемѣрную роль и, будучи суевѣренъ и совершенно равнодушенъ ко всѣмъ религіямъ, не хотѣлъ оскорблять ни одной изъ нихъ, хотѣлъ угодить всѣмъ и ко всѣмъ повидимому благоволилъ, такъ что представители каждой религіи надѣялись видѣть его въ скоромъ времени исповѣдникомъ своей вѣры. Видя во кругъ себя постоянное соперничество миссіонеровъ разныхъ религій и исповѣданій, споривших за обладаніе его совѣстію, Менгу назначилъ даже публичное состязаніе, въ которомъ должны были принять участіе латиняне, несторіане, мухаммедане и язычники. По извѣстію Рубруквиса, ханъ-Менгу хотѣлъ такимъ образомъ узнать, на какихъ доказа-

тельствахъ основывается каждая изъ этихъ религій. На это состязаніе ханъ назначилъ посредниками трехъ своихъ секретарей (по одному изъ каждой религіи—христіанской, мухаммеданской и языческой). Сначала громогласно провозглашено было запрещеніе ругать и обижать другъ друга и производить какое бы то ни было смятеніе, которое могло бы воспрепятствовать состязанію. Потомъ началось самое состязаніе. Рубруквисъ началъ состязаться съ язычниками и, по его словамъ, довелъ ихъ до того, что они ничего не могли наконецъ возразить противъ его доводовъ. Несторіане состязались съ мухаммеданами, но съ меньшимъ искусствомъ. Результата не было никакого; никто не изъявилъ желанія принять христіанство, ни изъ язычниковъ, ни изъ мухаммеданъ. По всей вѣроятности, всѣ остались при своихъ мнѣніяхъ, несмотря на всѣ усилія папскаго миссіонера, который спорилъ долѣе всѣхъ. Черезъ день послѣ этого состязанія, происходившаго 13 мая 1254 г., Менгу, призвавъ миссіонеровъ къ себѣ, сказалъ имъ между прочимъ: „монголы вѣруютъ въ единаго Бога и чтутъ Его чистосердечно. Точно также, какъ Богъ снабдилъ руку многими пальцами, Онъ вложилъ и разныя мнѣнія въ человѣческій духъ: христіанамъ далъ Онъ Писаніе, но они не слѣдуютъ Его ученію, потому что тамъ не написано, что должно клеветать друга на друга и за деньги уклоняться отъ пути справедливости. Намъ Богъ далъ предсказателей; мы слѣдуемъ ихъ предписаніямъ и живемъ въ мирѣ“. Разговаривая такъ, ханъ перешелъ вдругъ къ другому предмету и, выпивъ четыре раза, строго сказалъ: „я позволилъ вамъ остаться подольше при моемъ дворѣ; теперь моя воля такова, чтобы вы воротились въ свою землю. У меня въ головѣ два глаза, но у обоихъ одна точка зрѣнія, и куда оборачивается одинъ, туда же слѣдуетъ за нимъ и другой; вы пришли сюда чрезъ Батыево пребываніе, чрезъ него же должны и воротиться назадъ“. Потомъ ханъ велѣлъ выдать имъ деньги и платье на дорогу и хотѣлъ было вмѣстѣ съ ними отправить въ Европу къ Людовику своихъ собственныхъ пословъ, но Рубруквисъ изобразилъ трудности пути въ такомъ преувеличенномъ и страшномъ видѣ, что между воинственными монголами не нашлось ни одного охотника преодолѣть эти трудности. Поэтому Менгу свое письмо къ Людовику поручилъ передать самимъ миссіонерамъ. Это письмо должно было совершенно разсѣять

ложные слухи объ обращеніи великаго хана и его князей въ христіанство и окончательно разрушить любимѣйшія мечты Людовика. Письмо это читается такъ: „повелѣніе вѣчнаго Бога! Какъ на небѣ единый Богъ, такъ и на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ: Чингизъ-ханъ, сынъ Бога.... Эти два монаха пришли съ вашей стороны къ Саттаху, который, послалъ ихъ къ Батыю, а Батый сюда, потому что Менгу-ханъ есть великій король и императоръ монголовъ..... Мы очень желали послать къ вамъ своихъ посланниковъ съ вашими священниками; но они дали намъ понять, что между вами и нами лежатъ многія опустошенныя войною земли и живутъ націи очень воинственныя, что дороги трудны и опасны, и выразили опасеніе, что наши посланики не въ состояніи будутъ дойти до васъ. Они сами взялись доставить письмо, содержащее въ себѣ повелѣніе наше королю Людовику. Такимъ образомъ мы посылаемъ тебѣ повелѣніе Бога вѣчнаго и когда ты услышишь его и разсудишь повиноваться намъ или не повиноваться, то пошли намъ своихъ посланниковъ, чтобы извѣстить насъ, чего ты хочешь, мира или войны съ нами.... А если ты презришь повелѣніе Бога и не захочешь ни слушать Его, ни вѣрить Ему, говоря, что твоя страна очень отдаленна, горы высоки и круты, а моря глубоки и велики и въ надеждѣ на это вздумаешь начать войну съ нами для того, чтобы испытать, что мы можемъ сдѣлать, то это (т. е. наше) всемогущество, которое трудное можетъ сдѣлать легкимъ и приблизить отдаленное, покажетъ тебѣ, что мы можемъ сдѣлать“ (1). Съ этимъ письмомъ Рубруквисъ тотчасъ покинулъ дворъ великаго хана и послѣ труднаго двухмѣсячнаго путешествія 16 октября 1254 г. добрался до Батыева стана. Ближайшій путь во Францію отсюда лежалъ чрезъ Венгрію и Германію; но онъ, не зная, что Людовикъ возвратился уже изъ крестоваго похода, свернулъ къ югу и чрезъ Грузію и Арменію прибылъ въ Сирію. 15 августа 1255 г. онъ благополучно добрался до Триполи и отсюда послалъ свое донесеніе королю Людовику. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело принесенное миссіонерами письмо на короля и на все западное христіанство: можетъ быть ему не придали особеннаго значенія и его угрожающій тонъ сочли пустымъ хвастовствомъ. Но вскорѣ западные христіане должны

(1) Mosheim. app. № XIV p. 55—57.

были убѣдиться, что угрозы эти не пустыя фразы и что письмо монгольскаго завоевателя должно понимать въ собственномъ смыслѣ.

Царствованіе Менгу было для монголовъ одною изъ блистательнѣйшихъ завоевательныхъ эпохъ. Въ это время ихъ завоевательныя стремленія достигли своего апогея: одинъ изъ братьевъ великаго хана Кублай завоевалъ китай, другой братъ Галагу простеръ свое оружіе почти до Нила и Средиземнаго моря. Батыева орда также не оставалась въ бездѣйствіи: Венгрія и Польша снова подверглись монгольскому нашествію. Но Европа приняла это нашествіе уже гораздо серьезнѣе. Оставивъ всякія мечтанія о союзѣ съ татарами и объ обращеніи ихъ въ латинство, папы ревностно занялись формированіемъ сильнаго вооруженнаго сопротивленія. Венгерскій король, Бэла IV, писалъ къ папѣ, что если не получитъ пособія, то вступитъ въ союзъ съ татарами, которые въ залогъ прочности союза предлагали ему бракъ съ монгольскою княжною и почетное мѣсто въ своемъ войскѣ. Папа Александръ IV вооружился противъ этого союза самымъ энергическимъ образомъ. Въ своемъ письмѣ къ королю (отъ 14 октября 1259 г.) онъ рѣзко упрекалъ его въ недостаткѣ мужества и надежды на Бога; говорилъ, что недостойно мужественнаго человѣка прибѣгать къ столь постыдному средству для пріобрѣтенія мира и что лучше умереть и потерять свое королевство, чѣмъ изъ временныхъ видовъ отдѣляться отъ тѣла вѣрныхъ и соединяться съ невѣрными (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа обратился съ письмами ко всѣмъ государямъ, прелатамъ и городскимъ общинамъ, убѣждая ихъ соединиться противъ варваровъ и подумать о средствахъ сдѣлать имъ серьезный отпоръ(2). Созывали соборы во Франціи, Англіи, Италіи (въ Витербо 1261 г. въ Римѣ, въ Ламбети, въ Равеннѣ и проч.) для совѣщанія объ опасностяхъ христіанства и о средствахъ для успѣшнѣйшаго изгнанія татаръ. Папа предписалъ совершать молебствія и крестныя ходы, наказывать богохуленія, ограничить роскошь стола и одежды. Чисто военныя мѣры не были также оставлены въ пренебреженіи; монголы, опустошавшіе Польшу и Венгрію, встрѣтили дружное сопротивленіе и были разбиты и изгнаны. Опасность для Европы

(1) Odor. Raynal. an. 1259 № 33.
(2) Ibid. an. 1262. № 29, 30.

миновалась; но за то страхъ вскорѣ перешелъ къ восточнымъ палестинскимъ христіанамъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами. Еще въ 1253 г. на курултаѣ было рѣшено, чтобы Гулагу отправился для завоеванія Персіи и сосѣднихъ съ нею мухаммеданскимъ государствъ. Армянскій царь Гайтонъ на это рѣшеніе имѣлъ не малое вліяніе. Считая монгольское владычество болѣе благопріятнымъ для христіанства, чѣмъ владычество мухаммеданъ, онъ всячески старался вооружить первыхъ на послѣднихъ. Съ этою цѣлію, какъ мы видѣли, онъ предпринималъ нарочитое путешествіе ко двору великаго хана. Когда монгольское войско выступило въ походъ, онъ сопровождалъ его и потомъ присоединилъ къ нему и свои войска. Гулагу, выступившій осенью 1253 г., направился чрезъ Самаркандъ къ каспійскому морю, овладѣлъ прибрежными горными странами, заставилъ присягнуть себѣ иконійскаго султана Кей-Кобада, разрушилъ до основанія всѣ притоны послѣдователей разбойничьей мухаммеданской секты такъ называемыхъ ассасиновъ или измаэлитовъ и истребилъ всю эту секту чисто помонгольски, приказавъ войскамъ рѣзать всѣхъ ассасиновъ безъ исключенія, не щадя даже грудныхъ дѣтей. Изъ Персіи Гулагу хотѣлъ было двинуться на Костантинополь, но, по совѣту своего астронома Насыръ ед-дина, оставилъ это намѣреніе и пошелъ противъ Багдадскаго халифа Аббасида, Мустагасима (1). Въ февралѣ 1258 г. монголы взяли Багдадъ приступомъ, городъ предали пламени, вырѣзали почти все населеніе и самого халифа умертвили. Покоривъ Багдадъ, Гулагу двинулся въ Сирію. Мосулъ сдался безъ сопротивленія, а великолѣпный и богатый Алепо, попробовавшій было сопротивляться, постигла почти такая же участь, какъ и Багдадъ. Испуганныя его судьбою, Дамаскъ, Гемсъ и другіе города покорились безъ сопротивленія. Назначивъ намѣстниковъ Сиріи Кетбогу (Киту-Буга), Гулагу вернулся въ восточную Персію (1260 г.) для прекращенія возникшихъ тамъ междоусобій. Мухаммедане приведены были въ ужасъ. Господство ихъ въ Сиріи, Персіи и другихъ странахъ, казалось, окончательно должно было уничтожиться. Христіане, напротивъ, радовались успѣхамъ монголовъ. Въ церквахъ и надъ самымъ гробомъ І. Христа молились Богу о ниспосланіи побѣды монголамъ и о пособіяхъ изъ Европы

(1) Шлоссеръ. Всем. ист. т. 7 стр. 225—230.

перестали было уже и думать (1). И дѣйствительно, монголы на первыхъ порахъ покровительствовали христіанамъ и смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ друзей. Но это доброе согласіе продолжалось не долго. Вскорѣ ссора, произшедшая между нѣмецкими крестоносцами и монголами дала другой оборотъ дѣламъ и открыла враговъ въ тѣхъ, которыхъ считали союзниками. Нѣсколько мухаммеданскихъ деревень, плативших дань татарамъ, были разграблены и Кетбога послалъ требовать отъ христіанъ вознагражденія, въ которомъ они отказали. Во время спора, возникшаго по этому случаю, убитъ былъ племянникъ монгольскаго начальника. Вслѣдствіе этого Кетбога объявилъ войну христіанамъ, разорилъ область сіонскую и угрожалъ птолемаидской. При видѣ опустошенныхъ полей, всѣ пріятныя мечты христіанъ исчезли (2). Ясно было, что монголы вовсе не имѣли особенной склонности къ христіанству и особенной ненависти къ мухаммеданамъ и если иногда позволяли себѣ подавать надежды христіанамъ, или мухамеданамъ, то руководились при этомъ одними политическими разсчетами. Пока они воевали съ мухаммеданами, то ласкали христіанъ, но какъ скоро достигли своихъ цѣлей, то оставили всякое пристрастіе и не дѣлали уже никакого различія между своими бывшими союзниками и непріятелями.

Но для западныхъ христіанъ того времени это было вовсе неясно. О Гулагу также какъ и о его предшественникахъ, ходили слухи, что онъ христіанинъ и покровительствуетъ христіанству преимущественно предъ всѣми другими религіями. И эти слухи имѣли основаніе. Гайтонъ утверждаетъ, что Гулагу во все время своего правленія чрезвычайно милостиво обращался съ христіанами и давалъ имъ почетныя мѣста въ своей службѣ (3). Такое благопріятное отношеніе Гулагу къ христіанамъ отчасти можно объяснить вліяніемъ его матери, которая называлась Саркутанабеги и была христіанка изъ рода кераитскихъ царей, пресвитеровъ—Іоанновъ и особенно вліяніемъ его жены, также хри-

(1) Мишо. Истор. крест. пох. т. IV стр. 359.
(2) Тамже, стр. 361, 362.
(3) Mosheim. p. 61

стіанки, которая называлась Докун-Хатуною (1). „Сія особа— говоритъ Д'Осонъ—почтенная за добродѣтель и благочестіе, овладѣвъ сердцемъ своего супруга, наполняла его воинскій станъ звономъ колоколовъ и даже испросила у него позволеніе строить церкви и монастыри по всѣмъ его областямъ“ (2). Около 1260 г. къ папѣ явился нѣкто Іоаннесъ, вѣроятно обманщикъ несторіанинъ, который называлъ себя посломъ Гулагу и извѣщалъ римскаго первосвященника, что этотъ ханъ, ревнуя о своемъ спасеніи, желаетъ исповѣдывать вѣру христіанскую, по ученію католическому и евангельскому, которое исповѣдуетъ и проповѣдуетъ св. римская церковь; желаетъ возродиться св. крещеніемъ, присоединиться къ обществу христіанъ и получить христіанское имя. Мнимый посолъ отъ лица хана просилъ, чтобы папа послалъ къ нему мужей искусныхъ, свѣдущихъ и способныхъ наставить его въ истинахъ христіанской религіи и посредствомъ крещенія присоединить къ обществу вѣрующихъ во Христа. Папа писалъ по этому случаю письмо къ Гулагу, въ которомъ выражалъ свою великую радость и благодарность къ Богу за его обращеніе, увѣщевалъ его немедленно привести въ исполненіе свое благородное намѣреніе и обѣщалъ ему помощь запада въ борьбѣ противъ мухаммеданъ; за подробнѣйшими же наставленіями касательно христіанской вѣры рекомендовалъ ему обратиться къ іерусалимскому патріарху (3). Блюмгардтъ заподозрѣваетъ самое существованіе вышеупомянутаго Іоаннеса, вызвавшаго своими разсказами письмо папы, и считаетъ этотъ поводъ совершенною выдумкою. „Нельзя здѣсь—говоритъ онъ—воздержаться отъ догадки, что это было ничто иное, какъ *благочестивая ложь*, которую римскій престолъ по собственнымъ побужденіямъ употребилъ для того, чтобы *найти открытый доступъ* въ новообразовавшееся монгольское царство“ (4). Но такая подозрительность едвали не излишня. Доступъ въ это царство папскимъ посламъ никогда не былъ загражденъ и прибѣгать къ такому средству для полученія его не было ника-

(1) Abulpharag. Chr. syr Assem. Bib. or. t. III. P. 2 p. CIII; apud Mosheim. p. 61.

(2) Полн. картина оттоманск. имперіи т. I стр. 31.

(3) Odor. Rayn. 1260 № 29. Mosheim. App. № XVII p. 66—68.

(4) Versuch e. alg. Missionsgeschichte B. II Abth. 2 § 314.

кой нужды. Обманы несторіанскихъ монаховъ были въ то время нерѣдки и въ этомъ случаѣ, если въ чемъ виноватъ римскій престолъ, то развѣ только въ излишнемъ легковѣріи, впрочемъ очень извинительномъ, потому что дѣло шло о вещахъ столь вѣроятныхъ. Представлять дѣло такъ, какъ представляетъ его Блюмгардтъ, нельзя уже потому, что вскорѣ дѣйствительно отношенія Гулагу и всѣхъ монголовъ къ мухаммеданамъ и христіанамъ измѣнились, и то, чего не могли сдѣлать настойчивыя и строго-разсчитанныя домогательства папъ и папскихъ миссіонеровъ, сдѣлало случайное стеченіе обстоятельствъ, благопріятныхъ для мухаммеданъ. Вскорѣ страхъ, внушенный мухаммеданамъ монголами, прошелъ и изъ побѣжденныхъ они вдругъ оказались побѣдителями и опасными врагами послѣднихъ. Едва Гулагу удалился изъ Сиріи, какъ сюда вступилъ Кудузъ, одинъ изъ мамелюкскихъ султановъ Египта, и однимъ сраженіемъ отнялъ ее у монголовъ. На Тиверіадской равнинѣ произошло жестокое сраженіе: Кетбога былъ убитъ, войско монголовъ было разбито наголову и Кудузъ гналъ его до самаго Евфрата. Эта неудача показала монголамъ, что они вовсе не такъ сильны, чтобы не нуждаться совершенно въ посторонней помощи и союзѣ для выполненія своихъ завоевательныхъ плановъ. Ко внѣшнимъ пораженіямъ присоединились еще внутреннія междоусобія, которыя начали ослаблять ихъ чувствительно для нихъ самихъ. Вспыхнула распря между Гулагу и сыномъ Батыя, Берке. Бибарсъ, преемникъ Кудуза, искусно воспользовался этою распрею, чтобы истребить монголовъ самими же монголами. Принявъ на службу нѣсколькихъ изъ монголовъ Берке и щедро награждая ихъ, онъ не только привлекъ къ себѣ цѣлыя массы ихъ соплеменниковъ, но и вывѣдывалъ все, что дѣлалось въ Кипчакѣ. Узнавъ, что Берке имѣетъ при дворѣ многихъ мухаммеданъ и самъ склоненъ къ принятію мухаммеданства, онъ отправилъ къ нему посольство и самъ получилъ въ отвѣтъ такое же посольство. Послы Берке были щедро надѣлены подарками и отправились домой въ сопровожденіи новаго посольства (1). Эти сношенія мухаммеданъ съ ханомъ кипчатской орды поддерживали вражду между этимъ послѣднимъ и Гулагу, раздѣляли силы Гулагу и отнимали у него возможность

(1) Шлоссеръ. т. 7 стр. 230.

прочно утвердиться въ новозавоеванныхъ странахъ. При такихъ обстоятельствахъ монголы естественно должны были менѣе высокомѣрно отнестись къ христіанамъ, которые были злѣйшими врагами мухаммеданъ и давно уже предлагали союзъ. При концѣ своей жизни Гулагу вошелъ въ сношенія съ византійскимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ, который рѣшился для упроченія союза выдать за него свою побочную дочь, Марію. За смертію Гулагу этотъ бракъ впрочемъ не состоялся и царевна вышла замужъ за его преемника, Абаку. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Гулагу какимъ-нибудь образомъ выразилъ готовность вступить въ союзъ съ западными христіанами и нѣтъ ничего удивительнаго, что папа повѣрилъ извѣстію, сообщенному ему Іоаннесомъ.

Дѣйствія латинскихъ миссіонеровъ среди татаръ, послѣ раздѣленія (1) *Чингизъ-хановой монархіи.*

Вообще со времени Гулагу и Кублая политика монголовъ по отношенію къ христіанамъ замѣтно измѣняется. Съ этого времени не встрѣчается уже такихъ высокомѣрныхъ отвѣтовъ папскимъ посламъ, каковы отвѣты Гаюка и Менгу. Монголы не только перестаютъ угрожать, но и начинаютъ заискивать у христіанъ, посылаютъ къ папѣ посольства, изъявляютъ желаніе принять христіанство и происходитъ странное явленіе: монголы являются проповѣдниками крестоваго похода противъ мухаммеданъ. Благодаря этому обстоятельству, время съ 60-хъ годовъ XIII стол. до половины XIV было самою блестящею эпохою латинской пропаганды между монголами. Толпы францисканскихъ и доминиканскихъ монаховъ наполнили востокъ и вступили тамъ въ борьбу съ несторіанствомъ и мухаммеданствомъ. Имъ удалось ослабить первыхъ, но предъ послѣдними они не

(1) Время раздробленія Чингизъ-хановой имперіи нельзя обозначить точно, такъ какъ это раздробленіе совершалось медленно, мало по малу, безъ всякихъ формальностей и произошло вслѣдствіе того, что, послѣ завоеванія Китая, великіе ханы, поселившись въ Пекинѣ, за отдаленностію потеряли возможность надлежащимъ образомъ поддерживать свою власть надъ своими подручниками.—Время завоеванія Китая и утвержденія тамъ монголовъ, совпадающее съ послѣдними годами жизни Гулагу (ум. въ 1265 г.) можно, думаемъ, принять за приблизительную хронологическую границу.

выдержали. Политическіе разсчеты заставили монгольскихъ государей склониться на сторону мухаммеданъ, которые были гораздо многочисленнѣе и менѣе требовательны. Если бы папскіе миссіонеры съумѣли убѣдить этихъ государей въ превосходствѣ христіанскаго ученія и составить значительную партію между ихъ подданными, то очень вѣроятно, что христіанство одержало бы побѣду и монгольскіе государи послѣдовали бы внушеніямъ христіанской совѣсти, а не политическихъ разсчетовъ; но этого не случилось. Латинская миссія этого времени такъ была пропитана политическими и національными тенденціями и папскими притязаніями, что государи эти на принятіе христіаства не могли смотрѣть иначе, какъ на политическую мѣру. Латинскіе миссіонеры обѣщали за принятіе христіанства не вѣчное блаженство, а союзъ западныхъ государей и помощь могущественнаго римскаго первосвященника въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Поэтому монголы всякій разъ, какъ нуждались въ помощи запада, обѣщали папѣ принять крещеніе, просили наставленія и проч., но какъ скоро нужда миновалась, они отлагали подъ разными предлогами исполненіе своихъ обѣщаній. Вообще, во всѣхъ дѣйствіяхъ тогдашней латинской миссіи истинно миссіонерскаго и христіанскаго было очень мало, вмѣсто чего выступали на первый планъ политическія и властолюбивыя цѣли. Истинно миссіонерскія средства—проповѣдь и увѣщанія занимали едва замѣтное мѣсто: все вниманіе обращено было на хановъ и ихъ вельможъ; простой же народъ оставался лишеннымъ почти всякихъ заботъ со стороны миссіонеровъ. Если же иногда латинскіе миссіонеры позволяли себѣ спуститься изъ высшаго круга въ болѣе низкіе слои, то главнымъ образомъ простирали свои дѣйствія на несторіанскихъ христіанъ; язычники же и мухаммедане могли быть покойны. Латинскіе монахи полагали, что еретики болѣе нуждаются въ ихъ проповѣди, чѣмъ язычники: строить на чужомъ основаніи всегда было въ ихъ обычаѣ и имъ казалось, что гораздо легче обратить въ латинство еретиковъ, чѣмъ язычниковъ или мухаммеданъ. Мысль объ обращеніи монголовъ насильственнымъ образомъ была господствовавшею; она руководила латинскими миссіонерами во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и опредѣляла образъ ихъ пропаганды. Обращая главное и почти исключительное вниманіе на хановъ, латиняне дѣлали не что иное, какъ старались

осуществить эту мысль. При помощи ханской неограниченной власти они надѣялись обратить въ латинство и всѣхъ ихъ подданныхъ или, по крайней мѣрѣ, истребить тѣхъ, которые не захотятъ покориться. Въ способахъ ихъ убѣжденія, обращеннаго къ ханамъ, сквозитъ та же мысль: хановъ не убѣждаютъ много, а хотятъ вынудить у нихъ согласіе на принятіе латинства обѣщаніемъ помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Мѣстомъ миссіонерскихъ операцій папскаго престола въ это время было по преимуществу монголо-персидское царство, гдѣ царствовали преемники Гулагу и гдѣ постоянная борьба съ мухаммеданами заставляла монголовъ искать союза съ христіанами. Находясь въ тылу мухаммеданъ, монголы персидскіе казались для папъ самыми драгоцѣнными союзниками во время крестоносныхъ предпріятій и потому они употребляли для обращенія ихъ самыя энергическія усилія. Восточные, китайскіе монголы были также предметомъ папскихъ притязаній, но ихъ отдаленность отъ театра крестовыхъ походовъ и вообще отъ запада была причиною того, что папы объ обращеніи ихъ старались менѣе энергично и что съ упадкомъ власти великихъ хановъ эти старанія почти совершенно прекратились. Впрочемъ латинская миссія между восточными татарами едвали не выиграла отъ этого. Отсутствіе папскихъ интригъ и притязаній или, по крайней мѣрѣ, болѣе слабое ихъ развитіе были причиною того, что латинская пропаганда шла здѣсь, благодаря ревности нѣкоторыхъ миссіонеровъ, гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ Персіи. Мы сначала обратимъ вниманіе на латинскія миссіи среди татаръ западныхъ, а потомъ перейдемъ къ восточнымъ.

А) *Миссіи среди татаръ западныхъ а) въ Персидско-татарскомъ царствѣ.*

Гулагу умеръ въ 1265 г. и ему наслѣдовалъ сынъ его Абака, который имѣлъ еще болѣе причинъ искать союза съ христіанами. Къ этому его располагали какъ политическіе разсчеты, такъ и родственныя связи съ христіанами. Женившись на дочери византійскаго императора Михаила Палеолога, Маріи (1), онъ естественно долженъ былъ подчиниться отчасти христіанскому вліянію и смотрѣть на христіанъ, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ и тѣмъ болѣе

(1) Татары называли ее Бина-катона (Mosh. p. 64).

желать этого союза, что Бибарсъ сталъ тѣснить его еще болѣе (1). Въ 1267 г. онъ отправилъ къ папѣ пословъ съ письмами, въ которыхъ просилъ помощи противъ мухаммеданъ и давалъ понять, что готовъ принять христіанство (2). Папа Климентъ IV торжественно принялъ монгольскихъ посланниковъ и обѣщалъ имъ скорое истребленіе мухаммеданъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ папа сначала упрекаетъ хана за то, что онъ составилъ свое письмо на монгольскомъ, а не на латинскомъ языкѣ, какъ дѣлаютъ другіе, потомъ выражаетъ, слишкомъ рано впрочемъ, свою великую благодарность къ Богу за то, что онъ открылъ хану глаза и внушилъ ему готовность смиренно почтить истиннаго Бога и Его единороднаго Сына, Іисуса Христа. „Вотъ уже—прибавлялъ папа—короли Франціи и Наварры съ толпами своихъ рыцарей и бароновъ и безчисленнымъ войскомъ, принявъ крестъ для освобожденія св. земли, мужественно приготовились выступить противъ враговъ креста и вѣры, чтобы совершенно уничтожить могущество и даже имя сарацинской секты... Итакъ стой твердо, великій государь, въ своемъ спасительномъ намѣреніи, но уповай при этомъ на Бога. И, если ты вѣрно Ему будешь служить, то тронъ твой утвердится и возвысится разнообразнымъ образомъ; ибо Ему принадлежитъ царство; въ Его рукѣ сердца всѣхъ царей: Онъ кого хочетъ унижаетъ и кого хочетъ возвышаетъ“ (3). Съ кѣмъ послано было это письмо—неизвѣстно, но достовѣрно, что великолѣпныя обѣщанія, заключенныя въ немъ, не были исполнены и татарскій ханъ по прежнему долженъ былъ выдерживать натискъ мухаммеданъ одними собственными силами. Между тѣмъ Бибарсъ дѣлалъ все большіе и большіе успѣхи и постоянно усиливался. Въ 1274 г. прибыло на западъ новое посольство отъ Абаки, состоящее изъ 16 татаръ (4). Въ то время происходилъ второй ліонскій соборъ и папа Климентъ X былъ въ Ліонѣ. Сюда-то 14 іюля прибыли татарскіе послы. Здѣсь они вручили папѣ письмо хана и предлагали союзъ противъ мухаммеданъ. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе кстати, потому что и самый соборъ былъ

(1) Шлоссеръ. т. 7. 231—232.
(2) Od. Rayn. an. 1267 №№ 70, 71.
(3) Mosheim. app. № XIX. p. 70, 71.
(4) Odor. Rayn. an. 1274 № 21.

созванъ главнымъ образомъ для привлеченія всей христіанской Европы къ участію въ новомъ крестовомъ походѣ противъ мухаммеданъ. Поэтому татарскіе послы привлекли къ себѣ самое живое вниманіе всего этого великолѣпнаго собранія, на которомъ присутствовало болѣе 1000 епископовъ и архіепископовъ, посланники императоровъ восточнаго и западнаго, короля французскаго, короля кипрскаго и всѣхъ государей, царствовавшихъ въ Европѣ. Трое изъ этихъ татарскихъ пословъ приняли крещеніе изъ рукъ Петра, епископа остійскаго и христіане, бывшіе свидѣтелями совершенія этого таинства, видѣли въ этомъ вѣрный залогъ будущаго успѣха крестоноснаго предпріятія. „Удивляясь могуществу Божію—говоритъ Мишо—избравшему орудіе своихъ намѣреній въ странахъ невѣдомыхъ,—толпа вѣрныхъ взирала на преводителя татарскихъ ордъ, какъ на новаго Кира, которому Провидѣніе предоставило разрушить Вавилонъ и освободить Іерусалимъ. Соборъ ліонскій въ своемъ послѣднемъ засѣданіи опредѣлилъ предпринять новый крестовый походъ“ (1). Это опредѣленіе было вмѣстѣ и отвѣтомъ на предложенія татарскихъ пословъ. Папа отпустилъ ихъ съ письмомъ къ Абакѣ, въ которомъ (2) обѣщался въ скоромъ времени послать къ нему пословъ. Но духъ крестовыхъ походовъ въ это время началъ уже падать. „Зрѣлище собора, рѣшенія и увѣщанія папы и прелатовъ не могли пробудить восторга христіанъ, который, говоря выраженіемъ св. Писанія, былъ не болѣе, какъ дымящійся остатокъ полотна“ (3). Григорій X при всѣхъ своихъ стараніяхъ ничего не могъ сдѣлать для вооруженія Европы и умеръ, не успѣвъ исполнить обѣщаній, которыя дѣлалъ восточнымъ христіанамъ и татарамъ. Между тѣмъ монгольскій ханъ не оставлялъ своихъ настоятельныхъ требованій помощи противъ сарацинъ, такъ какъ возрастающая сила ихъ грозила сдѣлаться очень опасною для его царства. Бибарсъ продолжалъ свои завоеванія и каждый день приносилъ извѣстія о его новыхъ побѣдахъ. Въ 1275 г., вѣроятно, тотчасъ послѣ возвращенія монгольскихъ пословъ съ ліонскаго собора, онъ началъ войну съ Абакою и велъ ее съ постояннымъ успѣхомъ до

(1) Мишо. т. IV стр. 464.
(2) Mosh. app. № XX. p. 71, 72.
(3) Мишо. т. IV. стр. 464.

самой своей смерти (1277 г.). Устрашенный Абака не задолго до этого событія послалъ въ Европу новыхъ пословъ, которые въ 1276 г. явились къ папѣ Іоанну XXI и къ королю французскому Филиппу Красивому, который принялъ тогда крестъ. Послы обѣщали Филиппу помощь татаръ и союзъ могущественнаго монгольскаго хана, если король захочетъ идти въ Сирію противъ сарацинъ. Но во Франціи усумнились въ подлинности посольства Абаки и заподозрили пословъ его въ шпіонствѣ, такъ какъ между ними не было ни одного татарина и все посольство состояло изъ Грузинъ. Но папа принялъ это посольство довольно серьезно, хотя и не успѣлъ за смертію сдѣлать надлежащихъ распоряженій. Въ письмѣ, принесенномъ послами, Абака, вѣроятно, чтобы придать болѣе вѣса своему союзу, извѣщалъ папу, что великій ханъ Кублай, могущественный дядя его, Абаки, принялъ уже крещеніе и желаетъ, чтобы съ запада прислали къ нему христіанскихъ учителей, для наученія всего его народа христіанской вѣрѣ и приготовленія къ крещенію (1). Преемникъ Іоанна XXI, папа Николай III, принялся за это дѣло самымъ энергическимъ образомъ. Пятеро миноритовъ: Герардъ де-Прато, Антоній де-Норма, Іоаннъ де Санъ-Агата, Андрей флорентійскій и Андрей аретійскій получили повелѣніе отправиться въ Татарію вмѣстѣ съ татарскими послами для евангельской проповѣди и снабжены были большими полномочіями, привиллегіями, инструкціями и письмами къ Абакѣ и Кублаю. Въ письмѣ къ Абакѣ (2) папа выражалъ свою радость о его готовности принять христіанскую вѣру, обѣщалъ ему скорую помощь въ борьбѣ его противъ сарацинъ, рекомендовалъ ему чтить своихъ посланниковъ, слушать ихъ наставленія, принять изъ ихъ рукъ крещеніе и дать имъ свободный и безопасный пропускъ ко двору Кублая. При этомъ папа не преминулъ сообщить хану о своемъ приматствѣ и высокомъ достоинствѣ своего сана и проч. (3). Въ своей инструкціи миссіонерамъ папа также строго наказалъ, чтобы они паче всего внушали татарамъ повиновеніе апостольскому престолу и особенно позаботились бы о возсоединеніи съ римскою церковію ере-

(1) Raynald. an. 1277 № 15. Mosheim. p. 67.
(2) Mosheim. app. № XXI. p. 71—76.
(3) Ibid.

тиковъ (1). Въ слѣдующемъ (1278) году миссіонеры отправились къ мѣсту своего назначенія, но никакихъ извѣстій о ихъ судьбѣ и миссіонерской дѣятельности не сохранилось. Нѣкоторые догадываются, что эта дѣятельность была успѣшна (2), но безъ достаточныхъ освованій. Письмо папы къ нѣкоему Филиппу, послужившее поводомъ для этой догадки, говоритъ объ обращеніяхъ среди монголовъ, сосѣдственныхъ съ Венгріей и объ учрежденіи для новообращенныхъ, такъ же какъ и для старыхъ католиковъ, новаго епископства; о монголахъ же персидскихъ и китайскихъ, къ которымъ отправлены были вышеупомянутые миссіонеры, не сказано ни слова. Но если и справедливо, что Филиппъ поставленъ былъ въ епископа для монголовъ, обязанныхъ своимъ обращеніемъ дѣятельности этихъ миссіонеровъ, то о дѣятельности и успѣхахъ новопоставленнаго епископа вовсе ничего неизвѣстно (3). Гораздо вѣроятнѣе, что эти миссіонеры не имѣли никакого успѣха, или очень мало. Въ противномъ случаѣ латиняне, всегда любившіе трубить о своихъ успѣхахъ, не допустили бы остаться въ неизвѣстности столь благопріятному для нихъ факту. Неопытность и недостатокъ подготовки миссіонеровъ, неискренность и малая расположенность къ христіанству монгольскаго хана, который выражалъ свою готовность сдѣлаться христіаниномъ главнымъ образомъ изъ политическихъ разсчетовъ, дѣлали успѣхъ для евангельской проповѣди почти невѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ свои старанія, Абака не дождался помощи со стороны запада и умеръ, побѣжденный мухаммеданами (1282 г.), которые при преемникѣ Бибарса, Калавунѣ одержали надъ персидскими монголами въ 1281 г. блистательную побѣду, побѣду тѣмъ болѣе славную, что надъ непріятельскимъ войскомъ начальствовалъ одинъ изъ первыхъ князей дома Чингизъ-хана, братъ Абаки, Менгу-Тимуръ (4).

Преемникъ Абаки, другой братъ его *Тангадоръ*, (или *Тегударъ*), также сначала благопріятно относился къ дѣлу распро-

---

(1) Mosheim. app. № XXIII. p. 80, 82—83.
(2) Blumhardt. Versuch e. a. Missionsgeschichte. B. II. Abth. 2 § 315.
(3) Mosheim. p. 34. app. № XXII. p. 77.
(4) Шлоссеръ. Всем ист. т. 7 с. 232.

страненія христіанства въ своемъ царствѣ, но потомъ сдѣлался жестокимъ преслѣдователемъ христіанъ. Въ своей юности онъ самъ принялъ крещеніе и христіанское имя Николая и потому въ началѣ своего правленія относился къ христіанамъ, особенно къ несторіанамъ, очень покровительственно. Онъ построилъ для нихъ въ Сиріи и Месопотаміи многія церкви и монастыри и освободилъ ихъ епископовъ и монаховъ отъ всякихъ податей. Христіане другихъ исповѣданій также не были обижаемы. Но желаніе удержаться на престолѣ противъ претендентовъ, сыновей Абаки, заставило его измѣнить политику своихъ предшественниковъ и обратиться за помощію не къ христіанамъ, большая часть которыхъ была на сторонѣ его противника Аргона, но къ мухаммеданамъ. Онъ вошелъ въ переговоры съ египетскимъ султаномъ, заключилъ съ нимъ союзъ и принялъ мухаммеданство съ именемъ Ахмеда. Сдѣлавшись мухаммеданиномъ, онъ началъ преслѣдовать христіанъ самымъ жестокимъ образомъ. Ихъ церкви были разрушены, а священники преданы смерти. Латинскія лѣтописи указываютъ нѣсколько именъ францисканскихъ монаховъ, которые въ это время потерпѣли отъ мухаммеданъ мученическую смерть (1). Таковы: Антоній, пострадавшій въ Салмасарѣ въ Персіи, Альдобрандинъ флорентійскій, Конрадъ, Вуазель и др. изъ числа тѣхъ, которые посланы были въ Татарію генераломъ ордена францисканъ, Бонаграсомъ, около 60-хъ годовъ XIII стол. и о дѣятельности которыхъ ничего неизвѣстно. Но послѣдствія показали, что такой образъ дѣйствія далеко не популяренъ. Народъ, среди котораго было значительное количество христіанъ и еще больше склонныхъ къ принятію христіанства, взволновался и Аргонъ, рѣшившись воспользоваться такимъ настроеніемъ народа, открыто объявилъ себя противъ дяди и началъ съ нимъ войну. Первыя неудачи едва не погубили его. Новая вооруженная стычка рѣшила дѣло въ пользу Аргона. Тангадоръ былъ убитъ въ сраженіи и Аргонъ взошелъ на ханскій престолъ въ 1284 г.

Аргонъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ его историковъ, былъ искренно преданъ христіанству и ненави-

(1) Wadding. Annal. Minorum. t. V. p. 128.

дѣлъ мухаммеданъ. Вступивъ на престолъ и получивъ утвержденіе въ ханскомъ достоинствѣ отъ великаго хана Кублая, онъ немедленно принялся за излеченіе ранъ, нанесенныхъ христіанамъ его предшественникомъ; снова собралъ разсѣянныхъ гоненіемъ христіанъ, возобновилъ ихъ разрушенныя церкви и началъ энергически приготовляться къ войнѣ съ мухаммеданами. Для обезпеченія своего успѣха, онъ вступилъ въ союзъ съ царями Грузіи и Арменіи и началъ хлопотать о союзѣ съ западными христіанами. Въ 1285 г. прибыли въ Римъ къ папѣ Гонорію IV послы (1) отъ Аргона съ письмомъ и порученіемъ заключить съ западными христіанами союзъ и возбудить ихъ къ войнѣ съ мухаммеданами. Письмо Аргона къ папѣ, краткое и простое, чуждое всякой искуственности, далеко уже не походило на тѣ грубо-высокомѣрныя письма, которыя получали папа и Людовикъ IX отъ Байотноя и Менгу-хана. Изъ этого письма ясно было, какъ рѣзко измѣнился характеръ отношеній монголовъ къ западу въ такой краткій промежутокъ времени. Письмо начиналось „во имя I. Христа“ и въ немъ не было уже никакихъ требованій повиновенія и угрозъ. Ханъ заявлялъ о своей чрезвычайной благорасположенности къ христіанству, о своей враждѣ съ мухаммеданами и убѣждалъ папу, короля французскаго и императора германскаго ускорить открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ (2). Впрочемъ это письмо и старанія пословъ Аргона не увѣнчались никакимъ благопріятнымъ результатомъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего неизвѣстно. Состояніе большей части европейскихъ государствъ въ то время было такъ смутно, что папа и христіанскіе государи не могли обратить на это дѣло всего своего вниманія. Если папа что-нибудь отвѣчалъ посламъ, то, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ такъ же, какъ и всегда, т. е. увѣщевалъ скорѣе принять крещеніе, внушалъ уваженіе и повиновеніе своей особѣ и обѣщалъ свое могущественное покровительство и т. п.

---

(1) Ихъ было пятеро: Изе, Багагогъ, Менгили, Ѳома Банхри и Угетъ (см. письмо Аргона Mosh. app. № XXV).

(2) Mosheim. app. № XXV p. 84—85.—Rayn. an. 1285 № 79.

Но Аргонъ не удовольствовался этимъ и, подобно своему отцу Абакѣ, началъ настоятельно хлопотать о возбужденіи запада къ крестовому походу противъ мухаммеданъ. Три года спустя, въ 1288 г. онъ послалъ въ Римъ къ папѣ Николаю IV новое посольство, состоявшее изъ четырехъ лицъ, между коими былъ одинъ несторіанскій епископъ Барсума. Послы убѣждали папу возбудить въ Европѣ новый крестовый походъ, просили себѣ отъ имени хана миссіонеровъ и самыми яркими красками изображали цвѣтущее состояніе христіанства въ Татаріи. По ихъ разсказамъ, христіанство въ царствѣ Аргона было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Самъ Аргонъ былъ рѣшительнымъ послѣдователемъ христіанскаго ученія; обѣ супруги его: Элегага и Туктана приняли уже крещеніе; многіе изъ первостепенныхъ вельможъ также—частію христіане, частію склонны къ принятію его. Къ этому послы присовокупляли, что и великій ханъ Кублай очень расположенъ къ христіанству и желаетъ, чтобы къ нему посланы были миссіонеры. Папа чрезвычайно обрадовался столь благопріятному для латинства состоянію дѣлъ въ Татаріи и рѣшился воспользоваться имъ какъ можно полнѣе. Отпуская пословъ хана въ ихъ отечество, онъ снабдилъ ихъ письмами къ Аргону, его супругамъ и нѣкоторымъ изъ его придворныхъ (1). Въ этихъ письмахъ онъ отечески увѣщевалъ ихъ быть твердыми и постоянными въ своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ и всѣми силами покровительствовать западнымъ миссіонерамъ при отправленіи ими своихъ обязанностей. Извѣстія, принесенныя татарскими послами, вскорѣ подтверждены были самими римскими миссіонерами, которые, послѣ 10-лѣтняго своего отсутствія, возвратились въ это время въ Римъ, чтобы отдать своимъ начальникамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. По ихъ разсказамъ, христіанство въ царствѣ Аргона открыто исповѣдывалось какъ въ хижинахъ бѣднаго народа, такъ и въ ханскихъ палатахъ; ханъ Аргонъ, хотя еще не крещенъ, но только потому, что желаетъ принять крещеніе въ самомъ Іерусалимѣ, по окончаніи крестоваго похода; францискане и доминикане, разсѣявшіеся по всему его царству, свободно исполняютъ свою миссію и съ каждымъ годомъ

(1) Напр. Sabadino Archaon. Mosh. app. № XXVI—XXX p. 86—92.

дѣлаютъ все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи. Главою этихъ миссіонеровъ въ царствѣ Аргона былъ въ то время францисканецъ Іоаннъ де Монте-Корвино, превосходившій всѣхъ своимъ умомъ, благочестіемъ и неусыпною ревностію. Родившись въ 1247 г. въ одномъ изъ городовъ Апуліи, по имени Mons Corvinus, онъ съ самой ранней юности посвятилъ свою жизнь служенію церкви и до своего отправленія въ Татарію исполнялъ разныя должности въ итальянскихъ монастыряхъ. Отправленный генераломъ францисканъ, Бонаграсомъ въ качествѣ миссіонера въ Татарію, онъ своими талантами и своимъ искусствомъ съумѣлъ дать латинству въ этой странѣ значительное преимущество предъ всѣми другими исповѣданіями. Хотя о его миссіонерской дѣятельности въ это время не сохранилось никакихъ извѣстій, но, принимая во вниманіе его послѣдующую дѣятельность въ восточной Монголіи, состояніе латинства въ Персіи до него и послѣ него, можно съ достовѣрностію полагать, что цвѣтущее состояніе латинской миссіи въ Персіи при Аргонѣ зависѣло едвали не отъ личности Монте-Корвино. Папа Николай зналъ его какъ искуснѣйшаго миссіонера и потому вызвалъ его въ Римъ для совѣтовъ и для разузнанія положенія христіанства между татарами въ видахъ предпринятія новыхъ мѣръ. Получивъ отъ миссіонеровъ нужныя свѣденія, папа отпустилъ ихъ обратно съ письмами къ Кублаю, Аргону, женамъ Аргона и нѣкоторымъ придворнымъ князьямъ, напр. Байду, бывшему впослѣдствіи однимъ изъ преемникомъ Аргона. Іоаннъ де Монте-Корвино, вѣроятно, по своему же желанію, получилъ при этомъ новое назначеніе: онъ долженъ былъ отправиться не на прежнее мѣсто своей дѣятельности, въ Персію, а въ Китай, ко двору великаго хана Кублая. О его дѣятельности при дворѣ Кублая мы будемъ говорить впослѣдствіи. Въ письмѣ къ Аргону папа увѣщевалъ его принять крещеніе не медля и не отлагая до окончанія войны съ сарацинами и освобожденія Іерусалима. „Нашъ возлюбленный сынъ Іоаннъ,—писалъ папа—явившись предъ нашимъ апостольскимъ престоломъ, разсказалъ намъ, въ какой любви содержишь ты насъ и римскую церковь и какъ ты удостоиваешь своего благоволенія и другія христіанскія общества. Онъ разсказалъ намъ также много о разнообразныхъ благодѣяніяхъ, какія ты оказывалъ ему и его сотрудникамъ въ дѣлѣ Господнемъ

до сихъ поръ, какъ дружественно и благоволительно ты относился къ тѣмъ изъ твоихъ подданныхъ, которые приняли вѣру во Христа, и какъ ты стараешься все болѣе и болѣе споспѣшествовать имъ на пути спасенія. Такія извѣстія высоко обрадовали наше сердце и мы теперь еще болѣе отъ всей души желаемъ твоего собственнаго спасенія. Какъ наслѣдникъ князя апостоловъ и недостойный намѣстникъ Христа, мы чувствуемъ себя обязанными просить тебя содѣйствовать тому, чтобы и тѣ изъ твоихъ подданныхъ, которые находятся еще на пути заблужденія, возвратились отъ него и приступили къ истинной вѣрѣ. Эта вѣра уничтожаетъ всякую вину, своими лучами освобождаетъ сердце отъ тумана заблужденія; она есть основаніе всѣхъ добродѣтелей; она—ясная звѣзда, которая освѣщаетъ жизнь и за которой слѣдуетъ день господства. Мы также прилежно убѣждаемъ ваше царское величество, хорошенько подумавъ, какъ не вѣрна и случайна жизнь человѣка и какъ внезапно и скоро можетъ къ каждому прійти часъ смерти, ради собственнаго спасенія, споспѣшествованія своей вѣры и славы Божіей, принять таинство св. крещенія, чтобы такимъ образомъ получить возможность при исходѣ изъ жизни избавиться отъ вратъ смерти и войти въ царство вѣчнаго блаженства“ (1). Дѣйствительно надежда Аргона увидѣть освобожденіе Іерусалима была чистою химерою, потому-что въ то время христіанское владычество въ Палестинѣ отживало уже свои послѣдніе дни, а настроеніе христіанской Европы было таково, что никакія усилія папы не могли возбудить здѣсь прежняго восторга крестовыхъ походовъ. Предъ концемъ своей жизни, около 1299 г. Аргонъ вновь отправилъ къ папѣ пословъ, изъ разсказовъ которыхъ видно, что латинская пропаганда въ Персіи все еще продолжала дѣлать значительные успѣхи. Хонши: Датанихатунь и Анихонаминь были наставлены въ христіанской вѣрѣ; одинъ изъ сыновей хана, Карбаганда принялъ крещеніе съ именемъ Николая; изъ вельможъ исповѣдывали христіанскую вѣру: Іоаннъ де-Бонестра и Ксантъ—тѣлохранители хана и Суфриддинъ, его медикъ. Кромѣ того было много такихъ, которые готовы были принять крещеніе. Послы настоятельно убѣждали папу

(1) Mosheim. app. № XXXI. p. 92—94.

предпринять крестовый походъ для освобожденія Іерусалима, уничтоженія мухаммеданъ и вообще для поддержанія на востокѣ христіанскаго владычества, которое готово было окончательно уничтожиться. Папа послалъ къ Аргону двоихъ францисканъ: Вильгельма де-Херіо и Матвѣя съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ хана, что король Англіи, Эдуардъ собралъ уже могущественное крестоносное войско, чтобы изгнать сарацинъ изъ св. земли, приглашалъ монгольскаго хана къ участію въ священной войнѣ и вновь увѣщевалъ его предъ этимъ походомъ принять изъ рукъ латинскихъ священниковъ крещеніе. При этомъ папа указалъ Аргону на его же сына Николая и женъ его, которые не медлили подобно ему и приняли уже крещеніе (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа писалъ и къ Кассіану, второму сыну Аргона, увѣщевая его послѣдовать примѣру своего брата и принять крещеніе; писалъ и къ Николаю и къ женѣ Аргона Анихонамини, увѣщевая ихъ позаботиться объ обращеніи колеблющихся своихъ родственниковъ и всячески помогать миссіонерамъ въ ихъ трудахъ для распространенія христіанства (2). Обнадеживъ Аргона на счетъ крестоваго похода, папа Николай IV имѣлъ намѣреніе серьезно выполнить свои обѣщанія. Палестинскія владѣнія христіанъ никогда такъ не нуждались въ помощи, какъ въ это время. Египетскій султанъ осаждалъ уже послѣдній городъ христіанскій, Птолемаиду, и вскорѣ взялъ ее и разрушилъ. Папа ко всѣмъ государямъ разослалъ свои буллы, гдѣ оплакивалъ въ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ послѣднія несчастія христіанъ и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на сто дней даже тѣмъ, кто будетъ присутствовать при поученіяхъ проповѣдниковъ крестоваго похода. Но всѣ его усилія разбились о холодность западныхъ христіанъ. Англійскій король Эдуардъ, о которомъ писалъ папа къ Аргону, мало былъ расположенъ къ выполненію своихъ обѣщаній. Современныя обстоятельствамъ того времени лѣтописи повѣствуютъ, что Николай IV не могъ вынести такого равнодушія христіанъ и умеръ съ отчаянія—12 апрѣля 1292 г. По смерти его, конклавъ не могъ согласиться въ выборѣ ему преемника и римскій пре-

(1) Ibid. app. № XXXV. p. 98, 99.
(2) Ibid. app. № XXXVII, XXXVIII, XXXIX. p. 101—105.

столъ оставался праздным въ теченіе 27 мѣсяцевъ. Во время этого длиннаго промежутка (съ апрѣля 1292, г. до іюля 1294 г.) дѣло о крестовомъ походѣ было почти совершенно забыто (1). Впрочемъ, если бы старанія папы и увѣнчались успѣхомъ, то Аргону все-таки не привелось бы воспользоваться плодами этихъ стараній: онъ умеръ въ 1291 г.

Со смертію этого государя, латинская пропаганда въ Персіи начала замѣтно падать, чего и слѣдовало ожидать при томъ методѣ, которому слѣдовали латинскіе миссіонеры во время своей проповѣди. Этотъ методъ не заключалъ въ себѣ почти ничего такого, что могло бы поручиться за прочное насажденіе христіанства, а напротивъ имѣлъ въ себѣ много такого, что обѣщало латинской проповѣди успѣхъ самый эфемерный. Во первыхъ, главное вниманіе латинскихъ миссіонеровъ было направлено на хановъ; масса же народа оставалось въ пренебреженіи. Поэтому существованіе латинства въ татаріи зависѣло единственно почти отъ благоволенія властителей, и всѣ труды миссіонеровъ необходимо должны были пропасть, какъ скоро на ханскій престолъ вступилъ бы человѣкъ другаго образа мыслей. Во-вторыхъ, латинскіе миссіонеры, убѣждая хановъ принять миссіонерство, обращалась главнымъ образомъ не къ религіозному ихъ чувству, а къ ихъ политическому благоразумію, предлагая имъ союзъ христіанъ и обѣщая, при помощи могущественныхъ западныхъ государей и могущественнѣйшаго изъ нихъ— папы, вѣрныя побѣды надъ врагами. Вслѣдствіе этого, пока политическое благоразуміе внушало монгольскимъ ханамъ обращаться за помощію къ западу, они покровительствовали латинскимъ миссіонерамъ и выражали иногда притворное желаніе принять христіанскую вѣру, но какъ скоро имъ представлялось болѣе выгоднымъ быть въ союзѣ съ мухаммеданами, то начинали гнать христіанъ и покровительствовать мухаммеданамъ. Во время крестовыхъ походовъ имя франковъ было славно на востокѣ и стремленіе запада къ порабощенію востока внушало восточнымъ народамъ серьезныя опасенія. Монголы смотрѣли на западъ также съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ; считали западныхъ государей гораздо болѣе сильными, чѣмъ государей му-

(1) Мшю. т. IV стр. 594—595.

хаммеданскихъ и союзъ съ ними гораздо выгоднѣйшимъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо инымъ. Притомъ же союзъ этотъ былъ совершенно естественъ и строго вытекалъ изъ политическаго состоянія тогдашняго міра. Но когда въ концѣ XIII в. владычество франковъ въ Азіи совершенно пало и христіане, преслѣдуемые постоянными неудачами, навсегда удалились изъ Сиріи, высокое мнѣніе монголовъ о могуществѣ западныхъ государей также значительно понизилось и монголы менѣе стали вѣрить въ пользу союза съ христіанами. Притомъ же ненависть между монголами и мухаммеданами, происшедшая вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій первыхъ и самозащищенія послѣднихъ, съ теченіемъ времени улеглась и поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ мухаммеданъ, и слѣдовательно къ союзу съ ихъ врагами-христіанами, стало гораздо меньше у монголовъ. Такимъ образомъ съ конца XIII в. политическое благоразуміе должно было внушать монгольскимъ государямъ, что въ интересахъ собственной безопасности и спокойствія имъ нужно жить въ мирѣ съ своими сосѣдями и что не слѣдуетъ надѣяться на союзъ съ отдаленными государями, что нужно покровительствовать мухаммеданамъ и преслѣдовать ихъ враговъ.—Далѣе латинскіе миссіонеры проповѣдывали не столько вѣру въ І. Христа, сколько внушали повиновеніе римскому первосвященнику, чѣмъ оскорбляли національную гордость монголовъ. Покровительствовать притязаніямъ этого гордаго римскаго владыки монголы могли только въ крайней нуждѣ, а какъ скоро эта нужда миновалась, латинскіе миссіонеры должны были мало по малу лишиться этого покровительства.

Аргонъ умеръ среди грозныхъ приготовленій къ войнѣ съ мухаммеданами (1291 г.). Эти приготовленія до того встрѣвожили его непріятелей, что послѣдователи Мухаммеда включили смерть монгольскаго повелителя въ число чудесъ, совершенныхъ Богомъ въ пользу исламизма (1). Дѣйствительно, смерть Аргона была столько же благопріятна для мухаммеданства, сколько неблагопріятна для христіанства, а особенно для латинства. Братъ и преемникъ Аргона *Кайсату* (Гайхату), преданный чувственности, вовсе не заботился о религіозныхъ

(1) Мишо. т. IV. с. 529.

и политическихъ дѣлахъ своего царства и дозволялъ свободно усиливаться мухаммеданской партіи. Но наконецъ его необузданное сластолюбіе и жестокость сдѣлали его предметомъ всеобщей ненависти подданныхъ, и послѣ пяти-лѣтняго своего правленія онъ былъ убитъ въ 1295 г. Преемникомъ ему былъ избранъ внукъ Гулагу *Байду*, котораго всѣ историки того времени хвалятъ за человѣколюбіе и справедливость (1), Если справедлива догадка Мосгейма, что письмо папы Николая IV, адресованное „Caidono principi tartarorum (2), относится къ Байду (3), то еще въ 1288 г. этотъ князь былъ рѣшительно на сторонѣ христіанства. И дѣйствительно, его правленіе обѣщало христіанамъ сильное покровительство. Онъ снова далъ своимъ христіанскимъ подданнымъ ту же свободу въ дѣлѣ религіи, которою они пользовались при Аргонѣ, и явно предпочиталъ христіанъ при назначеніи чиновниковъ на государственныя должности, хотя, изъ боязни предъ мухаммеданской партіей, которая постоянно усиливалась, и не такъ рѣшительно, какъ Аргонъ. Однако эта склонность Байду къ христіанству не укрылась отъ мухаммеданъ, и они составили противъ него заговоръ. Байду былъ убитъ, а сынъ Аргона Газанъ, бывшій намѣстникомъ Хорасана, возведенъ на ханскій престолъ (въ 1296 г.) съ условіемъ принять мухаммеданскую вѣру и возвести ее на степень господствующей религіи. На первыхъ порахъ Газанъ усердно исполнялъ эти условія. Онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Хода-бендою и 8000 монголовъ принялъ обрѣзаніе и торжественно началъ исполнять мухаммеданскіе обряды. Христіане всюду подверглись самому жестокому гоненію. Въ Арбелѣ, Тебризѣ, Мосулѣ, Багдадѣ и другихъ городахъ множество христіанъ, особенно священниковъ потерпѣли мученическую смерть; церкви ихъ были превращены въ мечети а частію разрушены. Мухаммеданскіе лѣтописцы, за эту ревность къ распространенію мухаммеданства, не знаютъ какъ восхвалить Газана и называютъ его святымъ, утверждаютъ что ему являлись во снѣ

(1) Mosheim. p. 82.
(2) Ibid. app. № XXXV p. 36.
(3) Ibid. p. 78.

Мухаммедъ и Алій: первый однажды, а второй дважды (1). Но эта ревность Газана къ мухаммеданству продолжалась только два года. Та самая мухаммеданская партія, которая возвела его на престолъ и въ угоду которой онъ принялъ мухаммеданство и преслѣдовалъ христіанъ, составила заговоръ противъ него самого и начала поддерживать узурпаторскія стремленія новаго хорасанскаго намѣстника, Навруза. Газанъ, узнавши объ этомъ во́ время, выслалъ въ Хорасанъ войско, и возмутившійся намѣстникъ былъ убитъ въ сраженіи. Эта склонность мухаммеданъ къ мятежу уронила ихъ въ глазахъ хана, и онъ круто повернулъ назадъ къ политикѣ Аргона. Онъ объявилъ войну султану египетскому, вступилъ въ союзъ съ царемъ армянскимъ Гайтономъ (Хетумъ) II, женился на его дочери и началъ покровительствовать христіанамъ. Съ этихъ поръ, по словамъ Мишо, уничтожить мухаммеданъ сдѣлалось самою завѣтною его мечтою. Завоеваніе береговъ Нила и Іордана стало занимать всѣ его мысли. Когда новые города возникали въ его владѣніяхъ, онъ любилъ давать имъ имена: Алепо, Дамаскъ, Александрія и имена многихъ другихъ городовъ сирійскихъ и египетскихъ (2). Большинство его арміи состояло изъ христіанъ, грузинъ и армянъ, и христіанское знамя развѣвалось рядомъ съ знаменемъ великаго хана. Газанъ выступилъ изъ Персіи, предводительствуя войскомъ; цари армянскій, грузинскій, король каирскій, тампліеры и рыцари св. Іоанна, узнавъ о его намѣреніяхъ, присоединились къ его знаменамъ. Большое сраженіе дано было близъ Эмессы; побѣда измѣнила египетскому султану, который лишился лучшей части своего войска и былъ преслѣдуемъ до самой степи армянскими всадниками. Алепо и Дамаскъ открыли ворота побѣдителю. Если вѣрить словамъ историка Гайтона, христіане вступили тогда въ Іерусалимъ и ханъ татарскій посѣщалъ вмѣстѣ съ ними гробъ І. Христа. Мишо говоритъ, что „отсюда Газанъ отправилъ посланниковъ къ папѣ и къ европейскимъ государямъ, прося ихъ союза и предлагая имъ обладаніе святою землею. Первосвященникъ принялъ посланниковъ Газана, но на ихъ предложенія и просьбы могъ отвѣчать одними только обѣщаніями, кои остались безъ исполненія. Высокомѣріе, съ которымъ Бонифа-

(1) Д'Оссонъ. Полн. картина отт. имперіи. с. 32; Mosh. p. 83, 84.
(2) Мишо. т. IV. стр. 530.

цій VIII, преемникъ Николая, обращался къ христіанскимъ государямъ, и его увѣщанія, похожія на приказанія, вооружили противъ него умы государей, особенно французскаго короля“ (1). Папа посылалъ впрочемъ около этого времени въ Татарію нѣсколько францисканскихъ и доминиканскихъ монаховъ (2), съ порученіемъ „возстановить тамъ угнетенное и извращенное христіанство и распространить его далѣе по всѣмъ направленіямъ востока“. Но объ этомъ посольствѣ не осталось никакихъ извѣстій, кромѣ обширной инструкціи 1299 г. и диплома 1296 г. Инструкція давала миссіонерамъ обширныя полномочія, позволяла имъ дѣлать все для возвышенія на востокѣ латинства и подчиненія Риму христіанъ, не признающихъ папскаго главенства, и адресована была „dilectis filiis, fratribus sanctis de Bolea, Guillelmo Bernardi, Bernardo Guille et cet. ordinis praedicatorum ad terras Saracenorum, Paganorum, Bulgarorum, Cumanorum, Aethiopum, Syrorum, Hiberorum, Alanorum, Gazarorum, Gotorum, Rutenorum, Jacobitorum, Nubianorum Georgianorum, Armenorum, aliarumque terrarum orientalium et Aquilonarium nationum profficiscentibus nunciis“ (3). Такое обширное назначеніе свидѣтельствуетъ болѣе о непомѣрныхъ притязаніяхъ папы, чѣмъ о его ревности къ обращенію язычниковъ и мухаммеданъ. О трудахъ этихъ миссіонеровъ не сохранилось никакихъ извѣстій, но послѣдующій упадокъ христіанства въ Татаріи и усиленіе мухаммеданства показываютъ, что съ перемѣною благопріятныхъ отношеній къ христіанству хановъ, ихъ труды не могли идти успѣшно. Татары, не смотря на свои побѣды, не могли однако восторжествовать надъ устройствомъ и твердостію мамелюковъ, вышедшихъ подобно имъ изъ пустынь Скиѳіи. Съ монголами случилось тогда почти тоже, что почти всегда случалось съ франками въ жару крестовыхъ походовъ; сначала они имѣли большіе успѣхи, но обстоятельства, не относящіяся къ священной войнѣ, отзывали ихъ въ свое отечество и заставляли оставлять свои завоеванія. Газанъ принужденъ былъ оставить Сирію и возвратиться въ Персію; онъ предпринялъ второй походъ, который

(1) Mosheim. т. IV. стр. 530—531.
(2) Въ числѣ ихъ былъ и Рикольдъ де-Монте-Круа.
(3) Mosheim. app. № XLII p. 106—110.

также бросилъ; во время третьяго онъ умеръ посреди своихъ побѣдъ, унося во гробъ послѣднія надежды христіанъ.

По смерти Газана, на престолъ вступилъ братъ его Хода-бенда, тотъ самый, который принялъ при Аргонѣ христіанство съ именемъ Николая. Мать его была христіанка и по всей вѣроятности еще во время его юности позаботилась о насажденіи въ его сердцѣ сѣмянъ христіанства. Но его обращеніе въ христіанство не было основано на искреннихъ и глубокихъ убѣжденіяхъ. Когда Газанъ принялъ мухаммеданство, Хода-бенда также послѣдовалъ его примѣру и вмѣстѣ съ нимъ началъ преслѣдовать христіанъ. Неизвѣстно, какъ онъ велъ себя въ послѣдніе годы царствованія Газана, когда христіане пользовались покровительствомъ хана, но во все время своего правленія, продолжавшагося 14 лѣтъ, онъ оставался противникомъ христіанъ. Насколько искренно было такое поведеніе хана: вытекало ли оно изъ его религіозныхъ убѣжденій, или было плодомъ его политическаго благоразумія—рѣшить трудно. Послѣднее кажется вѣроятнѣе. Оставивъ христіанство, онъ однако не забылъ о христіанахъ и о возможности союза съ ними въ трудныхъ обстоятельствахъ. Въ 1308 г., вѣроятно по случаю какого-нибудь непріязненнаго столкновенія съ мухаммеданами, онъ послалъ къ папѣ Клименту V нѣкоего Ѳому Ильдика съ порученіемъ уговорить христіанъ къ предпринятію крестоваго похода противъ мухаммеданъ. Въ письмѣ своемъ къ папѣ Хода-бенда выражалъ желаніе вновь присоединиться къ Церкви христіанской и обѣщалъ христіанамъ дѣятельную помощь. Папа, хлопотавшій въ то время дѣйствительно о новомъ крестовомъ походѣ, радостно принялъ это предложеніе, обѣщая, въ своемъ письмѣ, выступить противъ мухаммеданъ во главѣ 100,000 всадниковъ и увѣщевалъ монгольскаго хана оставаться твердымъ въ своемъ намѣреніи и позаботиться о скорѣйшемъ и совершеннѣйшимъ присоединеніи себя къ обществу вѣрующихъ (1). Но эти обѣщанія, какъ и всегда, были слишкомъ поспѣшны и не могли быть исполнены. Едва ли и самъ папа вѣрилъ возможности выполнить ихъ и если давалъ ихъ, то, по всей вѣроятности, съ единственною цѣлію, какимъ-бы то ни было образомъ привлечь

(1) Mosheim. app. № LI p. 128—130.

хана къ принятію христіанской вѣры или, по крайней мѣрѣ, не оттолкнуть его отъ себя и не сдѣлать такимъ образомъ вреда дѣйствіямъ миссіонеровъ. Хода-бенда также едвали искренно выражалъ свою склонность къ христіанству и едвали вѣрилъ въ успѣхъ своего посольства, а если посылалъ его, то для того только, чтобы вывѣдать положеніе дѣлъ въ Европѣ и на всякій случай запастись хотя и далекимъ, но вѣрнымъ союзникомъ. И такъ съ обѣихъ сторонъ эти сношенія были не искренни, запечатлѣны ложью и хитростію и потому не могли принести никакой пользы христіанству, которое въ Персіи все болѣе и болѣе подавлялось мухаммеданствомъ. Хода-бенда былъ послѣдній ханъ, обращавшійся на западъ за союзомъ. Его преемники были уже на столько ревностные мухаммедане, что для нихъ такой союзъ былъ уже немыслимъ, а покровительство христіанамъ было измѣною своей вѣрѣ.

Преемникъ Хода-бенды, Абу-Саидъ, воспитанный въ мухаммеданствѣ, не обращался уже къ папѣ за помощію. Вступивъ на престолъ 12 лѣтъ, онъ долгое время былъ подъ опекою мухаммеданъ, такъ что мухаммеданство въ его правленіе получило рѣшительный перевѣсъ въ правительственныхъ сферахъ; но христіане пользовались еще довольно значительною терпимостію. Гоненія, иногда случавшіяся, были не повсемѣстны и не долговременны. Причиною этого были вѣроятно постоянныя войны, которыя персидскіе татары должны были вести въ это время съ своими сосѣдями, особенно съ кипчакскимъ ханомъ Узбекомъ. Эти войны должны были въ значительной степени отвлекать вниманіе мухаммеданскаго правительства отъ внутреннихъ дѣлъ и ставить Абу-Саида въ пассивное отношеніе къ дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ, которые поэтому выставляли его предъ папами государемъ благопріятствующимъ христіанству. Такъ въ 1321 г. прибыли съ востока два монаха францисканскаго ордена съ увѣдомленіемъ о благорасположенности къ христіанамъ татарскихъ императоровъ: Зопана Бегиляра и Муссаида (т. е. Абусаида, по вѣроятной догадкѣ Мосгейма [1]). Папа очень обрадовался этому извѣстію и послалъ францисканцевъ назадъ въ Персію, поручивъ имъ воспользоваться этою бла-

[1]) Mosheim. Hist. tart. eccles. p. 108.

горасположенностію для пользы латинства и снабдивъ ихъ приличными случаю письмами, но отвѣта никакого не получилъ (1). Это же вѣроятно извѣстіе побудило папу въ слѣдующемъ 1322 году, когда турки напали на Арменію, обратиться къ Абу-Саиду съ просьбою о помощи армянскимъ христіанамъ и съ предложеніемъ своего союза. Но на писанныя имъ по этому случаю два письма (2) отвѣта также не было получено; просьба осталась безъ результата, а предложеніе союза не было принято. Абу-Саидъ умеръ въ 1331 г., а послѣ его смерти наступили междоусобія, окончательно прервавшія дружественныя сношенія персидскихъ татаръ съ папами и продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока Тамерланъ не уничтожилъ персидко-татарское царство.

Но не смотря на это отсутствіе дружественныхъ сношеній папъ съ правительствомъ персидско-татарскаго царства при Абу-Саидѣ и его преемникахъ, папская миссія здѣсь существовала и въ это время и даже пользовалась повидимому значительною свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. Миссіонерскія извѣстія этого времени, увѣдомляя о гоненіяхъ, извѣщали въ то же время и о процвѣтаніи латинства въ Персіи, объ обильныхъ плодахъ ревности и трудовъ авторовъ этихъ извѣстій и ихъ предшественниковъ. Всѣ эти извѣстія впрочемъ видимо преувеличены и кажется намѣренно писаны крайне неопредѣленно и сухо, такъ что изъ нихъ нельзя заимствовать прочныхъ фактовъ ни для характеристики образа дѣйствій миссіонеровъ, ни для оцѣнки результатовъ ихъ дѣятельности. Относительно перваго предмета можно только сказать, что латинскіе миссіонеры, чувствуя свое безсиліе и вѣрные своему старому обыкновенію, предпочитали лучше проповѣдывать папство восточнымъ христіанамъ, а не христіанство невѣрнымъ. Главное вниманіе ихъ обращено было на несторіанъ и другихъ восточныхъ христіанъ, потомъ на язычниковъ и послѣ всего на мухаммеданъ. Поэтому большее число ихъ прозелитовъ состояло изъ христіанъ, обращенныхъ въ папство, а не изъ язычниковъ и мухаммеданъ, обращенныхъ въ христіанство. Между такими прозелитами считали тогда самого несторіанскаго патріарха Ябал-

(1) Moshiem. Hist. tart. eccles. app. № LVI и дал. p. 135 sq.
(2) Ibid. app. № LX и LXI. p. 144—146.

лагу, который въ 1304 г. присылалъ къ папѣ Бенедикту XI письмо съ изъявленіемъ своей покорности и согласія принять латинскіе догматы и которому папа отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ, наполненнымъ разсужденіями о догматическихъ разностяхъ несторіанъ съ латинянами и доказательствами своего главенства (1). Что же касается до результатовъ миссіонерской дѣятельности латинянъ въ персидско-татарскомъ царствѣ, то историки католическихъ миссій этого времени относятся къ извѣстіямъ объ этихъ результатахъ крайне скептически и совѣтуютъ вѣрить имъ съ крайнею осторожностію (2). Но такъ какъ не существуетъ никакого критерія для повѣрки этихъ извѣстій, то отвергнуть ихъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній и остается только при обсужденіи ихъ помнить, что они, по всей вѣроятности, очень преувеличены. Если вѣрить этимъ извѣстіямъ, то конецъ XIII и первая половина XIV вѣка были самою блестящею эпохою латинскихъ миссій среди татаръ. Миссіонеры, приходившіе съ востока, описывали склонность татаръ къ принятію христіанства и свои огромные будто-бы успѣхи въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ самими яркими красками и вынуждали папъ высылать на востокъ новыхъ миссіонеровъ на помощь старымъ и учреждать для новообращенныхъ епископства и архіепископства. Въ Султаніи, столицѣ Персіи, (основанной въ 1303 г. Газаномъ) миссіонеръ Франко перузійскій трудился съ такимъ успѣхомъ и обратилъ въ латинство такое множество язычниковъ и мухаммеданъ, что тамъ существовало въ 1315 г. 25 церквей, въ которыхъ совершалось для новообращенныхъ богослуженіе. Чувствуя себя не въ состояніи удовлетворять разнообразнымъ потребностямъ своей паствы, Франко послалъ около 1318 г. къ папѣ Іоанну XXII доминиканца Вильгельма Аду, съ порученіемъ, описавъ успѣхи миссіонеровъ въ Персіи и потребности новообращенныхъ, просить у св. отца помощниковъ. Франко полагалъ, что съ увеличеніемъ числа миссіонеровъ должны увеличиться обращенія. Папа былъ того же мнѣнія и охотно исполнилъ желаніе миссіонера. Онъ сдѣлалъ даже болѣе: съ цѣлію вѣрнѣе обезпечить миссіонерамъ успѣхи ихъ проповѣди, онъ рѣшился

(1) Mosheim. Hist. tart. eccles. № XLIII p. 110—114.
(2) Ibid p. 106—107.

учредить въ Султаніи митрополичью каѳедру и такимъ образомъ дать новообращеннымъ іерархію. Франко былъ назначенъ митрополитомъ Султаніи и ему въ помощники назначено было шесть суффрагановъ—епископовъ: Герардъ кальвенскій, Варѳоломей де-Подіо, Бернардинъ де-Плаценціа, Бернардъ Морети, Варѳоломей Абаліати и упомянутый уже Вильгельмъ Ада. Всѣ эти суффраганы были итальянцы, за исключеніемъ послѣдняго, который былъ французъ. Папа далъ султанійскому архіепископу обширныя полномочія и вопреки римскому обычаю, по которому всякій епископъ долженъ получать посвященіе въ Римѣ, возвелъ его въ епископскій санъ заочно не вызывая къ себѣ, а церемонію поручилъ совершить Вильгельму Адѣ, который вмѣстѣ съ товарищами своими былъ посвященъ самимъ папою и повезъ къ новому архіепископу палліумъ, папскія письма и инструкціи. Впослѣдствіи этотъ Вильгельмъ Ада былъ архіепископомъ султанійскимъ и непосредственнымъ преемникомъ Франка (1). О послѣдующемъ состояніи латинства въ Султаніи не извѣстно почти ничего, но можно думать, что эта митрополія могла имѣть важное значеніе для распространенія на востокѣ латинства. Султанія была въ то время средоточіемъ восточной торговли и самымъ удобнымъ пунктомъ, откуда можно было дѣйствовать на окрестные невѣрующіе народы. Учреждая здѣсь митрополію, папа имѣлъ въ виду эту именно важность мѣста и думалъ такимъ образомъ дать на востокѣ латинскимъ миссіямъ прочную опору. Въ своей буллѣ по этому случаю папа выражалъ надежду, что отсюда миссіи распространятся по всей западной татаріи даже до Индіи и Эѳіопіи (2). И дѣйствительно, эта надежда папы имѣла прочное основаніе, потому что въ средніе вѣка многочисленныя европейскія торговыя колоніи на востокѣ имѣли большое значеніе для распространенія и даже для успѣховъ латинскихъ миссій. Сообразно съ духомъ того времени религіозно-національный элементъ въ этихъ колоніяхъ столялъ на первомъ планѣ. Купцы-колонисты обыкновенно съ самаго начала строили церковь и потомъ около нея груп-

(1) Mosh. p. 105, 106 app. № LIII p. 132. Rayn. 1318 № 4. Henrion. T. I p 107, 108.

(2) Ibid. app. № LIII.

пировали свои дома и конторы, обносили свои владѣнія стѣнами и укрѣпленіями и основывали городъ въ городѣ, государство въ государствѣ съ своими собственными законами и обычаями, независимое въ своемъ управленіи отъ законовъ страны и чуждое туземному населенію по своимъ національнымъ особенностямъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Гордость, презрѣніе къ варварамъ, давшимъ пріютъ иноземцамъ, и страсть къ пропагандѣ своей національности были отличительными признаками колонистовъ. Поэтому колоніи генуезцевъ, венеціанъ и другихъ итальянскихъ мореходовъ всегда могли служить для миссіи надежною опорою и средствомъ для распространенія ея до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ извѣстнаго тогда міра. Если западныя миссіи въ началѣ XIV в. были распространены по всей татаріи, то этому способствовали очень много западныя итальянскія колоніи. Сами колонисты, между которыми были и духовныя лица, далеко не лишены были желанія обратить невѣрнаго въ христіанство и всячески старались привлекать къ себѣ невѣрующихъ, но ихъ жадность къ деньгамъ, гордость и высокомѣріе отталкивали отъ нихъ всякаго хорошаго туземца. Суффраганы-епископы, числомъ шесть, посланные на помощь архіепископу Султаніи, были, по всей вѣроятности, размѣщены по разнымъ городамъ Персіи, особенно по тѣмъ, въ которыхъ были торговыя колоніи, каковымъ былъ напр. Тебризъ, вторая столица Персіи. Объ этомъ послѣднемъ городѣ достовѣрно извѣстно, что вскорѣ послѣ учрежденіи митрополіи въ Султаніи въ 1328 г. папа Іоаннъ XXII послалъ туда епископомъ Вильгельма Лиги доминиканца (1). Около этого же времени учреждены были епископства въ Тифлисѣ, Марагѣ, Семискантѣ и митрополія въ Нахичевани.

б) *Въ царствѣ кипчакскомъ.*

Съ цѣлію внести и утвердить латинство среди татаръ, обитавшихъ на сѣверѣ и востокѣ отъ Чернаго и Каспій-

(1) Mosh. p. 111.

скаго морей, папы также старались дать твердую опору для своихъ миссій въ колоніяхъ, именно: генуэзскихъ и венеціанскихъ распространившихся тогда по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, въ Крыму и на Кавказѣ—справедливо думая, что отсюда миссіонеры удобно могутъ дѣйствовать на татаръ, обитавшихъ въ нынѣшней Европейской Россіи и на Кавказѣ. Въ 1320 г. папа Іоаннъ XXII учредилъ епископскую каѳедру въ Кафѣ (нынѣ Ѳеодосія въ Крыму) и послалъ туда епископомъ францисканца Іеронима съ порученіемъ стараться объ обращеніи въ христіанство сосѣдственныхъ съ колоніею татаръ (1). Но генуэзцы, бывшіе тогда не въ добрыхъ отношеніяхъ съ папою, не приняли этого епископа и онъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться во свояси. Вмѣсто него поставленъ былъ въ 1323 г. для Кафы одинъ изъ суффрагановъ султанійскаго архіепископа Вильгельма Ады, преемника Франко Перузійскаго, доминиканецъ Ѳаддей (2). Около того же времени была учреждена епископская каѳедра въ Сараѣ, столицѣ Золотой Орды, а епископомъ туда былъ назначенъ францисканецъ Стефанъ въ 1315 г. папою Климентомъ V (3). Въ слѣдующихъ годахъ папа учредилъ епископство въ Херсонѣ таврическомъ и митрополію въ Воспорѣ киммерійскомъ. Митрополитомъ этого послѣдняго города былъ назначенъ доминиканецъ Франциск Камерино около 1333 г., а епископомъ въ Херсонъ доминиканецъ же Ричардъ (4). Кромѣ того 1333 г. Іоаннъ XXII учредилъ въ *Кафѣ* миссіонерско-учебный монастырь, монахи котораго должны были спеціально изучать восточные языки (5). Имѣя такимъ образомъ въ колоніяхъ, гдѣ можно было жить безопасно и имѣть всѣ удобства для изученія татарскихъ языковъ и религіи, довольно твердыя точки опоры для своей дѣятельности, латинскіе миссіонеры могли распространить эту дѣятельность на большій районъ и съ большимъ успѣхамъ. Кажется, благодаря именно ихъ дѣятельности, распо-

---

(1) Mosh. p. 107.
(2) Henrion. p. 112.
(3) Wadd. an. 1318. Henr. p. 120. Dictionere des Missions. t. I p. 469; ся. Diction. des Miss. t. I. p. 1240.
(4) Distion. des. missions t. I. p. 1173—1174.
(5) Henr. t. I. p. 119.

ложены были если не къ принятію христіанства, то ко вступленію въ дружественныя сношенія съ христіанами нѣкоторые изъ хановъ западной Татаріи, которые своимъ благорасположеніемъ къ христіанамъ подававали папамъ поводъ къ посылкѣ въ Татарію новыхъ миссіонеровъ и къ дальнѣйшему распространенію на востокѣ латинской пропаганды. Въ 1321 г. изгнанный изъ Кафы епископъ Іеронимъ, возвратившись на западъ, донесъ папѣ о благорасположенности къ христіанамъ нѣкоего Абузъ-хана, сына *Козакана*, царя татарскаго. Папа рѣшился, въ интересахъ латинства, воспользоваться этою благорасположенностію и послалъ Іеронима съ пятью помощниками и съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ Абузъ-хана къ принятію христіанства и просилъ его покровительствовать христіанамъ и особенно миссіонерамъ (1). Въ 1329 г. прибыли съ востока еще два доминиканца, изъ которыхъ одинъ назывался Ѳомой Манказоло, и донесли папѣ, что императоръ татаръ, живущихъ въ Туркестанѣ и Хорасанѣ, Элчигадай проситъ апостольскаго благословенія и желаетъ быть наставленнымъ въ христіанской вѣрѣ. Папа поставилъ Ѳому въ епископы города Семисканта, мѣстоположеніе котораго достовѣрно неизвѣстно (2), и отправилъ его назадъ въ Туркестанъ съ письмомъ къ Элчигадаю, въ которомъ хвалилъ хана за его расположеніе къ христіанству и излагалъ вкратцѣ догматы вѣры (3). Вслѣдствіе такой же дѣятельности миссіонеровъ заведены были папою сношенія съ *Милленомъ*, царемъ алановъ, и *Весокомъ*, царемъ зиховъ. Эти народы обитали въ то время по сосѣдству съ Чернымъ моремъ, были въ близкихъ сношеніяхъ съ латинскими колонистами и были уже христіанами еще до прихода латинянъ, которые вѣроятно на нихъ обратили особенное свое вниманіе и достигли того, что нѣкоторыя вліятельныя и властительныя лица изъ ихъ среды согласились признать главенство папы, что и подало поводъ послѣднему отправить къ нимъ свои увѣщательныя посланія и новыхъ миссіонеровъ, изъ которыхъ замѣчательны упомянутые уже нами

---

(1) Mosh. p. 107. app. № LIV, LV.

(2) Генріонъ полагалъ его въ Малой Арменіи, а Ричардъ въ Туркестанѣ. Dtction. des Miss. art. Mamasola. t. I. p. 878.

(3) Mosh. app. № LXIV p. 149—150.

Францискъ де-Камерино и Ричардъ англичанинъ (¹). Но особенно часты были сношенія папъ съ Узбекомъ, ханомъ Золотой Орды (1313—1342). Узбекъ былъ ревностный чтитель Мухаммеда и всѣми мѣрами старался о распространеніи между своими подвластными татарами мухаммеданства; однако политическое благоразуміе заставило его почтительно относиться къ римскому первосвященнику, на котораго соперники, враги Узбека, ханы персидскіе, возлагали столько надеждъ и который, чрезъ посредство своихъ многочисленныхъ пословъ, успѣлъ все таки внушить востоку мнѣніе о себѣ, какъ о могущественномъ государѣ. Въ началѣ правленія Узбека христіане, жившіе въ его столицѣ, между которыми были, можетъ быть, и латиняне, свободно исправляли свои религіозныя обязанности и, нисколько не стѣсняясь, звонили въ колокола предъ началомъ богослуженія, сзывая вѣрующихъ на молитву. Католики имѣли своего епископа, Стефана и въ трехъ миляхъ отъ Сарая монастырь св. Іоанна, въ которомъ жили миссіонеры. Такая свобода христіанской религіи не очень нравилась ревностнымъ послѣдователямъ Мухаммеда, которые составляли сильное большинство, и они успѣли внушить Узбеку, что въ столицѣ мухаммеданской не можетъ быть терпимъ колокольный звонъ, который можетъ быть худымъ предзнаменованіемъ для татаръ. Вслѣдствіе этого Узбекъ издалъ эдиктъ, запрещавшій христіанамъ колокольный звонъ. Такое распоряженіе принято было христіанами за начало гоненія и они обратились къ папѣ съ жалобами и просьбою о заступничествѣ. Папа Іоаннъ XXII въ 1318 г. послалъ къ Узбеку письмо, въ которомъ увѣщевалъ его отмѣнить эдиктъ, изданный имъ три года назадъ, и хвалилъ за расположеніе къ христіанской

(¹) Mosh. p. 112, 113 app. № 72, 73, 75, 76, 77, и 78. Неизлишне замѣтить, что въ миссіонерскихъ письмахъ, помѣщенныхъ у Мосгейма имена разныхъ мелкихъ татарскихъ князей и племенъ, по всей вѣроятности, очень изкажены. Тѣмъ не менѣе однако въ настоящемъ, какъ и въ большей части случаевъ, мы слѣдуемъ произношенію Мосгейма, такъ какъ, за недостаткомъ пособій, возстановить подлинное произношеніе не не имѣемъ возможности и такъ какъ въ своемъ сочиненіи мы преслѣдуемъ главнымъ образомъ миссіонерскія цѣли, а не археологическо-этнографическія.

религіи (1). Но по всей вѣроятности это письмо не имѣло никакого дѣйствія и эдиктъ Узбека оставался во всей своей силѣ, не смотря на жалобы христіанъ и увѣщанія папы. Въ 1323 г. папа посылалъ Узбеку новое письмо, въ которомъ увѣщевалъ его къ принятію христіанства и просилъ объ отмѣнѣ вышеупомянутаго эдикта почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и прежде (2). Но и это письмо не имѣло никакого дѣйствія, потому-что Узбекъ въ то время еще не видѣлъ для себя никакой нужды въ благорасположеніи папы и былъ такимъ ревностнымъ мухаммеданиномъ, что не имѣлъ никакого побужденія дѣлать уступки христіанамъ и уравнивать ихъ въ правахъ съ мухаммеданами. Положеніе христіанъ-латинянъ со времени папскихъ писемъ не только не улучшилось, но повидимому даже сдѣлалось хуже. Въ 1333 г. одинъ изъ миссіонеровъ, Стефанъ венгерскій, принялъ мухаммеданство и сдѣлался было злымъ противникомъ христіанъ, но потомъ опять перешелъ въ старую религію и за это потерпѣлъ отъ мухаммеданъ сарайскихъ мученическую смерть въ 1334 г. (3). Было ли это отступничество (4) слѣдствіемъ принужденія со стороны мухаммеданъ или слѣдствіемъ крайне-недостаточной подготовки миссіонера—не извѣстно, но самый фактъ мученичества показываетъ, что мухаммедане въ царствѣ Узбека были на столько сильны, что могли безнаказанно мучить измѣнниковъ и поносителей своей вѣры. Впрочемъ самъ Узбекъ, не смотря на свое прославленное мухаммеданское благочестіе, держалъ себя въ это время по отношенію къ христіанамъ очень благоразумно и даже подавалъ имъ надежды на свое обращеніе, потому-что папа въ письмѣ своемъ къ Узбеку, посланномъ около этого же времени, хвалитъ его за расположеніе къ христіанамъ (5). Спустя нѣсколько времени, онъ даже сталъ заискивать у папы и около 1340 г. послалъ къ нему въ каче-

---

(1) Mosh. app. № LII.

(2) Ibid. app. № LXII.

(3) Henrion. I p. 121—223.

(4) Между миссіонерами было много и другихъ ренегатовъ—таковы: Бонакрузъ, Филиппъ, Етьеръ и др. см. Dictien. des Miss. подъ указан. именами.

(5) Moch. app. № LXXXI.

ствѣ пословъ троихъ францисканъ: Петра де-Лорто, Альберта и Илію венгерскаго. Папа Бенедиктъ XII по этому случаю вступилъ съ Узбекомъ въ самыя дружественныя отношенія и писалъ нѣсколько увѣщательныхъ и хвалебныхъ писемъ ему самому, его старшему сыну Тинибеку и его женѣ Тайдулѣ (1). Письма эти, отправленныя по назначенію съ тѣми же послами, содержали въ себѣ частію похвалы вышеупомянутымъ лицамъ за ихъ покровительство христіанамъ, частію увѣщанія къ принятію христіанства и рекомендаціи миссіонеровъ. Эти письма конечно не могли имѣть сами по себѣ никакого положительнаго значенія. Они служили только выраженіемъ добрыхъ отношеній между монголами и христіанами, причиною чего была миссіонерская дѣятельность латинскихъ монаховъ.

По смерти Узбека на кипчакскій престолъ вступилъ сынъ его Джанибекъ или Чанибекъ, достигшій престола убійствомъ двухъ своихъ братьевъ (1342—1357). Подобно отцу, онъ былъ ревностнымъ мухаммеданиномъ, но менѣе его расположенъ къ дружественнымъ сношеніямъ съ западомъ и покушался было уничтожить латинскую колонію, Тану. Въ 1343 году Илія венгерскій снова прибылъ къ папѣ съ извѣстіемъ о враждебныхъ замыслахъ противъ Таны хана Золотой Орды и о его приверженности къ мухаммеданству. Папа снова отослалъ Илію въ Орду съ письмомъ къ Джанибеку, въ которомъ увѣщевалъ хана стать въ благопріятныя отношенія къ латинянамъ, покровительствовать ихъ священникамъ и пр. (2). Джанибекъ былъ послѣдній ханомъ, съ которымъ папы вступали въ письменныя сношенія.—О состояніи латинства послѣ него въ Золотой Ордѣ почти (3) ничего неизвѣстно. Междоусобія и насильственные перевороты въ правленіи сдѣлались постоянными и были прекращены Тамерланомъ, завоеванія котораго составляютъ эпоху въ исторіи латинскихъ миссій среди татаръ.

---

(1) Mosh. app. № 85, 86, 88, 89, 90.

(2) Ibid. app. № 93.

(3) «Преемникъ Чанибека, Бердибекъ, бывъ жертвой своего распутства, умеръ въ 1359 г. Кульна, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей христіанской вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть римскими миссіонерами» (Карамзинъ. И. Г. Р. т. IV стр. 275).

Б) *Миссіи среди татаръ восточныхъ а) въ китайско-татарскомъ царствѣ.*

Обратимся теперь къ миссіонерской дѣятельности латинянъ среди татаръ восточныхъ, которые подъ предводительствомъ Кублая завоевали Китай и основали тамъ монгольское государство. Въ отношеніяхъ Кублая (1259—1302) къ христіанству менѣе были замѣтны политическіе разсчеты и потому миссіонерскія дѣйствія латинянъ въ его царствѣ могли чище сохранить на себѣ характеръ христіанства. Но латинское миссіонерство имѣло въ себѣ столько противухристіанскихъ элементовъ, что и благопріятныя обстоятельства не могли подвинуть его ближе къ евангельскому идеалу. Первые латиняне, проникшіе къ китайскимъ татарамъ, были предпріимчивые венеціанскіе купцы: Николо и Маттео Поло (1). Въ 1250 году эти предпріимчивые итальянцы рѣшились, для умноженія своего торговаго капитала, завязать торговыя сношенія съ народами, обитавшими тогда за Чернымъ моремъ, не имѣя впрочемъ прямаго намѣренія добраться непремѣнно до отдаленнаго Китая и великаго хана Кублая. Но, отправившись въ путь, они мало по малу, вынуждаемые встрѣчавшимися обстоятельствами, любознательностію и жаждою большаго пріобрѣтенія, зашли въ глубь Татаріи и достигли самой столицы великаго хана, Пекина, или, какъ онъ назывался въ то время, Камбалы. Это было около 1260 года. „Когда путешественники,—говоритъ Марко Поло, описавшій приключенія свои и своихъ отца и дяди,—представились великому хану, онъ принялъ ихъ благосклонно и привѣтливо: такое обращеніе было въ его характерѣ. Они первые изъ итальянцевъ явились въ эту землю, оттого-то для нихъ даны были праздники; отличали ихъ и другимъ образомъ. Ханъ дружески бесѣдовалъ съ ними, распрашивалъ о западныхъ странахъ міра, о римскомъ императорѣ и другихъ христіанскихъ короляхъ и князьяхъ. Онъ велѣлъ разсказывать себѣ объ ихъ могуществѣ, о пространствѣ ихъ

(1) Марко Поло не было въ это время съ ними. Онъ отправился съ ними, какъ увидимъ ниже, уже впослѣдствіи во второе ихъ путешествіе; поэтому первыя приключенія Николо и Маттео онъ разсказываетъ не какъ очевидецъ.

земель, какъ смотрятъ они за правосудіемъ въ своихъ различныхъ государствахъ и княжествахъ, о военномъ искусствѣ, а больше всего и предпочтительно спрашивалъ о вѣрѣ, церковныхъ дѣлахъ, богослуженіи и святомъ ученіи христіанъ. Хорошо образованные и скромные люди, они отвѣчали ему какъ можно лучше обо всѣхъ этихъ предметахъ, и, вполнѣ ознакомившись съ татарскимъ языкомъ, объяснялись въ такихъ приличныхъ выраженіяхъ, что великій ханъ, у котораго они были въ почетѣ, часто призывалъ ихъ къ себѣ" (1). Поселившись въ столицѣ татарскаго царства, венеціане преслѣдовали здѣсь не одни свои личные торговые интересы, но и интересы христіанства, столь близкіе тогда всякому европейцу. Они старались развѣдывать о степени склонности великаго хана къ христіанству и старались даже склонить его къ рѣшительному шагу. По разсказамъ Марко Поло, въ имперіи Кублая христіане составляли значительную партію, которая пыталась даже оружіемъ получить преобладаніе. Племянникъ Кублая (2) Наянъ, намѣстникъ одной изъ областей, втайнѣ принялъ св. крещеніе, хотя никогда открыто не признавалъ себя христіаниномъ (3). Задумавъ сдѣлаться самостоятельнымъ и освободиться отъ подчиненія великому хану, онъ сформировалъ значительную армію и ждалъ только подкрѣпленій отъ Кайду, чтобы напасть на великаго хана. Но Кублай предупредилъ его и, напавъ на него нечаянно, уничтожилъ войско Наяна, взялъ самого его въ плѣнъ и казнилъ. По извѣстію Марко Поло, въ войскѣ Наяна находилось большое число христіанъ и на его военныхъ знаменахъ выставлено было знаменіе креста (4). Что касается до великаго хана Кублая, то, выступая противъ Наяна, онъ чуждъ былъ всякой религіозной ненависти, и, побѣдивъ его, не получилъ никакого отвращенія къ христіанству. Когда, послѣ пораженія Наяна, жиды и сарацины, увидѣвъ, что крестное знаменіе повержено на землю, насмѣхались надъ христіанами, то онъ, позвавъ ихъ къ себѣ,

---

(1) Путешествіе Марко Поло, русск. пер. стр. 33. кн. 1 гл. 1 Чтенія въ общ. ист. и древ. 1861, кн. 4.

(2) Марко Поло ошибочно называетъ его дядею. Ibid. 214 стр.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

сдѣлалъ имъ строгій выговоръ. „Если крестъ Христовъ—говорилъ онъ—не помогъ дѣлу Наяна, отъ того въ выигрышѣ истина и справедливость: Наянъ былъ мятежникъ и измѣнникъ своему государю; крестъ не могъ покровительствовать такому несчастному; и потому никто да не смѣетъ издѣваться надъ христіанскимъ Богомъ, который—сама совершенная благость и правда“ (1). Впрочемъ изъ этого нельзя заключать, чтобы Кублай имѣлъ особенную приверженность къ христіанству. Все его поведеніе по отношенію къ различнымъ религіямъ его царства показываетъ, что онъ былъ совершеннѣйшій индифферентистъ въ дѣлѣ религіи, и изъ политическихъ разсчетовъ равно покровительствовалъ всѣмъ и всѣмъ подавалъ надежды. Въ томъ же (1287) году въ праздникъ пасхи Кублай, по разсказу Марко Поло, „зная, что это одинъ изъ главныхъ нашихъ праздниковъ, велѣлъ всѣмъ христіанамъ явиться къ нему и принести съ собою то св. Писаніе, въ которомъ заключается четвероевангеліе. *Окуривъ торжественно ладономъ эту книгу, онъ благоговѣйно поцѣловалъ ее; тоже должны были сдѣлать, по его приказанію, и всѣ бывшіе тутъ вельможи*“. Это у него всегдашній обычай, замѣчаетъ при этомъ Марко Поло, и потомъ далѣе разсказываетъ: „*тоже соблюдалъ онъ и въ праздники сарацинъ, жидовъ и язычниковъ*. Когда спросили его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, онъ отвѣчалъ: есть четыре пророка почитаемые и обожаемые четырьмя разными племенами міра: христіане почитаютъ І. Христа, сарацины Магомета, жиды Моусея; а у язычниковъ самый высокій Богъ—Саганинбаръ—Канъ (Шакъ-ямуни). А я почитаю всѣхъ четырехъ и молю о помощи себѣ того, кто въ самомъ дѣлѣ выше всѣхъ изъ нихъ“.... „Но, по виду его при этихъ словахъ, можно было замѣтить, что *христіанскую вѣру онъ почиталъ самою истинною и лучшею;* потому что исповѣдающіе ее, говорилъ онъ, не желаютъ ничего, кромѣ святаго и добраго. Однакожъ онъ *ни какъ не хотѣлъ позволить имъ крестныхъ ходовъ*, потому что при этомъ понесли бы и высокочтимый ликъ І. Христа, распятаго и умершаго на крестѣ“ (2). Вообще, какъ видно, политическое благоразуміе было главною чертою

(1) Ibid. стр. 220—221.
(2) Ibid. стр. 221—224.

Кублаева характера. Онъ терпѣлъ и покровительствовалъ всѣмъ религіямъ и долгое время не давалъ преимущества ни одной изъ нихъ, или, напротивъ, заставлялъ думать приверженцевъ каждой религіи, что онъ наиболѣе любитъ ихъ вѣру. Поэтому исповѣдники разныхъ религій были одинаково расположены къ нему и его правленію, полагая, что находятся подъ его особенною защитою. Христіанъ Кублай увѣрилъ въ своей расположенности къ нимъ до того, что даже Марко Поло, бывшій долгое время съ отцемъ своимъ и дядею въ числѣ приближенныхъ царя, посылаемый имъ въ разныя важныя посольства и знавшій основательно очень многія государственныя дѣла, вдался въ обманъ, подобно другимъ, и былъ увѣренъ, что ханъ, считая христіанство *лучшею* религіею, втайнѣ расположенъ къ ней болѣе, нежели къ другимъ религіямъ. Мухаммеданс, особенно преобладавшіе въ западныхъ предѣлахъ его царства, также были удовлетворены имъ и были довольны: лица этой вѣры занимали многіе высшія военныя и гражданскія должности. Язычники болѣе всѣхъ имѣли основаніе считать его своимъ, и, дѣйствительно, онъ былъ *язычникъ*, потому что язычники составляли большинство его подданныхъ. Если бы всѣ его подданные, или огромное большинство ихъ, были христіане, то онъ безъ сомнѣнія немедленно сдѣлался бы и былъ бы христіаниномъ. Но такъ какъ христіане между его подданными далеко не составляли большинства, то, какъ умный политикъ, онъ не хотѣлъ сдѣлаться христіаниномъ изъ одного уже опасенія вооружить противъ себя большинство своихъ подданныхъ и потерять большую часть своихъ завоеваній. Все это довольно ясно высказано самимъ Кублаемъ во время одной изъ его бесѣдъ съ венеціанами: Николо и Маттео Поло. Когда послѣдніе, проживъ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ Кублая, начали собираться въ обратный путь, то великій ханъ предложилъ имъ взять на себя званіе его пословъ и взять съ собою одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, по имени Когитала. Путешественники согласились и при этомъ случаѣ осмѣлились сказать ему нѣсколько словъ относительно христіанства; они спросили его, почему онъ не дѣлается открыто христіаниномъ, и увѣщевали его къ рѣшительному переходу въ христіанство. „Для чего мнѣ быть христіаниномъ?“ сказалъ онъ. „Вамъ самимъ должно быть извѣстно, что христіане этихъ странъ не умѣютъ, да

и не могутъ сдѣлать никакого чуда: напротивъ видите, что язычники дѣлаютъ, что̀ хотятъ: когда я сижу за столомъ, кубки, полные вина и другихъ напитковъ, подходятъ ко мнѣ сами собою, безъ всякаго прикосновенія человѣческой руки и я пью изъ нихъ. Языческіе чародѣи располагаютъ дурною погодой и могутъ прогонять ее во всякую сторону неба; да у нихъ много и другихъ подобныхъ дарованій. Вы сами свидѣтели, что боги язычниковъ имѣютъ способность рѣчи и предсказанія, когда отъ нихъ того требуютъ. Если я обращусь въ христіанство и сдѣлаюсь христіаниномъ, князья моего двора и другіе люди, нерасположенные къ этой вѣрѣ, пожалуй спросятъ, какія причины заставили меня креститься и принять христіанство? Что за чрезвычайныя силы покорили себѣ священники? Какія чудеса они сдѣлали? А язычники говорятъ, что все, что они ни дѣлаютъ, совершается по ихъ собственной святости и по вліянію ихъ боговъ. Я не съумѣю отвѣчать имъ на это; они сочтутъ меня за человѣка, впавшаго въ заблужденіе, а язычники, благодаря своему глубокому искусству творить такія чудеса, *очень легко могутъ лишить меня жизни.* Однакожъ возвращайтесь къ вашему папѣ и просите его моимъ именемъ прислать сотню людей, хорошо знающихъ правила вашей вѣры, чтобы ихъ можно было лицомъ къ лицу поставить съ язычниками: пусть они покажутъ свое могущество и, образумивъ ихъ, докажутъ, что и сами они одарены такою же чудодѣйственной силой, да только не хотятъ ею пользоваться, потому что она—дѣло дьявола, и заставятъ самихъ язычниковъ бросить такія продѣлки. Если я буду свидѣтелемъ того, то положу запрещеніе на язычниковъ и ихъ вѣру и крещусь. Моему примѣру послѣдуютъ всѣ князья моего царства и примутъ крещеніе; тоже сдѣлаютъ въ подражаніе имъ и всѣ мои подданные, и тогда христіанъ въ этихъ странахъ будетъ больше, нежели въ вашей собственной землѣ“ (1). Послѣ этого отвѣта ясно было съ одной стороны, что Кублай былъ суевѣренъ и имѣлъ самыя смутныя и грубыя понятія о религіи вообще и христіанствѣ въ особенности, а съ другой очевидною дѣлалась возможность для христіанской

(1) Чт. въ Общ. ист. и др. 1862 кн. 2. Пут. М. Поло кн. 2-я, гл. 2-я, стр. 225.

миссіи не только утвердиться въ обширныхъ владѣніяхъ татарскаго хана, но и пользоваться покровительствомъ правительства и дѣйствовать успѣшно. Поэтому венеціане съ величайшею радостію и готовностію вызвались содѣйствовать выполненію желаній великаго хана и пользамъ христіанства. „Услышавъ отъ великаго хана такія приказанія—продолжаетъ разсказывать Марко Поло—они упали къ его ногамъ и изъявили свою немедленную готовность и самое горячее усердіе, чтобы исполнить порученія его величества, не щадя для того своихъ силъ. Онъ приказалъ потомъ изготовить отъ своего имени письма къ папѣ на татарскомъ языкѣ и вручить ихъ путешественникамъ. Также велѣлъ имъ дать большую дощечку съ вырѣзаннымъ на ней царскимъ знакомъ“,—нѣчто въ родѣ паспорта, который въ дорогѣ имъ очень пригодился. Чиновникъ, посланный съ ними, въ 20 дняхъ пути заболѣлъ и былъ оставленъ ими на дорогѣ.

Въ апрѣлѣ 1269 года, послѣ трехлѣтняго путешествія, путешественники прибыли въ Акру и здѣсь узнали, что папа Климентъ IV недавно умеръ. „Въ то время въ Акрѣ находился легатъ, поставленный покойнымъ папою, по имени Тебальдо де-Висконти ди Піаченца: они увѣдомили его, какія порученія возложены на нихъ великимъ ханомъ Татаріи. Легатъ совѣтовалъ имъ, несмотря ни на какія обстоятельства, дождаться новаго выбора, и, когда онъ состоится, достигнуть у папы цѣли своего посольства“ (1). Венеціанцы, находя такой совѣтъ хорошимъ, сначала согласились было, но выборъ папы такъ замедлился (на 3 года), что „наконецъ, озабоченные тѣмъ, что великому хану не понравится ихъ долгая мѣшкотность, или что онъ можетъ подумать, что у нихъ нѣтъ и мысли о возвращеніи въ его землю, они сочли полезнымъ вернуться въ Акру... Съ формальнымъ видомъ отъ легата они посѣтили Іерусалимъ и запаслись небольшимъ сосудомъ масла изъ лампады св. гроба, *по приказанію великаго хана*. Потомъ получили письмо легата къ этому государю; въ письмѣ засвидѣтельствовано было ихъ усердіе, съ какимъ они старались о выполненіи порученій хана и объявлено, что верховный глава христіанской Церкви до сихъ поръ еще не выбранъ... Но едва только они уѣхали

(1) Тамже, стр. 35.

какъ легатъ получилъ изъ Италіи гонца отъ коллегіи кардиналовъ, съ извѣстіемъ, что онъ возведенъ на папскій престолъ, почему и принялъ имя Григорія X. Обдумавъ, что онъ теперь самъ въ состояніи удовлетворить вполнѣ желаніе татарскаго монарха, онъ поспѣшилъ воротить ихъ назадъ" (1),... изготовилъ какъ можно скорѣе папскія граматы и далъ имъ двухъ монаховъ изъ ордена проповѣдниковъ, находившихся тамъ случайно. „Это были люди столь же ученые и свѣдущіе, какъ и глубокіе богословы. Одного звали Фра Николо ди Виченца, другаго Фра Гвельмо ди Триполи. Имъ далъ онъ свободу и полномочіе на поставленіе священниковъ, посвященіе епископовъ и разрѣшеніе грѣховъ, сколько самъ можетъ. Также вручилъ имъ дорогіе подарки и въ числѣ ихъ разные прекрасные сосуды изъ хрусталя, которые они должны были передать хану отъ его имени и съ его благословеніемъ" (2). Прибывъ въ Арменію, папскіе послы узнали, что здѣсь во всей силѣ военныя неустройства, по случаю вторженія египетскаго султана Бибарса. „Оба монаха *перепугались и въ страхъ за свою жизнь положили не ходить дальше.* Они передали венеціанамъ письма и подарки, ввѣренные имъ папою, а сами отдались подъ защиту начальника храмовниковъ и тотчасъ же вернулись... Но Николо Маттео и Марко безстрашно пошли на встрѣчу опасностей и препятствій, къ которымъ давно привыкли" (3). Чрезъ три съ половиной года они снова прибыли ко двору Кублая. „Великій ханъ принялъ ихъ съ почетомъ и милостію въ полномъ собраніи татарскихъ князей и господъ; приблизившись къ нему, они, въ знакъ своего почтенія, при входѣ поклонились ему въ ноги. Онъ тотчасъ же велѣлъ имъ встать и разсказывать ему подробности своего путешествія и все, случившееся во время ихъ бесѣдъ съ его святѣйшествомъ. Они разсказали происшествія въ добромъ порядкѣ. Царь слушалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Предъ нимъ разложены были письма и подарки папы Григорія: прочитавъ письма, онъ хвалилъ вѣрность, усердіе и стараніе его пословъ; а принявъ съ должнымъ почтеніемъ масло

---

(1) Пут. М. Поло. стр. 35—37.
(2) Ibid. стр. 37.
(3) Ibid. стр. 38.

отъ св. гроба, онъ приказалъ хранить его съ благоговѣйнымъ стараніемъ“ (1). Такимъ образомъ, не смотря на благопріятныя обстоятельства, основаніе латинской миссіи на этотъ разъ не состоялось. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ при дворѣ Кублая, и „накопивъ себѣ много богатства въ драгоцѣнныхъ камняхъ и золотѣ, венеціанцы почувствовали большое стремленіе воротиться на родину. Ханъ такъ полюбилъ ихъ, что долго не соглашался отпустить ихъ, но наконецъ имъ удалось почти обманомъ вынудить у него позволеніе. Отпуская ихъ, Кублай уполномочилъ ихъ въ качествѣ своихъ пословъ на переговоры съ папою и королями французскимъ и испанскимъ“ (2). Въ 1295 г. они прибыли на родину, чтобы, больше уже не возвращаться къ Кублаю, и потому не имѣли побужденія выполнять его порученія, тѣмъ болѣе, что въ это время папы помимо ихъ инымъ путемъ вступили уже въ сношенія съ Кублаемъ и миссіонеры дѣйствовали уже въ восточной Татаріи.

Уже вскорѣ послѣ отбытія венеціанъ къ Кублаю съ письмомъ отъ папы Григорія X, въ Европу стали доходить слухи даже о настоящемъ обращеніи великаго хана въ христіанство и о желаніи его вступить съ папою въ болѣе близкія сношенія. Первая вѣсть объ этомъ принесена была папѣ Іоанну XXI въ 1276 г. послами персидскаго хана Абаки, который въ то время старался возбудить западныхъ христіанъ къ новому крестовому походу противъ мухаммеданъ. Послы Абаки извѣщали папу, что великій ханъ Кублай *принялъ уже крещеніе* (3) и желаетъ присылки съ запада христіанскихъ учителей, которые могли бы научить христіанской вѣрѣ и приготовить къ христіанству весь его народъ. Отвѣтъ Абакѣ писалъ уже, какъ мы говорили, Николай III. Пятеро миноритовъ, понесшіе этотъ отвѣтъ, получили отъ папы порученіе проникнуть также и въ восточную Татарію ко двору Кублая, передать хану папское письмо и, сообразно съ желаніями его, водворить христіанство въ его владѣніяхъ. Въ своемъ письмѣ къ Кублаю папа Николай уѣщевалъ хана самымъ настойчивымъ образомъ содѣйствовать послан-

(1) Пут. М. Поло. стр. 46.
(2) Ibid. стр. 44.
(3) Mosh. p. 67.

нымъ миссіонерамъ въ дѣлѣ наставленія его народа. „Призваніе нашихъ посланниковъ—писалъ папа—состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы стараться о спасеніи каждаго. Этого-то спасенія желаетъ, по примѣру Спасителя, висѣвшаго на крестѣ, и намѣстникъ Христа. Тѣ, которые ходятъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, должны обрѣсти это спасеніе, которое обѣщаетъ имъ божественное предсказаніе. Какъ душѣ пастыря не радоваться, когда и тѣ, которые ходятъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, увидятъ великій свѣтъ? Извѣстіе твоего племянника Абаки о томъ, что ты давно уже подвигнутъ божественною благодатію оставить стезю заблужденія, обратиться на путь истины и, возродившись чрезъ крещеніе, присоединиться къ народу вѣрующихъ, глубоко возрадовало мать церквей, Римъ, и было для сердца моего предшественника Іоанна предметомъ живѣйшаго веселія. Эта божественная благодать внушаетъ тебѣ еще желаніе видѣть и дѣтей своихъ приведенными къ познанію Христа и крещенными по обычаямъ римской церкви... О если это такъ, то какъ не хвалить отеческую любовь, которая приводитъ дѣтей своихъ ко спасенію“ [1]. По расчетамъ, миссіонеры съ письмомъ должны бы прибыть къ Кублаю въ то время, когда при его дворѣ находились венеціанцы Поло, и Марко Поло долженъ бы былъ знать объ этомъ. Но въ его путешествіи нигдѣ не упоминается объ этихъ миссіонерахъ, хотя то вниманіе, съ какимъ онъ останавливался на отношеніяхъ великаго хана къ христіанству и особенно къ латинству, налагало на него непремѣнную обязанность по крайней мѣрѣ упомянуть о ихъ представленіи Кублаю и миссіонерской дѣятельности въ его имперіи. Ясно, что миссіонеры по чему-либо не достигли цѣли своего посольства. И вообще о ихъ судьбѣ и миссіонерской дѣятельности ничего неизвѣстно. Чрезъ 10 лѣтъ пришла въ Европу новая вѣсть о благорасположеніи Кублая къ христіанству и сдѣлана была новая болѣе удачная попытка учредить миссію между восточными татарами. Въ 1288 г. къ папѣ прибыло посольство отъ Аргона. Убѣждая папу вступить въ союзъ съ татарами противъ мухаммеданъ и послать миссіонеровъ въ Персію и извѣщая его о готовности Аргона принять христіанство, пос-

---

[1] Mosh. app. № XXII, p. 78.

лы сообщали тоже самое и о великомъ ханѣ Кублаѣ. Эти радостныя для папы Николая IV извѣстія, подтвержденныя также разсказами миссіонеровъ, прибывшихъ въ это время изъ Персіи, побудили папу немедленно воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами для утвержденія латинства въ восточной Татаріи. Онъ рѣшился послать туда лучшаго изъ тогдашнихъ латинскихъ миссіонеровъ Іоанна де-Монте Корвино и написалъ къ Кублаю письмо, въ которомъ выражалъ свою радость о его обращеніи и рекомендовалъ своего миссіонера. „Мы радуемся въ Господѣ—писалъ папа—и благодаримъ тебя отъ глубины сердца за то, что ты серьезно вздумалъ распространить въ своемъ царствѣ предѣлы христіанской вѣры. Намъ было сердечно пріятно узнать отъ пословъ татарскаго хана Аргона, что ты самъ и твой народъ искренно преданы нашему св. престолу и что ты желаешь, чтобы тебѣ были посланы вѣропроповѣдники римской церкви. Мы рѣшились по этому опредѣлить къ тебѣ нашего возлюбленнаго сына Іоанна Монте Корвино съ товарищами изъ ордена миноритовъ и настоятельно просимъ тебя, чтобы ты принялъ ихъ дружественно и отнесся милостиво къ ихъ спасительному дѣлу, касающемуся обращенія безсмертныхъ душъ, такъ чтобы они, опираясь на твое покровительство, могли вести свое священное дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ большимъ успѣхомъ“ (1). Съ этимъ письмомъ и нѣкоторыми другими (къ Аргону, Кайдону, благородному пизанцу Іолу (2), Іоаннъ де-Монте Корвино съ товарищемъ своимъ, также миноритомъ, Николаемъ пистойскимъ, отправился въ путь въ 1289 г., и въ 1291 г. былъ уже въ Персіи, въ Тебризѣ. Изъ Тебриза онъ отправился (1291 г.) въ Индію, гдѣ пробылъ 13 мѣсяцевъ и въ разныхъ мѣстахъ крестилъ около 100 человѣкъ. Здѣсь умеръ сотрудникъ Іоанна, Николай пистойскій, и дальнѣйшій путь ко двору великаго хана Іоаннъ долженъ былъ совершить одинъ съ предпріимчивымъ венеціанскимъ купцомъ Петромъ Лукалонго, который присоединился къ миссіонерамъ въ Тебризѣ и столь же близко принималъ къ сердцу цѣль миссіонеровъ, какъ и свои торговыя цѣли. Прибывъ въ столицу татарско-ки-

(1) Mosh. app. № XXXII, p. 95.
(2) Ibid. №№ XXXI, XXXIII, XXXIV.

тайскаго царства, Іоаннъ представился великому хану Кублаю, вручилъ ему письмо папы и былъ милостиво обласканъ. Но, когда миссіонеръ предложилъ хану принять христіанство, то встрѣтилъ съ его стороны полное равнодушіе и нашелъ, что ханъ „*очень привязанъ къ идолопоклонству*". По всей вѣроятности бесѣды миссіонера съ ханомъ были такого же рода, какъ описываетъ Марко Поло. Ханъ могъ принять латинство не прежде того, когда приметъ его большая часть его подданныхъ, а для того, чтобы сдѣлаться христіаниномъ по убѣжденію въ высшемъ достоинствѣ христіанской религіи, онъ былъ слишкомъ мало развитъ и слишкомъ закоренѣлъ въ своихъ языческихъ привычкахъ. Что же оставалось дѣлать Монте Карвино? Обратить все свое вниманіе на великаго хана, убѣдить его во что бы то ни стало въ истинности и превосходствѣ христіанской религіи, или заняться организованіемъ сильной христіанской общины между его подданными? Если бы Монте Карвино не былъ одинъ, то онъ безъ сомнѣнія могъ бы заняться тѣмъ и другимъ въ одно и тоже время. Но такъ какъ онъ былъ одинъ, то ему оставалось избирать лучшее изъ двухъ. Обратить все свое вниманіе на великаго хана и потомъ при помощи его власти насильственно вводить латинство между его подданными было дѣломъ очень не вѣрнымъ и не удобнымъ. Положимъ, что ханъ обратился бы, хотя, зная его характеръ, этого и трудно было ожидать, едва ли бы онъ объявилъ себя христіаниномъ открыто и едва ли бы отдалъ свою императорскую власть въ полное распоряженіе миссіонеровъ. Если бы и случилось послѣднее, то и тогда успѣхъ былъ бы сомнителенъ: ханъ былъ уже старъ и могъ скоро умереть, а съ его смертію все должно было измѣниться и всѣ труды пропасть безвозвратно; насильственныя мѣры обращенія въ христіанство могли вызвать вооруженное противодѣйствіе со стороны язычества, которое здѣсь было сильнѣе всякой другой религіи, могли произвести опасное междоусобіе и погубить совершенно все миссіонерское дѣло. Монте Корвино, одинъ изъ величайшихъ латинскихъ миссіонеровъ, хорошо это понялъ и, вопреки обыкновенному латинскому обычаю, не настаивалъ на непремѣнномъ обращеніи великаго хана, а, пользуясь его вѣротерпимостію, обратилъ все свое вниманіе на организованіе христіанской общины среди его подданныхъ. Но и здѣсь латинская закваска обнаружила себя,

потому что Іоаннъ Монте Корвино всю свою дѣятельность направилъ не на идолопоклонниковъ и мухаммеданъ, а сообразно съ старымъ обычаемъ латинянъ строить зданіе на чужомъ основаніи, началъ обращать въ латинство туземныхъ христіанъ несторіанской секты. Современныя извѣстія, равно какъ и самъ Монте Корвино, единогласно утверждаютъ, что въ это время несторіане въ монгольской имперіи были весьма многочисленны и пользовались у государей большою благосклонностію. Но что касается до нравственнаго состоянія ихъ, то латинскіе писатели рисуютъ его самыми мрачными красками. „Многіе приходы оставались долгое время безъ священниковъ; множество дѣтей умирало безъ крещенія, а множество возрастныхъ безъ исповѣди и погребенія; многіе изъ священниковъ и діаконовъ были двоеженцы, епископы едва однажды въ 50 лѣтъ объѣзжали свои епархіи и совершенно не заботились о христіанской жизни своихъ пасомыхъ... Отъ этого нечестивые еретики были въ это время столь же невѣжественны, сколько и безпутны“ (1). Монте Корвино писалъ, что „хотя они носятъ имя христіанъ, но далеко отстоятъ отъ истинной христіанской вѣры“ (2). Вообще латиняне не хотѣли видѣть въ своихъ соперникахъ ничего христіанскаго и этимъ оправдывали свое уклоненіе отъ проповѣди среди мухаммеданъ и язычниковъ и преимущественное вниманіе къ несторіанамъ. Можно подозрѣвать, что эти описанія не совсѣмъ безпристрастны и что въ нихъ нравственные недостатки несторіанъ значительно преувеличены вѣроисповѣдною ненавистью. Недостатки, положимъ, легко могли быть, потому что багдадскіе католикосы за отдаленностію не могли надлежащимъ образомъ управлять подчиненными епархіями, но едва ли можно повѣрить, чтобы они были такъ велики, какъ казалось латинянамъ. Начавъ пропагандировать между несторіанами латинство, Монте Корвино, вѣроятно, судя по его отзывамъ о несторіанахъ, не слишкомъ церемонившійся съ ихъ вѣрованіями, встрѣтилъ со стороны ихъ духовенства самое энергическое противодѣйствіе. Между латинскимъ миссіонеромъ и несторіанами возникла упорная борьба, продолжавшаяся цѣлыя пять лѣтъ

(1) Lequien Oriens Christian. t. II., c. XIII.
(2) Mosh. app. № XLIV p. 114.

и кончившаяся изгнаніемъ несторіанъ и торжествомъ латинства. Несторіане, чувствовавшіе опасность, прибѣгали, по словамъ Монте Корвино, къ самымъ, низкимъ средствамъ, чтобы погубить рождавшееся латинство. Они прибѣгали къ подкупамъ, клеветѣ и даже насилію. Іоаннъ Монте Корвино былъ выставляемъ въ глазахъ хана какъ шпіонъ, подосланный римскимъ дворомъ и европейскими государями для разузнанія военныхъ силъ и слабостей татаръ; онъ часто былъ влачимъ на судъ, гдѣ долженъ былъ опровергать клеветы лжесвидѣтелей, и неоднократно подвергался опасности потерять жизнь. Это гоненіе не остановило однако успѣховъ латинской пропаганды и этимъ отчасти должно объяснять ожесточеніе несторіанъ, видѣвшихъ уменьшеніе своихъ послѣдователей. Самъ Монте Корвино писалъ, что нѣкто Георгій, одинъ изъ князей, подчиненныхъ великому хану, потомокъ извѣстнаго Ванъ-хана, несторіанинъ по рожденію, возымѣлъ особенную привязанность къ латинскому миссіонеру, принялъ его ученіе и даже сдѣлался францисканскимъ монахомъ. Примѣру этого принца послѣдовали многіе изъ его подданныхъ. Это-то обстоятельство, случившееся въ самомъ началѣ дѣятельности Монте Корвино, и было вѣроятно главною причиною несторіанскихъ козней. Но скоро дѣла латинской миссіи поправились. Императоръ, неизвѣстно какимъ способомъ, убѣдился въ невинности папскаго миссіонера и изгналъ изъ своей земли священниковъ несторіанскихъ съ ихъ женами и дѣтьми. Оставшись одинъ и безъ соперниковъ, Монте Корвино могъ заняться миссіей на свободѣ и вести ее по всѣмъ правиламъ, какія предписывало ему миссіонерское благоразуміе. Онъ тотчасъ же озаботился постройкою церкви въ самой столицѣ великаго хана Камбалѣ, повѣсилъ на ней три колокола и началъ открыто совершать латинское богослуженіе. Новообращенный принцъ миноритъ Георгій прислуживалъ при этомъ богослуженіи. Потомъ завелъ онъ школу для крещенныхъ татарскихъ дѣтей, которыхъ было до 150. Въ этой школѣ онъ преподавалъ дѣтямъ не только катихизическія познанія, но и латинскій и греческій языки. Впрочемъ главною заботою миссіонера было пріучить дѣтей къ богослуженію и исправленію богослужебныхъ обязанностей. Такъ какъ при немъ не было никакихъ книгъ, кромѣ небольшаго служебника, то онъ самъ составилъ и написалъ для дѣтей съ памяти псалтирь, нѣсколько гимнаріевъ и бре-

віаріевъ. Обученные мальчики пѣли при богослуженіи и исправляли другія церковническія обязанности. Далѣе умный и ревностный миссіонеръ, успѣвшій уже основательно изучить монгольскій языкъ, занялся переводомъ на монгольскій языкъ св. Писанія. Нѣкоторые думаютъ, что переводъ этотъ сдѣланъ былъ не Монте Корвино, а задолго до него несторіанами, но это не болѣе какъ догадка (1). Въ 1305 г. у него готовъ уже былъ прекрасно переписанный списокъ новаго завѣта и псалмовъ на татарскомъ языкѣ, и онъ читалъ эти книги народу на понятномъ для него языкѣ. Такой умный образъ миссіонерства былъ причиною того, что труды миссіонера вскорѣ начали увѣнчиваться блестящими успѣхами. Въ своихъ письмахъ къ папѣ и генералу ордена миноритовъ, писанныхъ въ 1305 г., Іоаннъ говоритъ, что со времени прекращенія гоненія, въ теченіе вѣроятно не болѣе 6 или 7 лѣтъ, до времени написанія письма (1305 г.), онъ крестилъ около 6000 туземцевъ и крестилъ бы ихъ до 30000, если-бы не воспрепятствовало ему гоненіе. Самъ императоръ, вѣроятно преемникъ Кублая, Тимуръ (2), выказывалъ къ трудамъ миссіонера большую благосклонность: онъ посѣщалъ латинское богослуженіе и съ удовольствіемъ слушалъ пѣніе татарскихъ мальчиковъ. Но не смотря на блестящіе успѣхи, Монте Корвино опасался за будущность своей паствы и живо чувствовалъ недостатокъ своихъ силъ и средствъ для прочнѣйшаго насажденія христіанства среди монголовъ. Цѣлыя 11 лѣтъ онъ трудился одинъ безъ всякихъ помощниковъ и этому именно обстоятельству онъ самъ приписывалъ значительное уменьшеніе своей паствы послѣ смерти Георгія въ 1299 г. Братья Георгія, ревностные несторіане, снова обратили новообращенныхъ въ свою секту. „Такъ какъ я былъ одинъ, пишетъ Монте Корвино, и не могъ оставить дворъ великаго хана, то и не возможно было скоро подать помощь этой общинѣ, которая находится въ

---

(1) Труды Кіев. ак. 1860 г. кн. 3 стр. 160—8.

(2) Кублай умеръ въ 1294 г. Преемникомъ его былъ его внукъ Тимуръ, называемый въ китайскихъ лѣтописяхъ Гинг-Тсунгомъ (1295—1307). Преемниками Тимура были: Ву-Тсунгъ (1308—1311), Динъ-Тсунгъ (1312—1320), Іонъ-Тсунгъ (1321—1323), Тангъ-Тингъ (1324—1328), Венъ-Тсунгъ (1329—1332) и наконецъ Шун-ти (1333—1367), при которомъ татарское владычество въ Китаѣ кончилось.

20 дняхъ пути отсюда... Если бы я имѣлъ двухъ или трехъ сотрудниковъ, то и самъ императоръ рѣшился бы уже на крещеніе“ (1). Только ревностное усердіе вышеупомянутаго купца Петра Лукалонго нѣсколько его поддерживало. Этотъ купецъ, если не миссіонерствовалъ самъ, то по крайней мѣрѣ давалъ матеріальныя средства для миссіи. Въ томъ же 1305 г., когда число прозелитовъ возросло до того, что понадобилась другая церковь, онъ купилъ землю и подарилъ ее Іоанну для постройки на ней церкви. Земля эта находилась какъ разъ передъ дворцемъ великаго хана, въ разстояніи отъ него на верженіе камня, а отъ старой церкви въ разстояніи двухъ часовъ, и была огорожена стѣною. Внутри этой ограды Іоаннъ зимою намѣренъ былъ выстроить прекрасную церковь, а теперь пока здѣсь стояла часовня, могшая помѣстить въ себѣ до 200 человѣкъ. Какъ въ церкви, такъ и въ часовнѣ миссіонеръ ежедневно совершалъ богослуженіе, привлекавшее многочисленныя толпы народа, который по словамъ Монте Корвино, „чрезвычайно дивился, видя это новое мѣсто съ водруженнымъ на немъ краснымъ крестомъ и насъ при богослуженіи въ молельнѣ. Это замѣчательное обстоятельство возбудило всеобщій шумъ во всей странѣ и сдѣлалось по милости Божіей спасительнымъ“ (2). Въ это время Монте Корвино былъ уже не одинъ. Съ нимъ былъ уже прибывшій два года назадъ нѣмецкій монахъ Арнольдъ изъ Кёльна; но исторія не передаетъ ничего о дѣятельности этого сотрудника. Онъ конечно облегчилъ нѣсколько труды Монте Корвино, но все-таки его одного слишкомъ недостаточно было для удовлетворенія всѣмъ нуждамъ возраставшей паствы. Въ 1305 г. Монте Корвино нашелъ случай написать въ Европу два письма, въ которыхъ, изображая свои труды и нужды, просилъ чтобы ему прислали сотрудниковъ, впрочемъ такихъ, которые представляли бы собою примѣръ и не искали бы собственной славы, и описывалъ, какою дорогою удобнѣе можно пройти въ столицу великаго хана. Далѣе, онъ просилъ извѣстій о состояніи запада и книгъ, и описывалъ, какую обильную жатву могли бы собрать миссіонеры на томъ полѣ, на которомъ онъ

(1) Mosh. app. № XLIV p. 116.
(2) Письмо 2-е. Mosh. app. № XLV p. 119.

трудится. „Вотъ уже 12 лѣтъ, писалъ онъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не получалъ никакихъ извѣстій о римскомъ дворѣ, о своихъ братьяхъ по ордену и о состояніи запада. Одинъ ломбардскій врачъ, приходившій сюда назадъ тому два года, распространилъ въ этой странѣ много клеветъ о римскомъ дворѣ и нашемъ орденѣ, поэтому я очень желалъ бы узнать истину. Я прошу братій прислать мнѣ нѣсколько экземпляровъ церковныхъ книгъ и свящ. легендъ, такъ какъ я не имѣю при себѣ ничего, кромѣ маленькаго служебника. Я становлюсь уже старъ, и не столько возрастъ, сколько труды и страданія сдѣлали сѣдыми мои волосы“ (1)... „Имперія великаго хана есть безспорно величайшая въ свѣтѣ; мнѣ дозволено, какъ папскому легату, приходить ко двору во всякое время и занимать мѣсто возлѣ императора, который отдаетъ мнѣ преимущество предъ всѣми другими прелатами другихъ церквей и очень желаетъ, чтобы съ запада пришли новые вѣропроповѣдники. Въ этихъ земляхъ есть многообразные виды языческаго богослуженія и многія секты языческихъ жрецовъ, которыя ведутъ еще болѣе строгій образъ жизни, чѣмъ наши монахи на западѣ. Въ Индіи остается еще очень много сдѣлать для распространенія христіанства; но сюда должны быть присланы мужи съ твердымъ характеромъ, которые могутъ противостоять искушеніямъ плоти“ (2).

Письма Монте Корвино, писанныя имъ въ 1305 г., получены были въ Европѣ въ 1307 г. Папа Климентъ V (1305—1314), узнавъ изъ этихъ писемъ объ успѣхахъ своего миссіонера и о его нуждахъ, немедленно принялъ самыя энергическія мѣры къ удовлетворенію его просьбѣ и къ обезпеченію дальнѣйшихъ успѣховъ латинства среди татаръ. Онъ опредѣлилъ дать христіанской общинѣ, основанной Монте Корвино въ монгольской имперіи, іерархическое устройство, такъ чтобы она получила возможность сама расширять свои предѣлы и собственными своими силами, безъ посторонней помощи, удовлетворять всѣмъ духовнымъ нуждамъ своихъ сочленовъ. Семь францисканскихъ монаховъ, Герардъ, Перегринъ, Андрей перузійскій, Николай Бантра, Петръ Кастелло, Андруцій ассійскій и Вильгельмъ де-Виллановo

(1) Moch. № XLIV. p. 116—117.
(2) Ibid. № XLV. p. 119—120.

были посвящены во епископы и отправлены на помощь къ Монте Корвино. Они должны были по прибытіи своемъ въ столицу великаго хана, посвятить послѣдняго въ архіепископа Камбалы и вручить ему палліумъ и папскій дипломъ, а потомъ, въ качествѣ суффрагановъ, исполнять свои обязанности сообразно съ его указаніями. Въ своемъ дипломѣ папа давалъ новому архіепископу самыя обширныя полномочія: ему должны были подчиняться всѣ римскія общины на востокѣ, какъ существующія, такъ и имѣющія получить существованіе; всѣ доходы со всѣхъ церквей должны были поступать въ его распоряженіе; онъ долженъ былъ быть судьею и отцомъ всѣхъ епископовъ въ монгольской имперіи, какъ намѣстникъ и легатъ апостольскаго престола; все это давалось ему съ однимъ, обыкновеннымъ впрочемъ, папскимъ условіемъ, чтобы онъ, какъ и всѣ его преемники, подчинялись апостольскому престолу, всѣми силами радѣли о его пользахъ и получали епископскій палліумъ отъ папы (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа послалъ съ миссіонерами письмо къ великому хану, гдѣ превозносилъ его похвалами, увѣщевалъ слушаться голоса своихъ посланниковъ и всѣми силами споспѣшествовать ихъ трудамъ (2). Путешествіе миссіонеровъ было не совсѣмъ счастливо. Трое изъ нихъ, Николай Бантра, Петръ де-Кастелло и Андруцій ассискій, умерли въ Индіи, не достигнувъ цѣли своего путешествія; Вильгельмъ де-Вилляново возвратился отсюда въ Европу, чтобы извѣстить папу объ этомъ грустномъ происшествіи и просить его объ отправленіи въ восточную Татарію новыхъ миссіонеровъ. Вслѣдствіе этого извѣстія папа въ 1312 г. снова послалъ въ монгольскую имперію миссіонеровъ, предварительно посвятивъ ихъ во епископы. Это были францисканцы Ѳома, Іеронимъ и Петръ флорентійскій. О дѣятельности ихъ ничего впрочемъ неизвѣстно; неизвѣстно даже, достигли ли они мѣста своего назначенія. Если Іеронимъ, упоминаемый въ числѣ миссіонеровъ, посланныхъ въ Татарію въ 1312 г. и Іеронимъ, епископъ каффскій, о которомъ мы говорили вы-

(1) Mosh. app. № XLVIII. p. 124—125.
(2) Ibid. app. № XLIX. p. 125—126.

ше (1),—одно и тоже лице, какъ думаетъ Лакроа (2), то, очевидно, они вскорѣ почему-то получили иное назначеніе. Между тѣмъ оставшіеся въ живыхъ—Герардъ, Перегринъ и Андрей перузійскій—продолжали свой путь и въ 1308 г. прибыли въ столицу великаго хана Камбалу. Предъявивъ свои полномочія, они посвятили Іоанна въ архіепископа и начали отправленіе своихъ обязанностей, что, благодаря терпимости и благосклонности великаго хана, могли дѣлать совершенно свободно. Ханъ, которому они вручили папское посланіе, относился къ нимъ такъ благосклонно, что не только позволялъ имъ свободно отправлять свои миссіонерскія обязанности, но и давалъ имъ содержаніе. Что касается до успѣховъ, то они были, но, судя по отзывамъ Андрея перузійскаго, не имѣли той прочности, какой можно было ожидать отъ руководства столь опытнаго миссіонера, каковъ былъ Монте Корвино. „Въ этой огромной имперіи есть народы всѣхъ націй въ мірѣ и всѣхъ сектъ. Здѣсь позволяютъ жить всякому по своему закону, ибо думаютъ, что во всякомъ можно спастись, и мы можемъ проповѣдывать совершенно свободно и серьезно. Но изъ іудеевъ и сарацинъ никто не обращается; изъ идолопоклонниковъ весьма многіе получили крещеніе, но многіе потомъ *живутъ не какъ добрые христіане*“ (3). Но если такимъ образомъ латинская пропаганда не могла похвалиться качествомъ своихъ прозелитовъ, то могла похвалиться постояннымъ расширеніемъ круга своей дѣятельности въ территоріальномъ отношеніи. Вскорѣ по прибытіи Андрея перузійскаго и его товарищей въ Камбалу, была основана христіанако-латинская община въ Цейтонѣ (или Кайдонѣ, вѣроятно Кантонѣ). Здѣсь одна благочестивая и богатая армянка вдова построила большею частію на свой счетъ церковь и просила камбалинскаго архіепископа снабдить ее клиромъ. Іоаннъ въ отвѣтъ на эту просьбу назначилъ въ Цейтонъ епископомъ одного изъ своихъ суффрагановъ Герарда, потомъ, послѣ его смерти, Перегрина и наконецъ въ 1322 г. Андрея перузійскаго, который былъ однимъ изъ лучшихъ сотрудниковъ Монте Корвино и благодаря дѣятельности котораго въ Кайтонѣ вскорѣ было

(1) См. стр. 93.
(2) Dict. des miss. art. Jerom.
(3) Mosh. app. № XLVI. p. 122.

уже два латинскихъ монастыря францисканскаго ордена. Объ этихъ монастыряхъ упоминаетъ въ описаніи своего путешествія францисканецъ Одерикъ фріульскій или Падербоне (1). Этотъ монахъ, подобно многимъ собратіямъ своего ордена, увлекся господствовавшимъ въ то время усердіемъ обращать въ христіанскую вѣру язычниковъ и въ 1318 г. чрезъ Персію и Индію отправился въ Китай ко двору великаго хана. Въ индійскомъ городѣ Тиннѣ онъ забралъ кости замученныхъ здѣсь незадолго предъ тѣмъ четырехъ францисканцевъ и, прибывъ въ Цейтонъ, передалъ ихъ въ тамошніе монастыри. Въ Камбалѣ онъ жилъ три года, ревностно проповѣдывалъ и обратилъ въ латинство 20000 человѣкъ (2). Кромѣ цейтонскаго епископства во время правленія Монте Корвино образовались въ монгольской имперіи нѣкоторыя и другія епископства, или по крайней мѣрѣ христіанскія общины. Архіепископу камбалинскому подчинены были епископы: корейскій, аланскій, кераитскій и епископы другихъ латинскихъ церквей, частію обращенныхъ въ латинство изъ несторіанства, частію же вновь основанныхъ. Вообще время дѣятельности Монте Корвино было самымъ цвѣтущимъ временемъ для латинства въ восточной Монголіи. Христіанъ здѣсь было весьма много; христіанскій законъ былъ въ большомъ уваженіи и во дворцѣ хана и въ палатахъ вельможъ и въ хижинахъ земледѣльцевъ. Миссіонеры пользовались при дворѣ великимъ уваженіемъ; въ торжественные дни они являлись съ поздравленіемъ къ императору въ числѣ первыхъ сановниковъ двора (3). Они ограждены были закономъ отъ притѣсненій со стороны язычниковъ; имъ позволено было путешествовать съ проповѣдію евангельскою по всѣмъ провинціямъ, созидать церкви, строить училища, въ чемъ помогали имъ, по волѣ государя, мѣстные начальники, а изъ подражанія имъ и частныя лица (4). Послѣдствія показали, что вся эта миссія держалась на личности ея основателя, Іоанна Монте Корвино. Въ 1330 г. этотъ превосходный миссіонеръ умеръ, увѣщевая на смертномъ одрѣ своихъ со-

---

(1) Чт. въ общ. истор. и др. 1864. 3. 203.
(2) Mosh. c. 199—205. см. также Diction. des miss.
(3) Ibid. p. 11. § 33. Одер. фріул. въ чт. общ. ис. ист. и др.
(4) Труд. кіев ак. 1860. кн. 3 стр. 15.

трудниковъ мужественно продолжать дѣло евангельской проповѣди. Тѣмъ не менѣе это дѣло послѣ его смерти начало приходить въ упадокъ,

Папа Іоаннъ XXII принялъ извѣстіе о смерти Монте Корвино съ непритворною грустью и позаботился о немедленномъ назначеніи ему преемника. Францисканецъ Николай былъ посвященъ на этотъ важный постъ и съ 26 помощниками отправленъ въ 1333 г. къ мѣсту своего назначенія. Миссіонеры снабжены были рекомендательными письмами къ великому хану, къ *Коху* царю корейскому и *Узбеку* кипчакскому и ко всему народу татарскому (1). Изъ этихъ писемъ видно, что многіе татары и татарскіе князья очень расположены были къ христіанству, хотя и не приняли еще крещенія. Поэтому папа, похваляя ихъ за благорасположеніе, убѣждаетъ немедленно принять крещеніе.—Но, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, миссіонеры слишкомъ замедлили на пути. Камбалинскіе христіане, долго оставались послѣ смерти Монте Корвино безъ духовнаго руководства, потому что изъ его сотрудниковъ вѣроятно ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его. Напрасно прождавъ цѣлыя 8 лѣтъ прибытія его преемника, они рѣшились наконецъ отправить къ папѣ посольство съ просьбою поспѣшить присылкою въ Камбалу архіепископа. Въ 1338 г. францисканецъ Андрей Франко съ 15 сотоварищами отправился къ папѣ съ письмами отъ нѣкоторыхъ монгольскихъ князей и даже отъ самаго императора, который вѣроятно принималъ въ дѣлахъ христіанъ своихъ подданныхъ живое участіе (2). Императоръ писалъ слѣдующее: „мы посылаемъ посла нашего Андрея Франко съ 15 спутниками къ папѣ, господину христіанъ, во Францію за 7 морей, гдѣ заходитъ солнце, для того, чтобы открыть путь посламъ, часто посылаемымъ нами къ папѣ и папою къ намъ, и просимъ папу, чтобы онъ послалъ намъ свое благословеніе и постоянно вспоминалъ насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ и чтобы побольше обращалъ вниманія на христіанъ—Аланъ, нашихъ слугъ и своихъ дѣтей. Пусть также приведутъ намъ съ запада лошадей и другія диковины. Писано въ Камбалѣ“ и пр. Аланскіе князья писали

(1) Mosh. app. №№ 68—71.
(2) Ibid. app. № 74—75.

въ болѣе вѣжливомъ тонѣ. „Привѣтствуемъ св. отца—писали они—преклоняемъ до земли голову и, цѣлуя его ноги, просимъ, чтобы онъ никогда не забывалъ насъ въ своихъ молитвахъ. Мы извѣщаемъ ваше святѣйшенство, что мы, будучи наставлены въ христіанской вѣрѣ вашимъ нунціемъ Іоанномъ, мужемъ мужественнымъ, святымъ и даровитымъ, со времени его смерти, вотъ уже 8 лѣтъ, остаемся безъ духовнаго водителя и безъ утѣшенія. Хотя мы и слышали, что вы послали намъ другаго вождя, но онъ еще не прибылъ. Поэтому мы просимъ ваше святѣйшенство прислать намъ мужа мудраго и добраго, который бы имѣлъ заботу о нашихъ душахъ и прибылъ скорѣе, ибо мы остаемся безъ главы, безъ наставленія и утѣшенія. Просимъ еще вашу мудрость, чтобы вы благосклонно отвѣтили императору, нашему господину, который усильно желаетъ, чтобы между вами и имъ открылось свободное и безопасное сообщеніе и чтобы такимъ образомъ, для взаимныхъ совѣщаній и укрѣпленія дружбы, ваши послы легко могли приходить къ нему, а его къ вамъ“ (1).... Вслѣдствіе этихъ лестныхъ для папы, хотя и заключавшихъ въ себѣ отчасти грустныя извѣстія, писемъ, папа послалъ въ восточную Татарію новыхъ миссіонеровъ, также францисканцевъ: профессора теологіи, Николая Боннета, Николая Молано, Георгія венгерскаго и Іоанна флорентійскаго. Новые миссіонеры, по обыкновенію, снабжены были обширными полномочіями и льстивыми письмами къ разнымъ татарскимъ князьямъ и особенно къ китайскому императору Шунти (2) и прибыли къ мѣсту своего назначенія около 1342 г. (3). Неизвѣстно, застали ли они въ Пекинѣ архіепископа камбалинскаго Николая, или въ эту должность тогда вступилъ Николай Баннемъ. Достовѣрно только, что вторымъ архіепископомъ камбалинскимъ былъ Николай. Если подъ этимъ именемъ должно разумѣть послѣдняго т. е. Боннета, то о первомъ нужно будетъ сказать, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Лакроа (4) полагаетъ, что камбалинской епархіей управлялъ первый, что онъ прибылъ наконецъ къ

(1) Mosh. app. № 75 p. 168.
(2) Ibid. app. № 82—87.
(3) Ibid. p. 115.
(4) Diction. des miss. ed. par Migne. t. 1. art. Nic. Bonnet.

мѣсту своего назначенія, а если поздно, то потому, что замедлилъ въ Армалехѣ, гдѣ обстоятельства потребовали его присутствія. Какъ бы то ни было, императоръ Шунти принялъ миссіонеровъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Тронутый угодливостію римскаго двора и письмомъ папы, исполненнымъ льстивыхъ похвалъ, онъ вскорѣ послѣ ихъ прибытія издалъ въ пользу христіанства особенный эдиктъ, которымъ предоставлялъ миссіонерамъ полную свободу безпрепятственно проповѣдывать евангеліе во всей имперіи, и до того будто бы сдѣлался благосклоненъ къ миссіонерамъ, что безъ бесѣды съ ними не могъ провести и одного дня (1). Подробностей о дѣятельности этихъ миссіонеровъ никакихъ не сохранилось, но ревность латинскихъ монаховъ безъ сомнѣнія не преминула воспользоваться данною свободою для умноженія своихъ церквей, монастырей, равно какъ прозелитовъ. Они такъ умѣли расположить императора въ пользу латинства, что онъ около 1352 г. послалъ въ Европу Іоанна флорентійскаго съ письмомъ къ папѣ, въ которомъ выражалъ свою расположенность къ христіанству и просилъ прислать новыхъ миссіонеровъ. Папа Иннокентій VI съ радостію принялъ это прошеніе и въ 1354 г. предписалъ генералу миноритовъ избрать на миссіонерское поприще въ Татаріи нѣсколько монаховъ и епископовъ. Но по всей вѣроятности это избраніе почему-либо не состоялось; по крайней мѣрѣ объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій (2). Вскорѣ миссіонерство латинянъ среди китайскихъ татаръ должно было совершенно прекратиться и латинское христіанство, которое вслѣдствіе пятидесятилѣтней дѣятельности папскихъ миссіонеровъ могло достигнуть довольно цвѣтущаго состоянія, должно было совершенно исчезнуть. Монгольское владычество было давно уже ненавистно для гордыхъ китайцевъ и они ждали только удобнаго случая, чтобы свергнуть чужеземное иго. Недовольство, возраставшее съ каждымъ годомъ, разразилось наконецъ страшнымъ возстаніемъ, во главѣ котораго сталъ сынъ бѣднаго поденьщика изъ провинціи Кіангъ-Нангъ Джу-Ивенъ-Джангъ. Въ короткое время возмущеніе распространилось по всей имперіи, и монголы, про-

(1) Mosh. p. 115.
(2) Dict. des miss. t. I. Jean de Flor. Mosh. p. 115.

игравъ нѣсколько сраженій, принуждены были оставить Китай. Предводитель инсургентовъ взошелъ на императорскій престолъ и сдѣлался основателемъ новой династіи, Минь. Вмѣстѣ съ монголами должно было пасть и все, чему они покровительствовали, а особенно христіанство, которое держалось въ Китаѣ главнымъ образомъ среди монголовъ и благодаря ихъ благосклонности. Вмѣстѣ съ татарами изгнаны были изъ Китая и христіанскіе миссіонеры и даже многіе изъ христіанъ, большая часть которыхъ принадлежала къ иноплеменнымъ націямъ. Поэтому новые миссіонеры, отправленные папою Урбаномъ V въ 1370 г. подъ начальствомъ Вильгельма де-Прато, который посвященъ былъ въ архіепископа камбалинскаго на мѣсто умершаго о. Кома, преемника Николая, не могли явиться къ мѣсту своего назначенія, и о судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно... Изгнанные татары направились по направленію къ Или, но здѣсь вскорѣ подпали власти новаго всемірнаго завоевателя Тимура.

б) *Въ царствѣ джагатайскомъ.*

Политическіе перевороты, волновавшіе въ то время Азію, вообще очень много вредили трудамъ латинскихъ миссіонеровъ. Эти миссіонеры главнымъ образомъ заботились о пріобрѣтеніи благорасположенія хановъ, а не о прочномъ насажденіи христіанскихъ началъ въ массахъ народа. Поэтому почти каждая перемѣна правителя неблагопріятно отзывалась на ихъ миссіонерскихъ трудахъ. Особенно враждебно относились къ миссіонерамъ мухаммедане, которые при всякомъ удобномъ случаѣ старались истребить раждавшееся христіанство вооруженною рукою и сами почти никогда не обращались въ христіанство. Такъ было въ Персіи, такъ было въ Кипчакѣ и Китаѣ, такъ же было и въ джагатайскомъ царствѣ, столицею котораго былъ *Или-Баликъ*, или, какъ называли его миссіонеры, *Армалехъ* (1), и гдѣ царствовали въ то время потомки Джагатая, старшаго сына Чингизова, признавая надъ собою власть великихъ хановъ, потомковъ

(1) О мѣстоположеніи Или-Балика или Армалеха см. Риттеръ. Землев. Азіи. р. п. т. 2 стр. 98.

Кублая (1). Около 1330 г. сюда проникли 6 францисканскихъ монаховъ: Ричардъ бургондскій, носившій санъ епископа, Францискъ александрійскій, Раймундъ Руффи—итальянцы изъ Пьемонта, Лаврентій александрійскій—тоже итальянецъ, Петръ Мартель—французъ изъ провинціи Нарбоны и Іоаннъ индіецъ, обращенный въ христіанство, вступившій во францисканскій орденъ и бывшій переводчикомъ архіепископа камбалинскаго. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, эти монахи съумѣли учредить здѣсь прочную миссіонерскую станцію съ епископомъ во главѣ. Одинъ изъ монаховъ Францискъ александрійскій имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ, и эти свѣдѣнія, какъ часто случалось съ латинскими миссіонерами, послужили съ пользою для миссіонерскаго дѣла. Джагатайскій ханъ во время прибытія миссіонеровъ былъ боленъ очень опасно. Францискy удалось излечить его. Это доставило миссіонеру такое уваженіе и благодарность со стороны хана, что онъ началъ называть его отцомъ, сдѣлалъ его своимъ совѣтникомъ и довольно сильно подчинился его вліянію. Ханъ позволилъ миссіонерамъ строить церкви и монастыри, свободно проповѣдывать евангеліе и крестить татаръ. Если онъ не обратился самъ, то по крайней мѣрѣ дозволилъ Франциску воспитать своего 8-ми лѣтняго сына въ христіанской вѣрѣ и крестить подъ именемъ Іоанна. Пользуясь такимъ расположеніемъ хана, миссіонеры построили въ Армалехѣ прекрасную церковь и довольно дѣятельно и успѣшно вели пропаганду. Но столь благопріятныя обстоятельства продолжались не долго. Въ 1335 г. мухаммедане получили перевѣсъ и латинянамъ пришлось бороться съ могущественными и жестокими врагами. Въ этомъ году флорентинецъ Булдуччи Исголетти былъ въ Армалехѣ по своимъ торговымъ дѣламъ и нашелъ, что здѣсь въ это время подъ владычествомъ татарскихъ хановъ властвовали уже мухаммедане, „между тѣмъ какъ прежде они были только терпимы несторіанскими христіанами и католическими миссіонерами“ (2). Въ это же время жилъ и дѣйствовалъ въ Армалехѣ францисканскій миссіонеръ Паскаль

(1) Абульгази. Род. ист. о тат. пер. Третьяков. т. II. ч. V, гл. 2.
(2) Ритт. II. стр. 98.

де-Витторіа. Изъ его письма (1) видно, что ему приходилось выдержать здѣсь отъ мухаммеданъ довольно сильное гоненіе, что возможно было только потому, что мухаммедане стали уже господами. Около 1333 г. этотъ миссіонеръ съ своимъ товарищемъ Гонзальвомъ Трансторна съ благословенія своего генерала отправился изъ Венеціи моремъ чрезъ Константинополь и Тану на востокъ проповѣдывать евангеліе. Вскорѣ они разлучились: Гонзальво, вѣроятно устрашенный трудностями путешествія, отправился съ нѣкоторыми другими монахами въ Ургентъ и потомъ возвратился въ Европу, а Паскаль де-Витторіа остался одинъ и въ 1334 г. прибылъ въ Сарай. Здѣсь онъ остановился на нѣкоторое время, чтобы изучить языкъ страны и былъ свидѣтелемъ мученичества Стефана. Изучивъ языкъ и уйгурскія письмена настолько, что получилъ возможность проповѣдывать безъ переводчика, онъ отправился далѣе въ среднюю Азію и проникъ во владѣнія джагатайскихъ хановъ. Здѣсь онъ нашелъ мухаммеданство въ цвѣтущемъ состояніи, неоднократно вступалъ съ мухаммеданами въ состязанія и терпѣлъ отъ нихъ всякаго рода оскорбленія и насилія. Однажды онъ, попавъ на большое собраніе мухаммеданъ по случаю праздника, цѣлые 25 дней состязался съ главнымъ имамомъ и наконецъ довелъ его до того, что онъ долженъ былъ признать таинство св. Троицы. Но фанатизмъ мухаммеданъ былъ такъ силенъ, что они вслѣдствіе пораженія своего имама не только не убѣдились въ превосходствѣ и спасительности христіанства, но еще начали принуждать Паскаля къ принятію мухаммеданства. Когда увѣщанія, угрозы и обѣщанія богатыхъ подарковъ не помогли, то они подвергли его самымъ жестокимъ истязаніямъ, бросали въ него камнями, жгли огнемъ его лицо и ноги и выдергали ему всюду бороду. Паскалю однако удалось избѣгнуть смерти и онъ благополучно прибылъ въ Армалехъ, гдѣ засталъ дѣла латинской миссіи вѣроятно не въ очень счастливомъ состояніи и откуда написалъ въ Европу своимъ собратіямъ (1338 г.) полное грустныхъ предчувствій письмо, въ которомъ разсказывалъ приключенія своего путешествія и говорилъ, что не надѣется уже увидѣться съ ними на землѣ, но въ раю. Дѣйствительно вскорѣ латинскіе

(1) Mosh. app. № 92.

миссіонеры въ Армалехѣ смертію завершили свою дѣятельность. Около 1341 или 1342 г. здѣсь произошла въ правленіи новая перемѣна, благопріятная мухаммеданству. Нѣкто Али-султанъ изъ потомковъ сына Чингизъ-ханова, Угедея, свергнулъ съ престола законнаго хана [если слѣдовать Абульгази, то это былъ Ясунъ-Тимуръ ханъ (1)] и началъ страшно преслѣдовать христіанъ. Онъ издалъ противъ христіанъ эдиктъ, въ силу котораго всѣ они должны были или принять мухаммеданство или умереть. При исполненіи эдикта миссіонеры удостоились особенно вниманія. Султанъ предложилъ имъ публично отказаться отъ христіанства и произнесть мухаммеданское исповѣданіе вѣры. Когда они отказались, то онъ велѣлъ мучить ихъ самымъ жестокимъ образомъ, чтобы вынудить повиновеніе, и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ стойкостію, велѣлъ всѣмъ семерымъ отрубить головы, что и было исполнено въ іюнѣ 1342 г. (2). Послѣ этой катастрофы, которой не могли отвратить и папскіе послы, Николай Боннетъ и др. проѣзжавшіе въ это время въ Пекинъ и имѣвшіе у себя письмо къ джагатайскому владѣтелю, христіанство въ Армалехѣ уже не возстанавлялось, хотя пекинскіе миссіонеры, пользуясь расположеніемъ императора, дѣлали повидимому попытки (3). Съ изгнаніемъ христіанъ изъ Китая христіанское населеніе Джагатая должно было значительно увеличиться, такъ какъ монголы, по изгнаніи изъ Китая, поселились въ окресностяхъ Армалеха (4). Но междоусобія между джагатайскими владѣтелями и завоеванія Тамерлана, столь опустошительныя, обширныя и благопріятныя для мухаммеданства, совершенно истребили труды латинскихъ миссіонеровъ въ Татаріи. Послѣ Тамерлана мы уже не видимъ среди татаръ почти никакихъ слѣдовъ христіанства и даже почти никакихъ попытокъ со стороны западныхъ христіанъ возстановить его по крайней мѣрѣ до конца XVI в.

(1) Ч. V гл. II. т. II стр. 13.
(2) Henrion. t. I. p. 126.
(3) Dict. des miss. t. I. art. Jean des Floren.
(4) Ритт. Землев. Азіи II стр. 139.

Завоеванія Тамерлана и упадокъ западныхъ миссій среди татаръ.

Тимуръ, завоеванія котораго изгладили всѣ слѣды христіанства, насажденнаго среди татаръ латинскими миссіонерами, родился въ 1335 г. и былъ сыномъ одного джагатайскаго эмира. Онъ уже съ раннихъ лѣтъ началъ строить властолюбивые планы, мечтая сдѣлаться новымъ Чингизъ-ханомъ. Сдѣлавшись владѣтелемъ небольшаго ханства около Самарканда, честолюбивый юноша вскорѣ успѣлъ значительно распространить свои владѣнія. При пособіи мухаммеданъ онъ завладѣлъ очень значительнымъ въ то время Самаркандскимъ ханствомъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ достаточныя средства для того, чтобы начать свои блистательныя завоеванія. Всѣ окрестныя среднеазіатскія ханства подпали его власти въ самое короткое время. Въ 1376 г. былъ завоеванъ Кипчакъ и ханскій престолъ отданъ Тохтамышу. Въ 1379 г. его власть призналъ Хорасанъ, въ 1384—Гератъ. Усиливаясь съ каждымъ годомъ, онъ все далѣе и далѣе раздвигалъ границы своей имперіи. Въ теченіе 80-хъ годовъ XIV столѣтія онъ завоевалъ почти всю Персію, Грузію и въ 1392 г. возвратился въ Самаркандъ, чтобы, отдохнувъ и собравшись съ силами, начать новыя завоеванія. Изъ дальнѣйшихъ его походовъ замѣчательны его походы: въ Грузію и къ Черному морю, откуда онъ проникъ въ Россію и едва не покорилъ ее снова татарскому владычеству; походъ въ Индію, гдѣ при Дели онъ разбилъ на голову индійцевъ и положилъ 100000 труповъ на полѣ сраженія, и походъ противъ османскаго султана Баязета, который при Ангорѣ попалъ въ плѣнъ и потерялъ свое 200000 войско (1405 г.). Возвратившись въ Самаркандъ послѣ этого послѣдняго похода, Тимуръ собрался было завоевать Китай, но смерть помѣшала ему исполнить свои намѣренія. Завоеванія Тимура были самыя опустошительныя. Никто не повѣрилъ бы разсказамъ о жестокостяхъ, которыми сопровождались эти завоеванія, если бы историки въ повѣствованіи о нихъ не были слишкомъ согласны. Такъ, если вѣрить лѣтописцамъ, въ Персіи онъ однажды велѣлъ истолочь 3000 человѣкъ въ ступѣ, въ другой разъ по его приказанію 15000 человѣкъ закладены были въ стѣну, которую онъ воз-

двигъ въ память своихъ завоеваній. Особенную слабость имѣлъ этотъ завоеватель къ пирамидамъ изъ человѣческихъ головъ: при взятіи города обыкновенно каждый солдатъ долженъ былъ доставить вражескую голову; въ Багдадѣ онъ устроилъ пирамиду изъ 80000 человѣческихъ череповъ. Такая жестокость и опустошенія конечно могли повредить процвѣтанію, по крайней мѣрѣ внѣшнему, христіанской религіи, но едва ли бы совершенно уничтожили ее, если бы они падали равно на всѣхъ подвергавшихся столкновеніямъ съ тамерлановыми войсками, если бы Тамерланъ равно терпимо или нетерпимо относился ко всѣмъ религіямъ. Дѣйствительно большая часть великихъ завоевателей равнодушно относились къ религіи и свои религіозныя убѣжденія сообразовали съ политическими планами, не будучи ни особенными приверженцами ни особенными врагами какой бы то ни было религіи. Будучи оффиціальными исповѣдниками какой-либо одной религіи, они однако не гнали другихъ и даже старались заискивать расположенія у всѣхъ. Чингисъ-ханъ принадлежалъ именно къ такого рода людямъ. Таковъ же былъ въ душѣ и Тамерланъ, особенно на первыхъ порахъ. Въ первое время своихъ завоеваній онъ не дѣлалъ никакого различія между религіями: онъ раздѣлялъ людей только на два класса: *покорныхъ* и *непокорныхъ*. Первые должны были убивать, а послѣдніе подставлять подъ мечи свои головы. Были даже авторы между христіанами, которые и въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ Тимура не видѣли ничего враждебнаго для христіанства и даже восхваляли его дружественныя отношенія къ христіанамъ. Такъ іезуитъ Катру (1) утверждаетъ, что Тимуръ „зналъ христіанскую религію, любилъ ее, покровительствовалъ ей всегда, хотя и не исповѣдывалъ ее никогда“— отзывъ слишкомъ неосновательный, и можетъ быть объясненъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что Тамерланъ былъ врагомъ османскихъ турокъ, ближайшихъ къ Европѣ мухаммеданъ. Но если онъ былъ врагомъ мухаммеданъ турокъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ врагомъ вообще мухаммеданъ и другомъ христіанъ. Враждебныя отношенія Тимура къ туркамъ легко объясняются его завое-

(1) Hist. general de l'Empire du mogol.—Henr. t. 1. p. 246.

вательными стремленіями и тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ другой мухаммеданской сектѣ,—шіитской, тогда какъ турки—сунниты. Христіане въ тѣ темныя времена могли вывести заключеніе о склонности Тимура къ христіанству только изъ двухъ весьма впрочемъ двусмысленныхъ фактовъ, во первыхъ изъ того, что онъ началъ войну съ Баязетомъ, по вызову греческаго императора и такимъ образомъ явился какъ-бы освободителемъ византійской имперіи; во вторыхъ изъ того, что онъ входилъ въ дружественныя сношенія (1) съ западными христіанами и въ 1403 г. посылалъ съ однимъ миноритомъ письмо къ королю французскому, которое надписывалось „великому королю Франціи и самому могущественному государю христіанъ“, и въ которомъ Тимуръ, думая доставить удовольствіе христіанамъ, описывалъ свои завоеванія на востокѣ, особенно пораженіе и плѣнъ Баязета, гонителя имени христіанъ и, по предположенію Тимура, самаго злаго врага короля Франціи (2). Но эти факты также легко объясняются хитрыми завоевательными планами Тимура и нисколько не уничтожаютъ значеніе фактовъ противоположныхъ. Тимуръ не имѣлъ никакого разсчета осо-

(1) Тимуръ посылалъ къ западнымъ христіанамъ два посольства, одно предъ началомъ войны съ Баязетомъ, другое послѣ. Въ первый разъ онъ посылалъ армянскаго монаха уніата по имени Ссатру, который возвратился съ письмами отъ короля французскаго и всячески превозносилъ предъ Тамерланомъ могущество западныхъ государей и ихъ дружественныя чувства по отношенію къ нему. Миссіонеры, пользуясь общею враждою противъ турокъ, европейскихъ государей и монголовъ для того, чтобы болѣе обезпечить себѣ уваженіе среди татаръ, «не оставили завоевателя въ неизвѣстности на счетъ храбрости французовъ, которые сражались съ Баязетомъ при Никополѣ» (Henr. I. p. 244). Въ другой разъ въ 1403 г. послѣ побѣды надъ Баязетомъ Тамерланъ послалъ къ королю французскому Карлу VI доминиканца, епископа Султаніи Іоанна (Ibid. p. 245). Христіанскіе государи съ своей стороны были очень рады имѣть Тимура своимъ союзникомъ и старались льстить его тщеславію посольствами. Такъ еще 1393 г. Энрикъ, III король кастильскій, отправилъ къ его двору двоихъ пословъ, которые присутствовали при сраженіи Тимура съ Баязетомъ и возвратились съ послами перваго. Въ отвѣтъ на это посольство послано было новое подъ начальствомъ Руи Гонзалеса Клавиго, который подробно описалъ свои приключенія (см. въ чт. общ. ист. и древ. 1864 г. кн. 2 Среднев. пут. стр. 212 и слѣд.).

(2) Henr. I. p. 245.

бенно покровительствовать христіанамъ, которые составляли на востокѣ мирное и незначительное меньшинство, а напротивъ для него очень было выгодно покровительствовать мухаммеданамъ, которые вели свою пропаганду на востокѣ гораздо успѣшнѣе христіанъ и при Тимурѣ составляли огромное большинство, способное быть сильною поддержкою какихъ бы то ни было завоевательныхъ плановъ. И дѣйствительно Тамерланъ много сдѣлалъ для мухаммеданъ, и въ угоду ихъ фанатической ревности почти совершенно истребилъ на востокѣ христіанство. Несторіане разсказываютъ, что онъ сдѣлался врагомъ христіанъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ они осмѣлились обратить въ свою религію одну изъ его женъ (1). Съ этихъ поръ онъ началъ систематически преслѣдовать христіанъ и истреблялъ ихъ безъ всякого милосердія. Въ Грузіи онъ дозволилъ себѣ страшныя жестокости и насильственно обратилъ въ мухаммеданство многихъ грузинскихъ князей, не говоря уже о простыхъ людяхъ. Еще большимъ врагомъ христіанъ сдѣлался онъ послѣ войны съ Баязетомъ. Гонзалесъ Клавиго, бывшій въ качествѣ посланника отъ короля кастильскаго въ Самаркандѣ въ послѣдніе годы жизни Тимура, говоритъ, что причиною этого было поведеніе во время этой войны грековъ и генуэзцевъ, которые обѣщали ему помощь людьми и галерами, но вмѣсто того, чтобы сдержать слово, послѣ пораженія Баязета дали возможность спастись остаткамъ его войска и перевезли ихъ на другой берегъ въ Европу. Вслѣдствіе этого Тимуръ, по словамъ Клавиго, сталъ смотрѣть на христіанъ, какъ на людей злонамѣренныхъ, расположенныхъ считать зломъ его господство (2). Вообще заслуги Тимура по отношенію къ мухаммеданству такъ были велики, что мухаммедане провозгласили его святымъ.

Впрочемъ совершенное уничтоженіе христіанства, насажденнаго среди татаръ латинскими миссіонерами, нельзя объяснять однимъ только гоненіемъ со стороны Тимура. Христіанство неоднократно испытывало гоненія не менѣе сильныя, чѣмъ гоненіе отъ Тамерлана, однако не уничтожилось

---

(1) Херсон. епарх. вѣд. 1868 г. № 6. Ист. очерк. несторіан.
(2) Henr. Hist. gen. des miss. t. I. p. 246.

отъ этого, а напротивъ кровь мучениковъ являлась сѣменемъ новыхъ христіанъ. Если послѣ Тамерлана исчезли всѣ слѣды дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ, то это зависѣло по всей вѣроятности и отъ другой причины, независѣвшей отъ Тамерлана. Что же это за причина? Почему христіанство, проповѣданное въ Татаріи латинянами, не могло здѣсь продолжать своего существованія независимо отъ внѣшнихъ поддержекъ и вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ? Не слѣдуетъ искать этой причины въ самой сущности христіанства, проповѣданнаго латинскими миссіонерами, какъ дѣлаютъ протестантскіе историки (Blumhardt)(1). Это христіанство способно существовать не менѣе протестантскаго. Каково бы оно ни было, но основы христіанскаго ученія въ немъ сохранены и эти основы легко могли сдѣлаться животворнымъ сѣменемъ въ сердцахъ татаръ. Чтобы не входить въ теоретическія соображенія, достаточно указать на исторію, которая показываетъ, что латинство постоянно существовало рядомъ съ протестантствомъ и при этомъ, благодаря большей чистотѣ основъ содержимаго имъ ученія, проявляло едва ли не болѣе жизненности, чѣмъ это послѣднее, и что было много людей, которые, обратившись въ латинство, не оставляли его при самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Нельзя также искать этой причины и въ безплодности почвы, на который миссіонеры сѣяли сѣмена евангельскаго ученія. Человѣческое сердце равно воспріимчиво къ принятію христіанства, къ какой-бы націи ни принадлежало. Внѣшнія обстоятельства и обычаи народа могутъ затруднить для христіанскаго ученія доступъ въ глубину человѣческой души, но какъ скоро оно нашло этотъ доступъ, то эти обстоятельства не могутъ уже его истребить. Итакъ остается только одна причина—непрочность насажденія, неумѣнье миссіонеровъ прочно насадить сѣмя евангельскаго ученія. Труды латинскихъ миссіонеровъ въ монгольской имперіи, особенно восточной, представляютъ, собою образчикъ всего лучшаго, что только могло сдѣлать средневѣковое латинское миссіонерство, однако они далеки были отъ идеала истиннаго миссіонерства. Если исключить труды отдѣльныхъ, впрочемъ слишкомъ немногихъ, личностей, то они подъ влі-

(1) Versuch. ein. alg. M.-gesch. Bd. II Abth. 2 p 780.

яніемъ политики папъ часто имѣли самое превратное направленіе и потому имѣли самые плохіе результаты. Миссіонеры являлись на поприще своей дѣятельности большею частію не какъ собственно миссіонеры, а какъ политическіе агенты папскаго правительства, какъ уполномоченные для политическихъ переговоровъ, доставители писемъ своего государя папы. Исполняя политическія порученія своего государя, они большею частію ухаживали около владѣтельныхъ особъ, надѣясь, обративъ ихъ въ христіанство, воспользоваться ихъ деспотическою властію и ввести насильственнымъ образомъ христіанство въ ихъ владѣніяхъ, а на массы народа обращали мало вниманія. Далѣе, когда они обращались къ низшимъ классамъ, то оказывалось, что ихъ умѣнья хватало только на то, что бы обратить язычника или лучше уговорить его креститься, но не сдѣлать его истиннымъ христіаниномъ. Обратить же мухаммеданина удавалось имъ очень рѣдко: ихъ неопытность въ этомъ дѣлѣ была такъ велика, что они иногда терпѣли положительныя пораженія въ состязаніяхъ съ мухаммеданами и сами принимали мухаммеданство. Даже миссіонеры, вышедшіе изъ школы лучшаго латинскаго миссіонера того времени Монте Корвино, каковъ былъ Андрей перузійскій, жаловались, что изъ мухаммеданъ никто не обращается, а изъ язычниковъ хотя и много, но новообращенные не живутъ по христіански. Между тѣмъ эти миссіонеры имѣли подъ руками св. Писаніе, и нѣкоторыя нравоучительныя книги на татарскомъ языкѣ, какъ напримѣръ катихизисъ, составленный для татаръ ученымъ римляниномъ Эгидіемъ (1). Это неумѣніе, зависѣвшее отъ неприготовленности и ложнаго направленія, даваемаго миссіонерскимъ трудамъ со стороны папскаго престола, который вездѣ преслѣдовалъ властолюбивыя цѣли, и было главною причиною того, что христіанство насаждено было на востокѣ латинскими миссіонерами слишкомъ непрочно и поверхностно и потому не имѣло на столько жизненности и силы, чтобы существовать безъ сторонныхъ поддержекъ и вопреки неблагопріятнымъ обстоятельствамъ.

Но можетъ быть это христіанство снова возродилось-бы, если-бы латиняне послѣ тамерлановскаго погрома снова на-

(1) Mosh. p. 99.

чали свою дѣятельность и подали помощь юнымъ, неокрѣпшимъ еще въ своихъ убѣжденіяхъ и привычкахъ христіанамъ. Это очень вѣроятно. Но латиняне не подали этой помощи, не смотря на благопріятныя обстоятельства, не смотря на то, что тамерлановское царство распалось тотъ-часъ по смерти своего основателя и его раздѣленные и обезсиленные преемники всегда могли найдти выгоды въ дружественныхъ отношеніяхъ къ христіанамъ. Это—новая причина изчезновенія слѣдовъ христіанства среди монголовъ. Въ послѣдней четверти XIV столѣтія, во время самаго разгара тамерлановыхъ войнъ, миссіонерская дѣятельность латинянъ между татарами приняла уже самые тѣсные размѣры, а потомъ и совершенно прекратилась. Латинскіе лѣтописцы указываютъ правда на нѣсколько миссіонеровъ, которые будто-бы очень успѣшно дѣйствовали среди татаръ въ концѣ XIV в., въ эпоху завоеваній Тамерлана, но указанія эти чрезвычайно темны и спутанны. Такъ, по извѣстію Ваддинга (1), въ 1371 г. посланъ былъ къ татарамъ миноритъ Францискъ де-Подіо и дѣйствовалъ среди нихъ такъ успѣшно что въ однихъ *горахъ каспійскихъ*, будто-бы обратилъ въ латинство до 10000 человѣкъ (2). Въ 1391 г. онъ послалъ къ папѣ Урбану V Рожера англичанина и Амвросія Сьенскаго съ донесеніемъ

(1) Wadd. t. VII. p. 238. Mosh. app. № XCIX.

(2) См. Dict. des miss. t. I p. 564. Мы уже и прежде встрѣчали подобныя извѣстія о невѣроятно-блестящихъ результатахъ дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ среди татаръ при самыхъ не благопріятныхъ, повидимому, обстоятельствахъ. Обыкновенно эти извѣстія объясняютъ простымъ преувеличеніемъ и хвастливою лживостію ихъ составителей. Однако возможно и другое объясненіе, которое бросаетъ еще болѣе неблагопріятный свѣтъ на латинское миссіонерство. Приводимъ фактъ изъ дѣятельности позднѣйшихъ латинскихъ миссіонеровъ среди инородцевъ Кавказа. Фактъ этотъ, сообщаемый однимъ латинскимъ путешественникомъ по востоку Шарденомъ (XVIII в.), показываетъ, что латинскіе миссіонеры подъ обращеніемъ въ латинство иногда разумѣли вовсе не то, что обыкновенно принято разумѣть. Вотъ что разсказываетъ Шарденъ о миссіонерской дѣятельности латинскихъ монаховъ—театинъ въ Мингреліи: «театины говорятъ, что польза духовная, которую они приносятъ въ этой странѣ (въ Мингреліи) состоитъ въ томъ, что они крестятъ дѣтей .. Я много разъ видѣлъ какъ крестили они дѣтей. Они преподавали крещеніе всѣмъ, кого находили въ домахъ,.. и надъ кѣмъ таинство это совершенно было не подъ ихъ руководствомъ. Я долго жилъ съ префектомъ театинъ (Марк-Жозефъ Зимин изъ Мантуи) въ Мингреліи и много разъ видѣлъ, какъ онъ крестилъ дѣтей. Когда его призывали (какъ лекаря) къ

о своихъ трудахъ и съ просьбою о помощи. Папа вслѣдствіе этой просьбы опредѣлилъ (1), чтобы отправились къ татарамъ на помощь Франциску 24 монаха, но неизвѣстно, было ли приведено въ исполненіе это опредѣленіе папы. Въ 1374 г. папа Григорій XI послалъ на востокъ въ среднюю Азію съ множествомъ доминиканъ доминиканца епископа Илію малаго, но о дѣятельности его тамъ тоже ничего неизвѣстно. Едва ли даже онъ былъ тамъ, потому-что въ первые годы XV ст. мы видимъ его въ Константинополѣ (2) Вѣроятно опасеніе погибнуть отъ жестокостей Тамерлана помѣшало миссіонерамъ отправиться въ глубь Татаріи, къ мѣсту своего назначенія. Кромѣ того, папы продолжали ставить епископовъ на каѳедры, учрежденныя въ XIV в. въ монгольской имперіи, но эти епископы оставались только титулярными и никогда не отваживались проникнуть въ Татарію. Въ теченіе XV в. папы продолжали еще иногда отправлять на востокъ къ татарамъ миссіонеровъ, но этихъ миссіонеровъ было очень мало (3); они никогда не достигали предна-

какому-нибудь больному посмотрѣть его, онъ приказывалъ принести воды, говоря, что она нужна ему для того, чтобы умыть руки. Умывъ руки, онъ не отирая ихъ, касался концомъ пальца лба дитяти, увѣряя, что это нужно для того, чтобы узнать его болѣзнь. *Онъ крестилъ дѣтей, которыхъ приносили, тряся надъ ними своими мокрыми руками, какъ будто играя.* Въ первый разъ, когда я увидѣлъ его дѣлающимъ это, я замѣтилъ, что онъ *говоритъ что-то сквозь зубы, смѣется* и смотритъ на меня. Я спросилъ его: что это онъ дѣлаетъ?—*Я крещу этихъ дѣтей*—сказалъ онъ мнѣ—счастье ихъ, что мы пришли въ этотъ домъ. Я спросилъ его, какія имена онъ далъ имъ.—*«Я не даю именъ*—отвѣчалъ онъ,—*ибо часто незнаю, какого пола дитя крещу я, мужескаго, или женскаго; имя не необходимо... Довольно бросить на дитя каплю воды и мысленно произнесть формулу «крещенія»* (Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux. Indes orientales par la mer noire et par la Colchide. P. 1. p. 109). При такомъ способѣ обращенія неудивительно, что латинскіе миссіонеры могли считать своихъ прозелитовъ десятками тысячъ. Замѣчательно, что благочестивый Генріонъ приводитъ вышеуказанный фактъ съ цѣлію выставить въ особенно благопріятномъ свѣтѣ искусство миссіонеровъ (Henr. t. II p. 308,309).

(1) Dict. des miss. art. François de Podio, Ambroise de Sienne. Roger. p. 564, 69, 1189.

(2) Dict. des miss. art. Elie petit.

(3) Папа Іоаннъ XXII въ 1413 г. послалъ на востокъ францискановъ: Іоанна Арманди, Петруччіо перузійскаго, Павла Венгерскаго и Фран-

значенныхъ имъ цѣлей, а о дѣйствіяхъ ихъ ничего неизвѣстно. Такое равнодушіе латинянъ къ судьбѣ своихъ миссій на востокѣ среди татаръ окончательно уронило эти миссіи и съ теченіемъ времени все посѣянное ими, оставшись безъ ухода, погибло безъ слѣда. Папскій престолъ и все зависѣвшее отъ него христіанство находились тогда въ такомъ положеніи, что трудно было ожидать съ ихъ стороны особеннаго вниманія къ насажденію христіанства среди племенъ столь отдаленныхъ и столь часто подверженныхъ внезапнымъ и жестокимъ политическимъ бурямъ. Съ конца XIV и до второй половины XV в. (1378—1447) западная церковь была обуреваема такъ называемымъ великимъ расколомъ, который произошелъ вслѣдствіе стремленій римскихъ первосвященниковъ освободиться отъ вліянія французскихъ королей и переселиться изъ Авиньона снова въ Римъ. Въ это время на папскомъ престолѣ часто сидѣло по нѣскольку папъ, которые преслѣдовали другъ друга анаѳемами и заняты были почти единственно заботою прочнѣе утвердиться на своемъ престолѣ и сокрушить своихъ соперниковъ. Въ это время происходили великіе реформаторскіе соборы, пизанскій, констанцскій, базельскій, съ которыми папы должны были вести самую ожесточенную борьбу, отстаивая свои мнимыя права противъ нападеній реформаціоннаго духа. При такихъ обстоятельствахъ миссіямъ среди татаръ нельзя было надѣяться на дѣятельную поддержку со стороны папъ, а съ другой

циска александрійскаго съ 6-ю другими христіанами по ихъ выбору и далъ имъ полномочіе учреждать монастыри и новаціаты вездѣ, гдѣ они найдутъ это нужнымъ (Wadd. 1413 № 1). Въ 1437 г. папа Евгеній IV послалъ на востокъ обсерванта Якова Примадиса изъ Болоньи обращать въ латинство «мусульманъ и идолопоклонниковъ, грековъ, болгаръ, комановъ, сѳіоповъ, ціберовъ, алановъ, козаръ, готовъ, сирійцевъ, персовъ, рутеновъ, зиховъ, яковитовъ, нубійцевъ, несторіанъ, грузинъ, армянъ, индійцевъ, турокъ, *татаръ*, поляковъ, венгровъ въ верхней Венгріи и другія націи, не исповѣдующія еще католическую вѣру» (Wadd. 1437). Въ 1439 г. онъ съ Людовикомъ и Францискомъ болонскими дѣйствовалъ въ Арменіи (idid. 1439 № 6). Тотъ же Евгеній IV въ 1440 г. опредѣлилъ францисканца Антона де Тройе апостольскимъ коммисаромъ «къ *татарамъ*, ассиріанамъ персамъ, ѳіопамъ, маронитамъ, друзамъ, несторіанамъ и сиріанамъ». Этотъ коммисаръ дѣйствовалъ не безъ успѣха между маронитами, друзами и сиріанами (Wadd. 1444 № 10).

стороны этой поддержки ждать было не откуда, потому-что въ латинской церкви всѣ церковныя отправленія такъ полно зависятъ отъ папы и такъ тѣсно связаны съ „*центромъ единства*“, что всякая ненормальность въ этомъ центрѣ отзывается на нихъ самымъ разрушительнымъ образомъ. Далѣе, начались реформаціонныя движенія въ Германіи, явился Лютеръ съ своими энергическими протестами противъ папскаго абсолютизма. Эти движенія самымъ серьезнымъ образомъ обезпокоили папскій престолъ и потребовали всего его вниманія. Восточныя миссіи должны были отступить на задній планъ.—Кромѣ великаго раскола и реформаціонныхъ движеній, подавлявшихъ на западѣ миссіонерскія стремленія, были еще и другія обстоятельства, которыя хотя не подавляли и не уменьшали этихъ стремленій, но отвлекали ихъ въ другія стороны. Въ концѣ XV в. открыта была Америка. Разсказы о неизвѣстныхъ доселѣ народахъ, населявшихъ новый свѣтъ, и богатствахъ привлекли туда нетолько праздныхъ искателей золота и приключеній, но и миссіонеровъ. Папы дарили новооткрытыя страны христіанскимъ королямъ съ условіемъ распространять тамъ христіанскую вѣру. Миссіонеры охотно отправлялись туда въ надеждѣ подъ покровительствомъ и при содѣйствіи свѣтской власти распространить христіанскую вѣру гораздо успѣшнѣе, чѣмъ какъ они дѣлали это въ государствахъ мухаммеданскихъ, куда власть христіанскихъ государей не простиралась.—Всѣ эти обстоятельства были причинами того, что миссіи среди татаръ перестали получать подкрѣпленія изъ Европы и потомъ совершенно уничтожились. Онѣ возродились впослѣдствіи, но уже при другихъ обстоятельствахъ.

II.

ЗАПАДНЫЯ МИССІИ ПРОТИВЪ ТАТАРЪ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Послѣ тамерлановскаго погрома татары, потерявъ свое всемірно-историческое значеніе, надолго были совершенно почти выпущены изъ вида папскимъ престоломъ и его миссіонерами. Могущественныя татарскія царства: персидское, джагатайское, китайское, и кипчакское, съ сверженіемъ династіи чингизидовъ, частію совершенно уничтожились, частію измѣнили свой видъ и названія. Изъ Китая татары были изгнаны. Въ Персіи они, принявъ мухаммеданство, мало по малу утратили свою національность и совершенно затерялись въ массѣ туземнаго населенія. Джагатайское царство послѣ Тамерлана раздѣлилось на множество мелкихъ ханствъ, которыя не имѣли никакого политическаго значенія, были вовсе не доступны и почти совершенно не извѣстны европейцамъ и потому не привлекали вниманія западныхъ миссіонеровъ. Только въ началѣ XVI в. значительная орда джагатайскихъ монголо-татаръ, подъ предводительствомъ своего султана Бабера (р. 1483 г.) двинулось въ Индію и здѣсь основала могущественное царство, которое сдѣлалось извѣстно европейцамъ подъ именемъ „*Имперіи великаго монгола*“. Эта имперія, основанная потомками тѣхъ племенъ, которыя когда-то входили въ составъ Чингизъ-хановыхъ войскъ и были извѣстны въ средніе вѣка подъ именемъ татаръ, привлекла вниманіе іезуитскихъ миссіонеровъ, которые и и дѣйствовали здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Кипчакское царство тоже раздѣлилось на нѣсколько меньшихъ ханствъ: казанское, астраханское, крымское. Племена турецкаго происхожденія, входившія въ составъ этихъ царствъ и удержавшія за собой имя *татаръ* мало обращали на себя

вниманіе западныхъ христіанъ и въ средніе вѣка. Тоже случилось и въ новое время. Изъ западныхъ миссій, существовавшихъ здѣсь въ новое время, извѣстнѣ только двѣ: одна іезуитская въ Крыму, въ первой половинѣ XVIII ст., и другая протестантская на Кавказѣ, среди ногайскихъ татаръ, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Такимъ образомъ въ исторіи западныхъ миссій противъ татаръ въ новое время могутъ подлежать нашему разсмотрѣнію только три: а) миссія іезуитовъ въ Имперіи великаго монгола б) миссія іезуитовъ въ Крыму и в) миссіи протестантовъ на Кавказѣ. Но прежде изложенія самой исторіи этихъ миссій для того, чтобы уяснить себѣ характеръ и понять истинное значеніе ихъ, мы сдѣлаемъ предварительно краткій обзоръ того, что сдѣлано было на западѣ для миссіонерства вообще и противумухаммеданскаго въ особенности въ новое время и какія особенности пріобрѣло вслѣдствіе этаго новое западное миссіонерство.

Характеръ новаго западнаго миссіонерства.

Въ началѣ XVI ст. произошла на западѣ реформація, которая, раздѣливъ западныхъ христіанъ на два вѣроисповѣданія, нетолько не ослабила миссіонерскаго духа и миссіонерскихъ стремленій, а напротивъ усилила и измѣнила ихъ нѣсколько къ лучшему.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что миссіонерскія средства западнаго христіанства увеличились почти до огромныхъ размѣровъ. Въ латинской церкви явились новыя миссіонерскія учрежденія, которыя не только способствовали увеличенію количества латинскихъ миссій во всѣхъ частяхъ свѣта, но и улучшенію ихъ качества, доставляя миссіонерамъ средства надлежащимъ образомъ приготовляться къ прохожденію своихъ обязанностей и руководя ихъ дѣйствіями. Первое мѣсто въ ряду такихъ учрежденій безспорно принадлежитъ іезуитскому ордену, который основанъ былъ Игнатіемъ Лойолою въ первой половинѣ XVI в. Лойола (1491—1558) самъ въ первые годы своего монашескаго поприща пытался сдѣлаться миссіонеромъ и, если бы не противодѣйствіе властей, то можетъ быть всю жизнь свою провелъ

бы среди турокъ (1). Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи сдѣлаться миссіонеромъ, онъ задумалъ учредить на западѣ такое полумонашеское, полусвѣтское общество, главною цѣлію котораго было бы миссіонерство и вообще поддержаніе и распространеніе латинской церкви. Разсмотрѣвъ внимательно уставъ новаго ордена, римское правительство вскорѣ убѣдилось, что новое общество не походитъ на другія ордена, что оно можетъ служить рычагомъ, при помощи котораго римская церковь, потрясенная реформаціей, снова поднимется на прежнюю высоту. 27 Сентября 1540 г. sotietas Jesu получило законное право на существованіе. Правда въ идеѣ этого общества было много воинственнаго, отзывающагося крестовыми походами: члены этого общества, оправдывая средства цѣлію, не должны были гнушаться для распространенія вѣры даже насиліемъ, или войною. Тѣмъ не менѣе это общество есть главнымъ образомъ учрежденіе миссіонерское. Цѣлію общества служитъ пропаганда вѣры: „оно основано единственно для того, чтобы совершенствовать людей въ христіанскомъ ученіи и жизни и распространять истинную вѣру проповѣданіемъ слова Божія, духовными упражненіями, воспитаніемъ тѣхъ, кто не имѣетъ истиннаго понятія о христіанствѣ“. (2). Благодаря своей отличной организаціи и вліянію, іезуиты вскорѣ получили въ миссіонерскомъ дѣлѣ почти совершенную монополію и распространили латинскія миссіи во всѣхъ частяхъ свѣта.

Еще большее значеніе для западнаго миссіонерства имѣетъ и имѣла конгрегація de propaganda fide. Обширные размѣры, которые приняло латинское миссіонерство со времени открытія новаго свѣта, реформаціи и основанія іезуитскаго ордена, раждали нужду въ правильной организаціи всѣхъ миссій и учрежденіи, которое бы руководило дѣйствіями всѣхъ миссіонеровъ, направляло ихъ къ единству, контролировало ихъ, заставляло дѣйствовать по одному плану, изыскивало и доставляло миссіямъ средства къ существованію и лучшему выполненію своихъ обязанностей. Еще Гри-

(1) Теодоръ Гризингеръ. Іезуиты. т. I. с. 13—14. 1868.
(2) Тамже.

горій XIII (1572—1585), учредивши въ Римѣ коллегіумъ для грековъ въ 1481 г.(1), пытался дать по крайней мѣрѣ восточнымъ миссіямъ правильную организацію. Онъ поручилъ управленіе этими миссіями нѣсколькимъ кардиналамъ и приказалъ печатать на малоизвѣстныхъ языкахъ катихизисы. Одинъ изъ его преемниковъ Климентъ VIII (1592—1605) неоднократно выслушивалъ отъ приближенныхъ людей совѣты обратить вниманіе на миссіи и дать имъ прочную основу и управленіе. Особенно настаивалъ на этомъ нѣкто, Петръ de la mere de Dieu (2). Но этотъ папа не успѣлъ выполнить благоразумные совѣты, или по чему-либо не хотѣлъ. Между тѣмъ настоянія приближенныхъ къ папскому престолу монаховъ дѣлались все сильнѣе и сознательнѣе и принудили наконецъ папу Григорія XV (1631—1023) удовлетворить нуждамъ миссіонерскаго дѣла. Къ этому побудили Григорія XV главнымъ образомъ совѣты и внушенія одного капуцина по имени Гилорамо Нарни, который въ то время пріобрѣлъ въ Римѣ великую славу и вліяніе, какъ проповѣдникъ, своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Беллярминъ ходилъ слушать его рѣчи и сравнивалъ его краснорѣчіе съ краснорѣчіемъ ап. Павла. Кардиналъ Людовизіо, племянникъ папы Григорія XV, считалъ за честь быть его покровителемъ и на свой счетъ издавалъ его проповѣди. Вслѣдствіе совѣтовъ этого проповѣдника Григорій XV 22 іюня 1622 г. издалъ буллу, которою учредилъ такъ называемую конгрегацію de propaganda fide (3). Эта конгрегація должна была состоять изъ 18 кардиналовъ и нѣсколькихъ прелатовъ, которые должны были собираться для разсужденій по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ въ присутствіи папы. Обязанность ея состояла въ томъ, чтобы заботиться о всѣхъ латинскихъ миссіяхъ во всѣхъ странахъ, именно: посылать миссіонеровъ въ нужномъ количествѣ во всѣ страны міра и способствовать этимъ миссіонерамъ къ лучшему прохожденію ихъ должности своими указаніями, совѣтами, изданіемъ необходимыхъ

---

(1) Rohrbacher. Hist. univ. de l'Eglis. cathol. Paris. 1852 t. 25. p. 11, 639.

(2) Henr. II. p. 245.

(3) Rohrbacher. t. 25 p. 12. 13 Henr. t. II. p. 245—247. Ранке. Рим. папы, рус. перев. 1847. т. II кн. 7 стр. 97—98.

руководствъ для борьбы съ невѣрными и доставленіемъ достаточной матеріальной помощи. Матеріальная сторона миссіонерства на первыхъ же порахъ освѣщена была надлежащимъ образомъ и оцѣнена была по достоинству. Папа подарилъ конгрегаціи домъ въ 10000 экю и капиталъ въ 15000 экю и постановилъ, чтобы на содержаніе ея шли такъ называемые annalii cardinalitii. Но правленіе Григорія XV было слишкомъ кратковременно, чтобы новое учрежденіе могло вполнѣ опредѣлиться и сформироваться. Конгрегація de propaganda fide приняла надлежащій видъ и получила возможность начать свои дѣйствія главнымъ образомъ при преемникѣ Григорія XV, Урбанѣ VIII (1623—1244), который въ 1627 г. основалъ при конгрегаціи учебное заведеніе: collegium urbanum de propaganda fide и разослалъ по разнымъ странамъ множество миссіонеровъ. Матеріальныя средства этого учрежденія расширились и обезпечились при немъ еще болѣе. Многія знатныя и богатыя лица начали дѣлать значительныя пожертвованія, которыя возрасли до 100000 ливровъ и образовали ежегодный доходъ въ 24000 экю. Кромѣ того конгрегація вскорѣ пріобрѣла многія недвижимыя имущества, доходъ съ которыхъ вмѣстѣ съ богатыми приношеніями католиковъ сдѣлался богатымъ рессурсомъ для миссій; она получила возможность посылать на свой счетъ множество миссіонеровъ во всѣ страны міра, содержать огромный коллегіумъ, печатать въ большомъ количествѣ религіозныя книги на разныхъ языкахъ и проч. Вскорѣ было выстроено великолѣпное зданіе урбановской коллегіи, которая получила отъ Урбана VIII всѣ привиллегіи, которыя усвоены были его предшественниками коллегіямъ германской, греческой и другимъ миссіонерскимъ заведеніямъ Рима, и въ короткое время достигла цвѣтущаго состоянія. При коллегіи были учреждены: библіотека, содержащая въ себѣ книги на 36 различныхъ языкахъ, типографія для печатанія миссіонерскихъ пособій и переводовъ и архивъ, куда должны были поступать всѣ акты, декреты и дѣла конгрегаціи пропаганды. Коллегія должна была управляться ректоромъ изъ свѣтскихъ священниковъ, подъ надзоромъ секретаря. Высшій надзоръ надъ заведеніемъ былъ порученъ одному изъ кардиналовъ, который долженъ былъ разъ въ 4 мѣсяца принимать отчеты отъ непосредственнаго начальства заведенія, по возможности чаще посѣщать коллегію съ цѣлію надзора

за порядкомъ преподаванія и управленія и въ концѣ года производить экзамены. Что касается до предметовъ преподаванія, то здѣсь преподавались: полный курсъ схоластической теологіи, контроверзія, или наука споровъ, мораль, философія, науки словесные и языки: латинскій, греческій, еврейскій и арабскій (1). Не извѣстно, какъ велико было первоначальное число воспитанниковъ и насколько проникались они миссіонерскимъ духомъ въ этомъ заведеніи, но впослѣдствіи нерѣдко встрѣчаются въ исторіи миссій воспитанники этой коллегіи, которая давала возможность постоянно имѣть подъ руками нѣсколько достаточно подготовленныхъ людей для отправленія ихъ на дѣло миссіи. Такимъ образомъ съ увеличеніемъ и обезпеченіемъ своихъ матеріальныхъ средствъ и съ основаніемъ миссіонерской коллегіи для приготовленія миссіонеровъ, конгрегація пропаганды получила возможность не только управлять латинскими миссіями, но и поддерживать ихъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ: она имѣла подъ руками какъ миссіонеровъ, готовыхъ дѣйствовать сообразно съ предначертаніями конгрегаціи, такъ и огромныя матеріальныя средства для содержанія большаго количества миссіонеровъ и для доставленія имъ надлежащихъ пособій. На первыхъ же порахъ своего существованія, какъ только явилась возможность, конгрегація начала въ этомъ направленіи свою дѣятельность. Она поручила нѣсколькимъ знатокамъ арабскаго языка переводъ библіи на арабскій языкъ и одинъ изъ этихъ знатоковъ, францисканецъ Людовикъ Марракчи (Marracсius) написалъ опроверженіе алкорана, (1698 г.) которое могло служить для миссіонеровъ отличнымъ пособіемъ при ихъ состязаніяхъ съ мухаммеданами. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрегація послала многихъ миссіонеровъ во всѣ страны міра, а особенно на востокъ, въ Турцію, Персію и другія страны, мухаммеданскія и языческія.

Кромѣ іезуитскаго ордена и конгрегаціи пропаганды, бывшихъ учрежденіями, такъ сказать, общекатолическими, въ XVII в. явились еще многія частныя миссіонерскія общества, или конгрегаціи, особенно во Франціи. Здѣсь, благодаря благочестивой ревности священника Винцента де Сентъ Поля и нѣкото-

(1) Henr. т. II p. 246, 247.

рыхъ другихъ въ началѣ XVII в. явилось нѣсколько такихъ миссіонерскихъ обществъ, которыя сначала имѣли очень ограниченное назначеніе, но потомъ развились до того, что могли отнять у іезуитскаго миссіонерства значительную часть его территоріи и значенія. Винцентъ де Сентъ Поль (1) былъ сынъ одного бѣднаго фермера, по имени Вильгельма де Поль и родился въ 1576 г. въ небольшой деревнѣ Пюи, лежащей близъ пиренейскихъ горъ. Родители предназначили его къ духовному званію и позаботились о соотвѣтствующемъ его будущему званію воспитаніи. Онъ учился сначала въ одномъ изъ ближайшихъ монастырей, потомъ въ Сарагоссѣ и Тулузѣ. Благодаря своимъ острымъ способностямъ и прилежанію, молодой Винцентъ съ успѣхомъ прошелъ весь схоластическій курсъ, въ 1600 г. былъ посвященъ во священника и получилъ приходъ. Но ему не суждена была спокойная жизнь сельскаго пастора. Во время переѣзда моремъ изъ Тулузы въ Нарбонну онъ попался въ плѣнъ варварійскимъ корсарамъ, которые продали его въ рабство туркамъ. Послѣ разныхъ приключеній онъ купленъ былъ наконецъ однимъ ренегатомъ, котораго онъ убѣдилъ опять возвратиться въ христіанскую вѣру и былъ освобожденъ. Возратившись въ отечество, Винцентъ поступилъ священникомъ въ Шатильонъ, приходъ чрезвычайно бѣдный и запущенный въ религіозномъ отношеніи. Винцентъ, отъ природы имѣвшій мягкое сердце и во время своего бѣдственнаго рабства испытавшій всю тяжесть несчастія, не огорчился этимъ, а напротивъ обрадовался случаю быть полезнымъ для людей, лишенныхъ всякихъ радостей и призора. Главнымъ его занятіемъ сдѣлались дѣла благотворенія; но такъ какъ его средствъ для этого было слишкомъ недостаточно, то онъ старался привлекать къ этому дѣлу возможно большее число благочестивыхъ и состоятельныхъ людей. Мало по малу нашлось достаточное число лицъ, которыя желали общими силами содѣйствовать благу своихъ ближнихъ. Винцентъ, которому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ, задумалъ дать этому обществу правильную организацію, составилъ для него правила и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ

(1) Rohrbacher. t. 25. p. 286—327, 425—446, 467—477, 678—682.

перваго братства милосердія во Франціи. Очевидно, что братство, основанное Винцентомъ, имѣло довольно ограниченное назначеніе и повидимому не могло имѣть никакого миссіонерскаго значенія. Самая мысль основать подобное братство была вовсе не новая. Еще ранѣе около 1540 г. нѣкто Жанъ де Дьё основалъ въ Испаніи подобное братство, цѣлію котораго было служеніе больнымъ и бѣднымъ и которое было утверждено папою Піемъ V подъ именемъ ордена милосердія или благотворенія (l'ordre de la charite) (1). Дѣятельность этого ордена была самая скромная и ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго общественнаго благотворенія. Таково же было бы и дѣло Винцента де Сентъ Поля, если-бы онъ остановился на первомъ планѣ; однако оно имѣло блестящую судьбу. Репутація святости и благочестія скоро доставила Винценту многихъ богатыхъ и знатныхъ покровителей, которые дали ему возможность расширить свою дѣятельность до болѣе значительныхъ размѣровъ. Въ 1623 г. онъ основалъ новое братство благотворенія въ Маконѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ, болѣе значительныхъ, въ Бове и даже въ Парижѣ. Недовольствуясь мужскими братствами, Винцентъ началъ основывать еще женскія общества съ тѣмъ же назначеніемъ, и эти послѣднія оказались еще болѣе способны къ дѣлу благотворенія, чѣмъ первыя, и пріобрѣли впослѣдствіи въ дѣлѣ миссій огромное значеніе. По поставленіямъ и практикѣ Винцента братья и сестры благотворенія должны были служить всѣмъ нуждающимся, не разбирая состоянія и религіи и заботиться о доставленіи имъ помощи нетолько матеріальной, но и духовной. Отсюда и происходила возможность для этихъ братствъ пріобрѣсти со временемъ высокое миссіонерское значеніе. И они дѣйствительно пріобрѣли его скоро. Братья и сестры благотворенія, помогая больнымъ, бѣднымъ, убогимъ и галернымъ преступникамъ, въ тоже время старались пропагандировать латинство, частію наставляя и утверждая невѣжественныхъ католиковъ, частію же обращая протестантовъ и даже мухаммедапъ. Франція вскорѣ сдѣлалась тѣсною для ихъ дѣятельности, и они начали строить благотворительныя заведенія въ другихъ

(1) Rohrbacher. Hist. univ. de l'Eglis. cath. T. 23. c. 121.

странахъ, особенно въ Египтѣ, Сиріи и Константинополѣ, и современные латинскіе миссіонеры смотрятъ на эти заведенія, какъ на учрежденія самыя полезныя для успѣшнѣйшей пропаганды. Впрочемъ дѣятельность Винцента не ограничилась благотворительностію: онъ основалъ также настоящее миссіонерское общество, которое сначала также имѣло въ виду только внутреннюю миссію, распространеніе и утвержденіе христіанства среди невѣжественнаго и бѣднаго класса французскихъ поселянъ, но потомъ расширило свою дѣятельность и простерло ее на языческія и мухаммеданскія страны. Въ 1617 г. одна благочестивая женщина, графиня Жуаньи, желавшая учредить миссію для поселянъ въ своихъ помѣстьяхъ, приглашала для этого дѣла іезуитовъ, ораторіанъ и другихъ монаховъ, жертвуя сумму въ 6000 ливровъ, но напрасно. Тогда она обратилась къ Винценту, который согласился принять на себя это дѣло въ сообществѣ съ нѣсколькими благочестивыми священниками и такимъ образомъ составилъ миссіонерское общество. Родственникъ графини, архіепископъ парижскій, Жанъ Франсуа де Гонди принялъ общество подъ свое покровительство и подарилъ ему для помѣщенія коллегію des bon-enfants, которая впослѣдствіи получила имя семинаріи де Сентъ-Фирминъ. Въ 1627 г. общество было утверждено королемъ Людовикомъ XIII, а въ 1632 г. оно получило право на законное существованіе и отъ папы Урбана VIII, и члены его стали извѣстны подъ именемъ священниковъ конгрегаціи миссій, или лазаристовъ. Послѣднее названіе они получили случайно, поселившись въ домѣ св. Лазаря, пріобрѣтенномъ ими въ томъ же 1632 г., но такъ какъ оно выражало отчасти и характеръ ихъ дѣятельности, то осталось за ними навсегда. Получивъ папское утвержденіе, новая конгрегація должна была расширить кругъ своей дѣятельности и на другія страны, потому что къ этому побуждалъ ее самъ папа Урбанъ, очень интересовавшійся миссіонерскимъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ утвержденія онъ уже требовалъ у Винцента миссіонеровъ для распространенія христіанства въ Вавилонѣ и въ восточной Индіи, а конгрегація пропаганды, немного спустя, предписывала ему, чтобы онъ послалъ миссіонеровъ на островъ Мадагаскаръ. И дѣйствительно многіе изъ сотрудниковъ Винцента отправились по требованію и трудились не безъ пользы въ различныхъ языческихъ и мухаммеданскихъ

странахъ. Около этого же времени во Франціи явилось другое подобное общество, „конгрегація внѣшнихъ миссій“ (congrégation des Mis'sions-Etrangeres). Около 1640 г. кармелитъ Жанъ Дюваль (1), епископъ Вавилона, нуждаясь въ хорошо подготовленныхъ помощникахъ для распространенія латинства въ Персіи, задумалъ основать въ Парижѣ спеціальное заведеніе для приготовленія миссіонеровъ... Съ этою цѣлію онъ прибылъ въ Парижъ, купилъ въ улицѣ du Bac мѣсто для постройки заведенія и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ такъ называемый семинаріи внѣшнихъ миссій, питомцы которой заняли впослѣдствіи въ числѣ латинскихъ миссіонеровъ довольно видное мѣсто. Воспитанники и наставники этого заведенія составили общество, которое прославилось на западѣ подъ именемъ конгрегаціи внѣшнихъ миссій и основателемъ котораго считаютъ Паллю, каноника св. Мартина Турскаго впослѣдствіи епископа геліопольскаго и миссіонера въ Тонкинѣ въ половинѣ XVII вѣка. Такимъ образомъ къ началу XVIII в. миссіонерскія средства западной церкви развились въ очень значительной мѣрѣ. Къ францисканцамъ, доминиканцамъ, августинцамъ, театинамъ, бенедиктинцамъ и другимъ присоединились еще разныя новыя миссіонерскія конгрегаціи и ордена, явились священники конгрегаціи миссій, миссіонеры конгрегаціи миссій внѣшнихъ, разные братья и сестры благотворенія и милосердія. Всѣ эти миссіонеры были многочисленны и располагали огромными матеріальными средствами.

Что касается протестантовъ, то хотя ихъ миссіонерство начало развиваться сравнительно очень поздно, именно въ то время, когда миссіонерство латинское находилось уже въ цвѣтущемъ состояніи, однако и они въ XVIII в. владѣли уже нѣкоторыми довольно прочными миссіонерскими средствами, которыя въ сущности имѣли почти такой же характеръ и форму, какъ и у латинянъ. Уже въ XVII в. англійское правительство при Кромвелѣ пыталось основать миссіонерское учрежденіе, подобное римской конгрегаціи de propaganda fide, и протестантскій коллегіумъ для приготовленія такихъ людей, которые могли бы съ пользою служить дѣлу защищенія и всеобщаго распространенія протестант-

(1) Непг. II. 397. и слѣд.

ства. По плану, этого учрежденіе должно было состоять изъ 7 директоровъ и 4 секретарей и пользоваться ежегодно опредѣленною суммою отъ правительства для производства своихъ дѣйствій. Всю землю было предположено раздѣлить на 4 миссіонерскія провинціи; къ первой предположено было причислить Францію, Швейцарію и Пьемонтъ, ко второй—Пфальцъ и остальныя реформированныя земли, къ третьей—остальную Германію, Сѣверъ и Турцію, къ четвертой—Остъ-Индію и Вестъ-Индію. Секретари должны были вести корреспонденцію со всѣми странами и сообщать дѣйствующимъ тамъ миссіонерамъ руководительныя наставленія Совѣта директоровъ (1). Но по случаю разныхъ политическихъ неустройствъ этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Гораздо удачнѣе была попытка датскаго правительства въ началѣ XVIII в. Въ Даніи, по инціативѣ короля Фридриха IV, около 1705 г. основано было такъ называемое „королевско-датское миссіонерское общество“ (2). Подъ покровительствомъ королей и при значительной матеріальной поддержкѣ со стороны правительства это общество вскорѣ расширило свою дѣятельность до огромныхъ размѣровъ. Въ 1714 г. оно содержало уже въ Копенгагенѣ обширное миссіонерско-учебное заведеніе, collegium de cursu evangelio promovendo и потомъ во все продолженіе XVIII столѣтія оставалось самымъ лучшимъ и сильнымъ миссіонерскимъ учрежденіемъ у протестантовъ. Въ концѣ XVIII ст. и въ началѣ настоящаго у протестантовъ всѣхъ сектъ появилось особенно много разныхъ миссіонерскихъ обществъ, которыя начали разсылать и содержать безчисленное множество миссіонеровъ по всѣмъ частямъ свѣта. Въ 1784 г. явилось въ Англіи миссіонерское общество баптистовъ; въ 1795 г.—лондонское миссіонерское общество; въ 1796 г.—единбургское миссіонерское общество; въ Германіи, именно въ Базелѣ, въ началѣ настоящаго столѣтія, явилось базельское евангелическое миссіонерское общество, благодаря личности и дѣятельности своего инспектора Блюмгардта, соединившее въ себѣ на долгое время всѣ миссіонерскія силы и стремленія нѣмецкихъ протестантовъ.—Позднѣе основаны были еще многія другія миссіонерскія общества въ разныхъ мѣстахъ протестантскаго

(1) Real-Encyclop. von. Herzog. t. IX. s. 564, 566.
(2) Ibid. s. 566.

міра, каковы: общество рейнское (1827 г.), сѣверонѣмецкое (1836 г.), евангелическо-лютеранское миссіонерское общество въ Дрезденѣ (1848 г.), во Франціи парижское миссіонерское общество (1815 г.) и др. Всѣ эти общества имѣли одинаковое почти устройство и дѣйствовали по одинаковымъ планамъ. Всѣ они главною своею задачею поставляли приготовленіе и содержаніе миссіонеровъ въ разныхъ частяхъ свѣта; поэтому всѣ они прежде всего заботились объ основаніи и поддержаніи миссіонерскихъ школъ и институтовъ и о воспитаніи молодыхъ людей для прохожденія миссіонерскихъ обязанностей, а потомъ, еще болѣе энергически хлопотали объ изысканіи матеріальныхъ средствъ для содержанія миссіонеровъ, миссіонерскихъ домовъ, станцій, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе этаго протестантскіе миссіонеры своею численностію вскорѣ не стали уступать латинскимъ и даже превзошли ихъ.

Но огромность миссіонерскихъ средствъ не можетъ еще вполнѣ ручаться за процвѣтаніе миссіонерскаго дѣла: нужны еще разумные и твердо выработанные методы. Какой же характеръ пріобрѣли со временемъ реформаціи методы латинской пропаганды? Мы видѣли, что въ средніе вѣка въ западномъ миссіонерствѣ преобладалъ методъ насилія, военнаго похода, дипломатическихъ договоровъ и проч. Измѣнился ли этотъ методъ? Въ XVI в. Лютеръ, возвысивъ свой жесткій и энергическій голосъ противъ всѣхъ злоупотребленій и крайностей папской системы, не оставилъ безъ обличенія и папскій способъ пропаганды вѣры. Индульгенціи, раздававшіяся папою Львомъ X по поводу задуманнаго имъ крестоваго похода, послужили ближайшимъ поводомъ протеста, а папскія воззванія къ вооруженію для истребленія мухаммеданства и возстановленія христіанства на востокѣ и военныя приготовленія побудили Лютера подвергнуть критикѣ папскій методъ обращенія невѣрныхъ, именно методъ священной войны. Возгласы противъ священной религіозной войны слышались правда и задолго еще до Лютера. Уже въ концѣ XIII в. нѣкто Гумбертъ ди Романи принужденъ былъ опровергать мнѣнія почти совершенно такія же, какія высказывалъ Лютеръ. Уже въ XIII в. нѣкоторые говорили, что вести войну съ невѣрными не должно потому, что христіанинъ долженъ терпѣть, когда ему угрожаютъ, и потому, что изъ такой войны нельзя извлечь никакой пользы для хри-

стіанской религіи и проч.(¹). Но эти возгласы были слишкомъ робки и исходили отъ людей слишкомъ невліятельныхъ для того, чтобы благотворно подѣйствовать на папскіе миссіонерскіе методы, измѣнивъ ихъ къ лучшему. Но времена перемѣнились. Протесты Лютера находили сочувствіе во всѣхъ классахъ общества, производили грозное движеніе и потому способны были если, не измѣнить порядокъ вещей совершенно, то, по крайней мѣрѣ, заставить папство нѣсколько сгладить крайности и поступать осторожнѣе при исполненіи своихъ плановъ. Мнѣнія Лютера касательно священной войны противъ турокъ не представляли ничего новаго и едвали имѣли непосредственное прямое вліяніе на образъ дѣйствій римскихъ первосвященниковъ, но безъ сомнѣнія они имѣли большое вліяніе на общественное мнѣніе большей половины Европы. А это общественное мнѣніе, сколько бы съ нимъ ни боролись папы, рано или поздно должно было измѣнить, если не сущность латинскаго миссіонерства, то, по крайней мѣрѣ, характеръ его проявленій. Въ 1527 г. Лютеръ издалъ: „Разсужденіе о войнѣ съ турками“ (¹), гдѣ оправдываясь отъ обвиненія въ охлажденіи своимъ ученіемъ мужества нѣмцевъ, разъяснялъ, что религіозно-миссіонерская война предосудительна главнымъ образомъ потому, что совершенно противна евангельскому ученію и несообразна съ саномъ ея начинателей и водителей. „Противъ турокъ—говорилъ онъ—хотѣли вооружиться въ качествѣ христіанъ и сражаться съ ними, какъ съ врагами І. Христа—мысль діаметрально противуположная ученію и имени нашего Спасителя... Этимъ мы только унижаемъ и позоримъ имя І. Христа, употребляя его для злыхъ поступковъ; и это непремѣнно случилось бы, особенно еслибъ папа и епископы сами пошли на войну. Обязанные препираться съ дьяволомъ молитвою и словомъ Божіимъ, они отреклись бы отъ своего призванія, если бы стали драться съ мечемъ въ рукахъ, что имъ совсѣмъ не велѣно, напротивъ строго воспрещено. Какъ принялъ бы меня І. Христосъ въ день страшнаго суда, если бы, облекшись въ священный санъ для наставленія и спасенія душъ, я бросилъ бы его, чтобы предаться войнѣ и

(¹) Мишо. IV, 465—467; 696—704. Оправ. ст. № IV.
(²) Мишо. V. 121—128; 417—470. Опр. ст. № II.

вооружиться мечемъ? Какъ І. Христосъ могъ бы прибѣгнуть къ огню и воевать, когда Онъ говоритъ о Себѣ, что пришелъ доставить счастіе міру? Воля Его — дѣйствовать евангеліемъ, освобождать духомъ Своимъ человѣка отъ грѣха и смерти и изъ этого міра переводить его въ вѣчность; Онъ уклонился отъ царскаго достоинства; Онъ объявилъ предъ Пилатомъ, что царство Его не отъ міра сего; Онъ повелѣлъ Петру вложить въ ножны мечъ свой". „Поэтому, когда поднято знамя епископа, или кардинала, или папы, тогда всякій долженъ бѣжать прочь"... „Если бы я былъ воинъ и увидѣлъ бы въ рядахъ духовную особу, или крестовую хоругвь, то удалился бы немедленно: если бы даже имъ надлежало одержать побѣду, по сокровенной волѣ Божіей, то я не захотѣлъ бы принять никакого участія въ добычѣ и радости" (1)... Всѣ эти мысли высказаны были очень рѣзко; но едва ли они имѣли непосредственное вліяніе на папскую политику. Религіозные войны противъ турокъ не прекращались почти во все продолженіе XVI в. Нѣкоторые историки заканчиваютъ ихъ исторію только 1571 годомъ и утверждаютъ, что въ послѣдній разъ крестовое знамя поднято было въ сраженіи при Лепанто (2). Въ то время, какъ Лютеръ ратовалъ противъ папскихъ методовъ пропаганды, воинственно-миссіонерскій жаръ латинской іерархіи былъ еще во всей своей силѣ. Стремленіе папъ распространить латинство среди турокъ проявилось въ это время такъ же, какъ и прежде, въ формѣ попытки составить противъ нихъ крестовый походъ и насильственнымъ образомъ утвердить латинство въ ихъ владѣніяхъ. Эта форма хотя съ одной стороны и обусловливалась необходимостью самозащиты, за то съ другой—была порожденіемъ средневѣковаго латинскаго взгляда на способы обращенія невѣрныхъ. По этому взгляду, какъ уже мы видѣли, обращать невѣрныхъ въ христіанство значило ихъ владѣнія сдѣлать собственностію христіанъ, при чемъ сами владѣтели должны были или принять латинство и подчиниться папѣ, или погибнуть. По отношенію къ болѣе отдаленнымъ народамъ такой методъ не всегда могъ быть приложенъ и потому латиняне въ этомъ слу-

(1) Мшо. V, стр. 121—128.
(2) Мшо. V, стр. 136.

чаѣ иногда принуждены были видоизмѣнять его и смягчать. Но по отношенію къ туркамъ въ то время почти никто и не думалъ о возможности примѣненія иного метода, болѣе сообразнаго съ духомъ евангелія. Распространеніе христіанства въ Турціи посредствомъ завоеванія ея тогда всему западу казалось единственно возможнымъ. Даже францисканцы, столь много трудившіеся для распространенія латинства въ татаріи и смотрѣвшіе на миссіонерство какъ на одну изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей, были того же мнѣнія и горѣли воинственнымъ пыломъ. Они были главными проповѣдниками (1) крестовыхъ походовъ, въ коихъ иногда принимали даже личное участіе (2); они составляли планы, писали воззванія и произносили рѣчи въ пользу крестовыхъ походовъ. Послѣ взятія турками Родоса въ 1523 г. минориты стали во главѣ европейскаго движенія и въ іюлѣ этого года представили папѣ Адріану VI планъ крестоваго похода, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ предлагалось истребить турокъ при помощи монаховъ. Минориты доказывали, что латинскіе монастыри одними собственными средствами могутъ вооружить армію способную совершенно уничтожить могущество турокъ, именно, по меньшей мѣрѣ (если съ каждаго монастыря брать по одному человѣку) армію въ 144000 человѣкъ (3).—Такого воинственнаго характера была первоначально и іезуитская пропаганда. Въ основѣ этой пропаганды лежало то же насиліе, которое ранѣе облекалось въ форму крестовыхъ походовъ. На первыхъ порахъ своего существованія, когда духъ крестовыхъ походовъ имѣлъ еще нѣкоторое, хотя чрезвычайно слабое вліяніе на умы и политику, когда этому вліянію подчинялись еще иногда и государственные люди, хотя не столько по внутреннимъ побужденіямъ, сколько по преданію и привычкѣ, іезуиты пытались нерѣдко облечь свою миссію въ грубую старую форму насильственнаго завоеванія и своимъ пронырствомъ часто достигали того, чего не могли уже достигнуть

---

(1) I. Капистранъ—францисканецъ (Миш. V, 9). Симонетъ (ibid).

(2) Францисканецъ Павелъ Томори, архіепископъ колотцкій былъ главнокомандующимъ арміи Людовика II венгерскаго, разбитой турками при Могачѣ 1520 г. (Мишо. V, стр. 110).

(3) Zinkeisen, Geschihte d. Osman. Reiches in Europa. t. II, s. 637—638.

папы своими громами. Своею хитростію имъ часто удавалось до того возбудить религіозный фанатизмъ латинянъ, что религіозныя войны возникали какъ бы сами собою, по личнымъ соображеніямъ и побужденіямъ латинскихъ государей и народовъ. Тридцатилѣтняя война обязана своимъ началомъ, продолжительностію и религіознымъ характеромъ происканъ и участію іезуитовъ, которые долго разстраивали всѣ покушенія возстановить миръ и нерѣдко сами лично принимали участіе въ самыхъ звѣрскихъ жестокостяхъ противъ протестантовъ. Ересь не могла ждать отъ нихъ никакой пощады; о чисто христіанскихъ способахъ ея истребленія они повидимому не имѣли никакого понятія. Іезуиты доходили до того, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ членовъ ихъ ордена, Григорій Поссевинъ, грозилъ вѣчнымъ проклятіемъ императору Фердинанду I за то, что онъ даровалъ протестантамъ религіозный миръ. „Къ чему у насъ пушки,—говорили оо. Таннеръ, Павелъ Виндекъ и Эберманъ,—къ чему деньги, солдаты и сабли, какъ не для того, чтобы употреблять ихъ противъ *враговъ*? чего же мы ждемъ? Отъ чего мы медлимъ выступить противъ *еретиковъ*? Отъ чего не спѣшимъ искоренить лютеранскіе и кальвинскіе ужасы? Бейте ихъ, убивайте, ниспровергайте, гоните, жгите ихъ домы, дабы изчезла съ лица земли эта проклятая порода, и истинная вѣра оградилась бы наконецъ отъ опасности“ (¹). Таковъ методъ пропаганды былъ у іезуитовъ во время тридцатилѣтней войны, которая была ничѣмъ инымъ, какъ практическимъ приложеніемъ іезуитскихъ плановъ. Этотъ методъ, на первыхъ порахъ, они старались прилагать вездѣ, гдѣ только находили малѣйшую возможность. Религіозная война во Франціи противъ гугенотовъ также была дѣломъ іезуитовъ, которые принимали въ ней самое живое личное участіе и всѣми силами содѣйствовали католическимъ войскамъ истреблять еретиковъ. „Они принимали даже участіе въ сраженіяхъ, какъ напр., при осадѣ Пуатье, гдѣ о. Леліо Санквини командовалъ папскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, и въ сраженіи при Жарнакѣ, гдѣ о. Поніе имѣлъ честь облечь герцова анжуйскаго въ кирасу и батфорты. Въ варѳоломеевскую ночь парижская коллегія іезуитовъ служила од-

(¹) Іезуиты. Теодора Гризингера т. I. стр. 13—14. 1868.

ною изъ главныхъ точекъ опоры для шаекъ убійцъ, выпущенныхъ на гугенотовъ" (1). Возбуждая и руководя религіозными войнами противъ протестантовъ, іезуиты не оставляли безъ вниманія и турокъ и язычниковъ. Они готовы были воспользоваться насильственнымъ методомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Исторія іезуитскихъ миссій въ Японіи и Абиссиніи служитъ самымъ разительнымъ тому доказательствомъ. Въ обѣихъ этихъ странахъ имъ удалось добиться самаго широкаго вліянія на государей и при помощи ихъ начать насильственное истребленіе старой религіи. Ихъ насилія и жестокости и были причиною того, что въ концѣ концовъ они совершенно проиграли свое дѣло и съ позоромъ должны были оставить поле своихъ военно-миссіонерскихъ дѣйствій. Въ колоніяхъ португальскихъ, испанскихъ и французскихъ они были счастливѣе. Европейскія войска обѣщали имъ успѣхъ вѣрный, потому что помощь съ ихъ стороны обезпечивалась самымъ прочнымъ образомъ общностью интересовъ и единствомъ цѣлей.—Турки также не избѣгли воинственныхъ плановъ іезуитской компаніи. Іезуиты мечтали о завоеваніи турецкой имперіи и пытались даже осуществить свои воинственныя мечты. Въ послѣдней половинѣ XVI в. они нашли орудіе для выполненія своихъ плановъ въ молодомъ королѣ португальскомъ Себастіанѣ (2). Воспитанный іезуитами, которые не только не старались уничтожить въ немъ излишнюю страсть къ славѣ и военнымъ подвигамъ, а напротивъ даже поощряли ее, толкуя ему про безсмертіе, которое христіанскій король можетъ пріобрѣсти въ войнѣ съ невѣрными и еретиками, Себастіанъ постоянно мечталъ о славѣ христіанскаго Александра и съ нетерпѣніемъ ждалъ удобнаго случая начать военные подвиги противъ невѣрныхъ. Случай представился въ 1577 г. Въ это время въ африканской имперіи Марокко вспыхнула междуусобная война между императоромъ Мулей-Мухаммедомъ и его дядею Мулей-Мулюкомъ. Первый былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Лиссабонъ просить защиты у Себастіана. Король, обрадовавшійся случаю отличиться и привести въ исполненіе свои мечтальные планы, обратился за совѣтомъ къ

(1) Іезуиты. Теодора Грізингера т. I. стр. 167.
(2) Ibid. стр. 145. 146.

своему духовнику о. іезуиту Каспару Маврикію. Іезуитъ очень обрадовался такому благопріятному обстоятельству, призналъ въ немъ откровеніе воли Божіей и даже самъ вызвался сопровождать въ походъ своего духовнаго сына, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пожать плоды побѣдъ христіанъ надъ мухаммеданами. Себастіанъ составилъ планъ похода, мечтательный до безразсудности. Онъ „намѣревался, покоривъ Африку, пройти потомъ въ Индію, проникнуть въ Персію, возвратиться въ Европу чрезъ Турцію и вырвать наконецъ Константинополь у исламизма“ (²). Въ 1578 г. Себастіанъ началъ готовиться къ походу, не смотря на недостатокъ средствъ, на истощеніе казны, на возраженія и доводы всѣхъ своихъ совѣтниковъ и даже на убѣжденія извѣстнаго своею ревностію къ распространенію латинства, Филиппа испанскаго, который отказывался содѣйствовать ему въ этомъ безумномъ предпріятіи и отговаривалъ пускаться въ Африку. Іезуиты совершенно опутали его и онъ сгаралъ желаніемъ сдѣлаться побѣдоноснымъ героемъ вѣры. Въ іюнѣ 1578 г. безразсудный король съ небольшою арміею въ 15,000 человѣкъ отплылъ, сопровождаемый грустными предчувствіями и слезами всего народа. Отецъ Маврикій, духовникъ короля и 12 другихъ іезуитовъ отправились вмѣстѣ съ войскомъ, которое потерпѣло полную неудачу. Мулей-Мулюкъ въ августѣ того же года окружилъ новыхъ крестоносцевъ со 100,000 арміею и истребилъ ихъ почти совершенно при Алькасари. Король палъ на полѣ битвы и изъ всей его арміи едва спаслось нѣсколько сотъ человѣкъ, которые принесли грустную вѣсть въ свое очечество. Этотъ фактъ, какъ предпріятіе іезуитское, ясно показываетъ, что миссіонерскія отношенія этого ордена къ мухаммеданамъ въ сущности были совершенно такія же, какія имѣлъ папскій престолъ во время самаго разгара крестовыхъ походовъ. Этотъ характеръ іезуитское миссіонерство среди мухаммеданъ удерживало очень долгое время. Но впослѣдствіи іезуиты принуждены были оставить, или, по крайней мѣрѣ, значительно измѣнить этотъ грубый методъ миссіонерства, потому что съ каждымъ годомъ реформаціонныя идеи все глубже и глубже проникали въ сознаніе европейскаго общества, съ каждымъ годомъ наука и образованіе вмѣстѣ съ

(¹) Henr. t. I. p. 609.

равнодушіемъ къ религіи распространялись все болѣе и болѣе и всякаго рода религіозная война, дѣлалась положительно невозможною. Общественное мнѣніе далеко уже не сочувствовало папской политикѣ относительно востока и вынуждало папъ оставить свой прежній образъ дѣйствій. Климентъ VII, послѣ множества безполезныхъ покушеній убѣдить христіанскихъ государей предпринять крестовый походъ противъ турокъ и остановить ихъ быстрыя завоеванія въ Венгріи, принужденъ былъ заключить формальный миръ съ турецкимъ султаномъ и отказаться отъ всякихъ новыхъ крестоносныхъ попытокъ. Одобряя окончаніе мирныхъ переговоровъ съ турками, папа съ горестію воскликнулъ: „намъ осталось только молить небо, чтобы оно само пеклось о спасеніи христіанскаго міра“ (1). Очевидно, что крестовые походы приближались къ концу. Военно-политическая миссія противъ мухаммеданъ не находила себѣ сочувствія въ Европѣ и это вынуждало папъ обратиться къ иному образу дѣйствій. „Духъ священныхъ браней—говоритъ Мишо—сначала поддерживался народными мнѣніями. Когда эти мнѣнія ослабѣли и образовались великія державы, все, что относится къ войнѣ и миру сосредоточилось въ совѣтѣ монарховъ. Уже не разсуждали болѣе на соборахъ объ отдаленныхъ походахъ; не говорили болѣе о военныхъ предпріятіяхъ на церковныхъ каѳедрахъ и предъ стеченіемъ вѣрныхъ. Государство и государи, по призванію своему рѣшавшіе дѣла, даже производя войну съ мухаммеданами, не столько повиновались вліянію благочестивыхъ идей, сколько видамъ политическимъ“ (2). Протестъ Лютера имѣвшій такое огромное вліяніе на общественное мнѣніе Европы, на ея религіозные и даже политическіе взгляды, имѣлъ безъ сомнѣнія вліяніе и на мнѣнія относительно религіозныхъ войнъ и крестовыхъ походовъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать за Лютеромъ нѣкоторой доли вліянія, хотя не непосредственнаго, на измѣненіе методовъ латинскаго миссіонерства. Послѣ долгой борьбы съ равнодушіемъ Европы, папы мало помалу совершенно отказались отъ всякихъ попытокъ крестоваго похода и военной миссіи для обращенія мухаммеданъ.

---

(1) Мишо. V, стр. 117.
(2) Ibid. стр. 136—137.

Они начали вести свои миссіи на востокѣ противъ мухаммеданъ нѣсколько иначе.

Очевидно, впрочемъ, что перемѣна была вынужденная. Прежній, средневѣковой идеалъ миссіи оставался во всей своей силѣ и, если его нельзя было осуществить прежнимъ способомъ, способомъ крестоваго похода, то для папъ это было чрезвычайно прискорбно и они прибѣгли къ новому способу, который, хотя не такъ былъ шуменъ, но въ достоинствахъ не уступалъ первому. Тамъ, гдѣ невозможно было начинать прямо съ насилія, они прилагали къ дѣлу другой методъ, *методъ уніи, или взаимныхъ уступокъ.* Этотъ методъ, въ основѣ котораго лежитъ тоже значительная доля лжи и насилія, они прилагали не только по отношенію къ христіанамъ другихъ исповѣданій, но и къ мухаммеданамъ. Извѣстна унія, введенная ими въ западной Россіи. Такого же рода унію они старались заключить въ концѣ XVI о началѣ XVII в. въ Индіи съ мухаммеданствомъ и язычествомъ, съ язычествомъ въ Китаѣ и Японіи. Проповѣдуя христіанство въ этихъ послѣднихъ странахъ, они умалчивали о Троицѣ, о рожденіи и воскресеніи І. Христа, объ искупленіи и другихъ христіанскихъ догматахъ и таинствахъ, однимъ словомъ проповѣдывали тоже язычество съ небольшими измѣненіями. Они разсуждали, что для пріобрѣтенія прозелитовъ, которые могли бы доставить имъ богатство, могущество и власть—орудія для насильственнаго введенія настоящаго латинства въ будущемъ, нужно закрывать глаза на многое. Поэтому въ Китаѣ, напримѣръ, они не запрещали новообращеннымъ держаться прежнихъ обрядовъ и вѣрованій, праздновать праздникъ фонарей, покланяться Конфуцію (1) и пр. Но они вводили такой порядокъ вещей не съ тѣмъ, чтобы оставить его навсегда. При удобномъ случаѣ, гдѣ можно было, они перемѣняли свой образъ дѣйствій, оставляли свою уступчивость и дѣлались придирчивыми до мелочности. Это ясно подтверждается свидѣтельствомъ одного изъ наиболѣе честныхъ іезуитовъ Александра де Родеса, который по прибытіи своемъ въ Индію, наблюдая этотъ образъ дѣйствій іезуитскихъ миссіонеровъ, получилъ крайне непріятное впе-

(1) Гризингеръ. I, стр. 93—113.

чатлѣніе. „Не могу скрыть—писалъ онъ (1)—двухъ вещей, доставившихъ мнѣ крайнее неудовольствіе, которыя, по моему мнѣнію, не мало способствуютъ упорству невѣрныхъ. Знаю очень хорошо, по крайней мѣрѣ, что склонять ихъ къ тому или другому было мнѣ весьма трудно. Во первыхъ у миссіонеровъ принято за правило: некрещенныхъ всячески чествовать и ласкать, а потомъ окрестивъ ихъ, едва удостоивать своимъ вниманіемъ. Во вторыхъ какъ только язычники окрестятся, ихъ заставляютъ покидать туземное одѣяніе, носимое ихъ некрещенными земляками". Такимъ образомъ допуская унію, или дѣлая уступки старымъ религіознымъ вѣрованіямъ обращаемыхъ народовъ въ ущербъ чистотѣ проповѣдуемаго христіанства, они имѣли въ виду только скорѣе пріобрѣсть вліяніе, власть, богатство, чтобы потомъ захвативъ все въ свои руки, свободно дѣйствовать въ желаемомъ направленіи. Благодаря своему уступчивому образу дѣйствій, они достигали того, что получали самыя высшія должности въ языческихъ государствахъ, могли окружать себя многочисленною и блестящею свитою, строить фабрики и заводы и въ обширныхъ размѣрахъ заниматься торговлею. Въ 1697 г. губернаторъ французскихъ колоній въ Индіи, Мартенъ, писалъ въ Европу, что „послѣ голландцевъ самую обширную торговлю ведутъ іезуиты, такъ что въ этомъ отношеніи имъ уступаютъ англичане, датчане, французы и даже сами португальцы, которые водворили ихъ въ здѣшнемъ краю... Многіе іезуиты ходятъ переодѣтые по странѣ съ индійскими купцами, именуемыми баніанами, и собираютъ брилліанты и жемчугъ, чѣмъ наносятъ крайній убытокъ остъиндской компаніи и позоръ христіанскому имени. Они одѣваются совершенно такъ же, какъ баніаны, говорятъ такъ же, какъ и они, ѣдятъ и пьютъ съ ними и соблюдаютъ всѣ обычаи ихъ. Кто ихъ не знаетъ, приметъ ихъ за настоящихъ баніановъ, тѣмъ болѣе, что они покланяются языческимъ божествамъ наравнѣ съ туземцами. Правда, они говорятъ, что дѣлаютъ это для обращенія язычниковъ, но въ сущности водятся съ ними только для торговыхъ цѣлей, чему, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что они еще не обратили ни одного баніана. Одинъ

(1) Истор. религій. т. II, стр. 394. изд. Хана. 1870 г.

баніанъ, сдѣлавшій съ іезуитами три отдаленныхъ путешествія, увѣрялъ меня, что ни разу не слыхивалъ отъ нихъ ни слова о христіанствѣ и не видывалъ ни малѣйшей попытки обратить ихъ“ (1). Очень вѣроятно, что факты, представленные губернаторомъ, совершенно справедливы, но мысль его, что іезуиты занимались торговлею единственно для богатства, невѣрна. Всѣ ихъ безчисленныя аферы, грабежи, банкротства и проч. совершены были во имя религіи и съ цѣлію ея распространенія. Имъ рѣдко удавалось довести до конца свои планы, но, гдѣ удавалось, тамъ всегда оказывалось, что пріобрѣтенную власть, вліяніе и богатство они тотчасъ употребляли для насильственнаго введенія папства. Для доказательства припомнимъ Японію и Абиссинію. Собственно говоря такого метода не чужды были папскіе миссіонеры и другихъ орденовъ. Подобно іезуитамъ эти миссіонеры, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новое время часто домогались вліянія на языческихъ и мухаммеданскихъ государей съ цѣлію воспользоваться ихъ властію для насильственнаго утвержденія латинства въ ихъ владѣніяхъ. Но неразборчивость въ средствахъ, которую обнаружили іезуиты при достиженіи своихъ цѣлей, возмутила всѣхъ и раскрыла истинное значеніе подобнаго метода. Строгимъ доминиканцамъ и францисканцамъ и въ голову не могла прійти мысль о такомъ искаженіи христіанства и приноровленіи его къ языческимъ понятіямъ, какое дозволяли себѣ іезуитскіе миссіонеры. Они ужаснулись, когда узнали сущность іезуитской проповѣди и начали строго порицать слишкомъ уступчивыхъ проповѣдниковъ. „Но іезуиты были убѣждены, что поступаютъ по заповѣди ап. Павла и остроумно смѣялись надъ трусливой совѣстью монашескаго правовѣрія“ (2). Доминиканe, не видя никакой пользы отъ своихъ вразумленій и обличеній, рѣшились наконецъ дать знать обо всемъ папѣ. Іезуиты съ своей стороны также составили записку въ свое оправданіе. Папа Урбанъ VIII, узнавъ сущность спора между доминиканцами и іезуитами, пришелъ въ крайнее недоумѣніе и поручилъ разобрать дѣло новоучрежденной конгрегаціи de propaganda fide. Конгрегація, изслѣдовавъ дѣло, высказалась рѣшительно противъ іезуитовъ и 12 сен-

(1) Гризингеръ. т. I. стр. 331—333.
(2) Тамже.

тября 1645 г. издала декретъ за подписью папы Иннокентія X, которымъ іезуитскій методъ пропаганды осуждался совершенно, какъ несогласный съ достоинствомъ христіанской религіи. Іезуиты впрочемъ не уступили и рѣшились отстоять свой методъ какимъ бы то ни было образомъ. Съ этихъ поръ между папою, который стоялъ во главѣ конгрегаціи пропаганды, и іезуитами, всѣми дѣйствіями которыхъ заправлялъ ихъ генералъ, возникла энергическая борьба, которая продолжалась болѣе столѣтія и кончилась, если не совершеннымъ торжествомъ іезуитовъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, что они не сдѣлали почти никакихъ уступокъ. Конгрегація пропаганды и папы нѣсколько разъ издавали самые рѣшительные декреты въ осужденіе іезуитскихъ методовъ миссіонерства и посылали въ Китай нунціевъ съ огромными полномочіями и грозными буллами, но іезуиты, пользуясь отдаленностію Китая и своимъ прочнымъ положеніемъ при дворѣ китайскаго императора, постоянно противились, папскія буллы объявляли подложными, или основанными на ложныхъ фактахъ и потому неимѣющими надлежащей силы, папскихъ легатовъ заключали въ тюрьмы, отравляли ядомъ и наконецъ убѣдили китайское правительство изгнать изъ Китая всѣхъ монаховъ, кромѣ іезуитовъ, и не допускать со стороны папы и европейскихъ государей никакого вмѣшательства въ дѣла китайскихъ іезуитовъ (1).

Въ отношеніи мухаммеданъ, особенно турецкихъ подданныхъ, іезуиты разнообразили свой методъ нѣсколько инымъ образомъ. Унію съ мухаммеданствомъ можно было заключить только гдѣ нибудь въ отдаленной Индіи, такъ чтобы это никому не было извѣстно, иначе всякое религіозное чувство возмутилось бы до глубины души. Употребить насиліе въ предѣлахъ страны, имѣющей могущественное и враждебное правительство, было совершенно невозможно. Прибѣгнуть къ увѣщаніямъ и истиннымъ христіанскимъ методамъ было тоже опасно. Вообще всякаго рода пропаганда, направленная прямо противъ мухаммеданъ, была чрезвычайно затруднительна при томъ законодательствѣ, какое существова-

(1) Подлинные документы, относящіеся къ этому дѣлу приведены въ Исторіи іезуитовъ аббата Гэтте. Guette. Hist. des Iesuites Paris. 1859 t. II, p. 80—157.

ло въ Турціи касательно пропаганды, и при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стояла эта держава къ западному христіанству. Турки воевали не изъ угожденія только властолюбію своихъ султановъ: они имѣли въ виду повсюдное распространеніе своей вѣры и уничтоженіе христіанства; они хотѣли, чтобы коранъ торжествовалъ всюду, куда проносили они свое оружіе, и на свою войну съ христіанами смотрѣли какъ на войну священную. „Предъ началомъ войны мухаммеданскіе воины убѣждены были, что истребленіе христіанъ написано въ книгѣ судебъ: „когда всѣ враги пророка—говорили они между собою — будутъ истреблены, тогда для каждаго изъ насъ останется только ходить за плугомъ и смотрѣть на своего боеваго коня въ стойлѣ“ (1). Магометъ II, послѣ завоеванія Константинополя, для возбужденія энтузіазма и храбрости мухаммеданъ, употребилъ тѣже средства, какія употребляли и папы; „въ присутствіи дивана и муфти онъ далъ клятву отказаться отъ всѣхъ удовольствій и никогда не отвращивать лица своего отъ запада на востокъ, пока не разрушитъ и ногами коней своихъ не попретъ боговъ европейскихъ народовъ. Онъ поклялся стереть съ лица земли нечестіе христіанъ и провозгласить отъ востока до запада славу Бога саваоѳа и Магомета“ (2). По законамъ турокъ „всякій правовѣрный обязанъ брать участіе въ священной войнѣ. Когда мусульмане находятся предъ невѣрными, то прежде всего должны стараться обратить ихъ къ исламизму; и если невѣрные примутъ сей законъ, то всякая непріязненность тотчасъ должна быть оставлена. Если же напротивъ того, они не захотятъ обратиться въ истинную вѣру, то должно отъ нихъ требовать, чтобы они подверглись платѣ поголовной подати; и если они согласятся, то затѣмъ слѣдуетъ примиреніе и взаимныя сношенія. Въ случаѣ отказа мухаммедане должны съ помощію всевышняго сражаться съ врагами и употреблять для сего военныя орудія, опустошать ихъ землю, опустошать ихъ лѣса и истреблять ихъ жатву“ (3). „Государь исламитскій можетъ заключать миръ законнымъ образомъ съ невѣрными только

---

(1) Mишо. IV, стр. 612—613.
(2) Ibid. V, 33—44.
(3) Новѣйш. свѣд. о тур. имп. Москва. 1828. ч. I, стр. 116.

въ такомъ случаѣ, когда отъ сего мира проистекаетъ ощутительная польза для всѣхъ мослимовъ; во всякомъ другомъ случаѣ миръ не можетъ считаться законнымъ. Какъ скоро представится случай получить выгоды разрывомъ, то необходимо нужно и должно разорвать миръ" (²). Всѣ эти узаконенія существовали въ то время для турокъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ; они были живымъ убѣжденіемъ и правиломъ поведенія по отношенію къ невѣрнымъ всякаго турка. Исполнялось даже болѣе, чѣмъ сколько предписывалось. Всякій городъ, тотчасъ по завоеваніи мухаммеданами, совершенно перемѣнялъ свой видъ. Церкви превращались въ мечети, христіане должны были прекратить всякое торжественное исправленіе обрядовъ своей вѣры и богослуженія и пожертвовать значительною своею частью въ пользу мухаммеданства. Молодое поколѣніе почти все обыкновенно терялось для христіанства, частію обращалось въ рабство, частію распредѣлялось по сералямъ и гаремамъ, частію поступало въ янычары и насильственно обращалось въ мухаммеданство. Въ эти тяжкія для христіанъ времена латиняне, такъ же, какъ и греки имѣли многихъ мучениковъ, а еще болѣе отступниковъ. При завоеваніи Хіоса, Каира, Родоса и другихъ латинскихъ владѣній многіе латиняне, принадлежавшіе даже къ знатнымъ родамъ, были отведены въ плѣнъ въ Константинополь, гдѣ тѣ изъ нихъ, которые не были выкуплены, насильственно были обращены въ мухамеданство и только немногіе, оставшіеся твердыми, сдѣлались мучениками. Вообще пропаганда мухамеданства, вслѣдствіе блестящихъ и быстрыхъ военныхъ успѣховъ турокъ, шла чрезвычайно успѣшно. Христіане же постоянно теряли область за областію и своими собственными родственниками и соплеменниками наполняли ряды враговъ своей религіи. Мухаммеданское законодательство не только предписывало вооруженную пропаганду, среди христіанъ, но и охраняло своихъ подданныхъ отъ пропаганды послѣднихъ. Мухаммеданинъ самъ долженъ былъ распространять свою вѣру, но ни въ какомъ случаѣ не оставлять ея и не слушать никакихъ увѣщаній христіанскихъ миссіонеровъ. „Если мослимъ от-

(²) Новѣйш. свѣд. о тур. имп. Москва. 1828 г. ч. I, стр. 194.

ступаетъ отъ истинной вѣры, то должно убѣждать его возвратиться къ оной и стараться уничтожить его сомнѣнія; если онъ будетъ просить срока, то должно заключить его на три дня для размышленія; по истеченіи сего срока, если онъ будетъ еще упорствовать въ своемъ отверженіи, должно осудить его на смерть“ (1). Христіане съ своей стороны, сдѣлавшись подданными мухаммеданъ, должны воздерживаться отъ всякой пропаганды среди своихъ властителей. Мухаммеданскіе законы старались лишить ихъ даже возможности опровергать мухаммеданство и распространять свое ученіе. Имъ запрещалось учиться арабскому языку, запрещалось учить дѣтей своихъ корану и препятствовать своимъ единовѣрцамъ дѣлаться мухаммеданами (2). Вражда и презрѣніе турокъ къ христіанамъ были такъ велики, что едва-ли кто-либо изъ нихъ сталъ-бы слушать христіанскаго учителя. Эта вражда и духъ пропаганды, одушевлявшій турокъ, дѣлали ихъ такъ маловоспріимчивыми къ принятію ученія Христова, что надѣяться на ихъ обращеніе мирнымъ путемъ было чрезвычайно трудно. Правда, мы видимъ, что съ половины XVI в. вражда запада съ Турціей начинаетъ затихать, западныя державы повидимому примиряются съ фактомъ существованія въ Европѣ, въ сосѣдствѣ съ христіанскими державами, на почвѣ издревлѣ христіанской, державы мухаммеданской, враждебной христіанству, и допускаютъ въ свое общеніе сосѣда, не имѣющаго съ ними ничего общаго. Король французскій Франциск I, вынужденный крайностію, первый вошелъ въ переговоры съ турками въ 1528 г. и первый получилъ отъ турецкаго султана Селима I обѣщаніе не стѣснять свободы латинянъ, жившихъ въ іерусалимѣ (3). Послѣ Франциска европейскіе государи, особенно французскіе короли, неоднократно входили въ переговоры съ турками относительно положенія христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Такъ въ 1604 г. Генрихъ IV получилъ отъ султана Ахмеда I нѣкоторыя уступки по этому предмету и дозволеніе іезуитамъ поселиться въ Турціи; въ 1673 г. Людовикъ

---

(1) Новѣйш. свѣд. о тур. имп. Москва. 1828 г. ч. I, стр. 148.
(2) Ibid. стр. 151—152.
(3) Zinkeisen, t II. s 712—713.

XIV получилъ подобныя же уступки отъ султана Магомета IV; а въ 1740 г. Людовикъ XV отъ султана Махмуда (1). Благодаря этимъ договорамъ, положеніе католиковъ въ Турціи формально было довольно обезпечено, но въ дѣйствительности оно постоянно было столько же унизительно и шатко, какъ и другихъ христіанъ. Турки не видѣли никакого различія между католиками и некатоликами и никакъ не могли понять превосходства первыхъ надъ послѣдними, не смотря на усиленныя и постоянныя внушенія европейскихъ пословъ (2). Нерѣдко латиняне подвергались жестокимъ гоненіямъ по одному подозрѣнію въ покушеніи совращать въ христіанство мухаммеданъ, или даже подданныхъ имъ райевъ. Таково было гоненіе въ 1727 г. въ Сиріи, на островѣ Хіосѣ, въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ. Султанъ Ахмедъ III, узнавъ, что „нѣкоторые дьяволы изъ франкскихъ монаховъ съ худыми цѣлями и неправыми намѣреніями, разъѣзжая и рыская по странѣ, привлекаютъ къ своему гнилому франкскому ученію греческихъ и армянскихъ райевъ, издалъ фирманъ, запрещавшій франкскимъ монахамъ ѣздить въ другія мѣста, кромѣ тѣхъ, гдѣ сообразно съ договорами живутъ европейскіе консулы, и привлекать къ своей вѣрѣ турецкихъ подданныхъ“ (3). Слѣдствіемъ этого фирмана было упомянутое преслѣдованіе, прекращенное только энергическимъ вмѣшательствомъ европейскихъ пословъ. Не смотря однако на все это, латинскіе миссіонеры, особенно іезуиты, употребляли всѣ усилія удержаться въ Турціи и вели самую дѣятельную пропаганду, но только не между мухаммеданами а между армянами или православными греками и славянами. Принимая во вниманіе строгіе законы оттоманской порты

---

(1) Мишо. Истор. кр. пох. т. V, стр. 532.

(2) Такъ напримѣръ, однажды въ 1703 г. армяне пришли жаловаться на іезуитовъ и своего единомысленнаго съ ними патріарха къ турецкому кайѣ или министру внутреннихъ дѣлъ. Когда этотъ послѣдній спросилъ начальника депутаціи митрополита Евфраима: «что такое католики? невѣрные они или нѣтъ»? и когда Евфраимъ началъ объяснять, что такое католики, онъ возразилъ: «будь свинья бѣлая или черная, она все свинья, и высокая порта не заботится о различіи между армянами, католиками и некатоликами». Hammer, t. VII, p. 57.

(3) Ibid. p. 315, 316.

противъ совращающихъ и совратившихся, разсчетливые іезуиты никогда не рѣшались дѣйствовать противъ мухаммеданства прямо и открыто: всѣ свои усилія они обращали на схизматиковъ, хотя при этомъ постоянно имѣли въ виду и мухаммеданъ. Методъ іезуитовъ въ этомъ случаѣ состоялъ въ томъ, чтобы, обративъ въ латинство турецкихъ христіанъ, болѣе близкихъ къ мухаммеданамъ и болѣе знакомыхъ съ ихъ нравами, языкомъ характеромъ, (что необходимо знать миссіонеру), чрезъ нихъ дѣйствовать на мухаммеданъ, или по крайней мѣрѣ дать болѣе законные поводы западнымъ державамъ къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла турецкихъ христіанъ, къ уничтоженію турецкаго владычества надъ католиками и къ насильственному обращенію турокъ въ христіанство. Всѣ миссіонерскія дѣйствія іезуитовъ по отношенію къ мухаммеданамъ ограничивались только тѣмъ, что они при всякомъ удобномъ случаѣ старались проповѣдывать на турецкомъ языкѣ, питая надежду, что можетъ быть какой-нибудь турокъ послушаетъ ихъ изъ любопытства, и выставляя предлогомъ то, что греки и армяне въ домашнемъ быту говорятъ на турецкомъ языкѣ.

Этимъ же послѣднимъ методомъ пользовались постоянно и протестантскіе миссіонеры, когда дѣйствовали среди мухаммеданскаго населенія, несмотря на то, что повидимому всегда должны бы были дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ какъ дѣйствовали миссіонеры латинскіе. Лютеръ, какъ мы видѣли, рѣшительно осудилъ папскій методъ пропаганды среди мухаммеданъ. Послѣдователи Лютера не удовольствовались однимъ осужденіемъ его; они на первыхъ же порахъ своего отдѣленія отъ латинской церкви старались указать и формулировать новый методъ пропаганды болѣе сообразный съ духомъ Евангелія. Еще при жизни Лютера, Меланхтонъ издалъ, при пособіи нѣкоторыхъ другихъ своихъ послѣдователей, сборникъ матеріаловъ для познанія мухаммеданства, подъ заглавіемъ: Mahumetis saracenorum principis vita ac doctrina. Здѣсь въ первой части помѣщенъ латинскій переводъ Алкорана Петра Клюнійскаго съ исправленіями и предисловіемъ Библіандера, во второй—нѣсколько полемическихъ и противумухаммеданскихъ сочиненій Рикольда, Николая Кузанскаго и другихъ, въ третьей—нѣсколько историческихъ и этнографическихъ статей касательно турецкой имперіи,

Весь этотъ сборникъ изданъ былъ съ прямою цѣлію указать миссіонерамъ на новый методъ обращенія мухаммеданъ посредствомъ устнаго и письменнаго состязанія съ ними и дать для этого вспомогательныя средства. Но цѣль эта не могла быть достигнута въ скоромъ времени и вполнѣ, потому что смутныя обстоятельства долго не давали протестантамъ времени заняться миссіонерствомъ, приложить къ дѣлу и развить сдѣланныя издателями указанія. Когда же родилось протестантское миссіонерство, то оказалось, что приложить къ дѣлу эти указанія несовсѣмъ удобно, что увѣщевать мухаммеданъ часто бываетъ совершенно невозможно. Поэтому протестанты мало помалу начали усвоять себѣ латинскіе методы пропаганды, особенно тѣ изъ нихъ, которые неслишкомъ запечатлѣны были латинскою притязательностію. Таковъ былъ методъ *окольнаго пути*, употреблявшійся латинскими миссіонерами въ мухаммеданскихъ странахъ. Начавъ дѣйствовать среди мухаммеданъ, протестантскіе миссіонеры скоро пришли къ убѣжденію, что „восточныя церкви, если бы онѣ могли ожить и обновиться для жизненнаго христіанства (?), могутъ быть ключемъ къ совершенно недоступной до сихъ поръ массѣ мухаммеданъ, а чрезъ нихъ ключемъ къ сердцу Азіи“, что такимъ образомъ слѣдуетъ „прежде всего евангелизировать греческую и армянскую церковь, чтобы чрезъ нихъ потомъ пріобрѣсть могущественное вліяніе на весь мухаммеданскій и языческій міръ Азіи“ (1). Составивъ себѣ такой планъ дѣйствій, протестантскіе миссіонеры слѣдовали ему неуклонно, когда имъ приводилось дѣйствовать среди мухаммеданъ, особенно въ Турціи. Всѣ ихъ миссіи среди православныхъ грековъ, армянъ и другихъ восточныхъ христіанъ, обитающихъ въ турецкой имперіи, имѣли, кромѣ первой видимой цѣли, т. е. обращенія этихъ христіанъ въ протестантство, еще другую:—„этимъ окольнымъ путемъ пролить свѣтъ въ тьму исповѣдниковъ ислама“ (2).

Такимъ образомъ западные противумухаммеданскіе миссіонеры новаго времени старались очевидно дѣйствовать стро-

---

(1) Real-Encyclop. v. Herzog. t. IX. p. 600.
(2) Ibid. p. 603.

го расчитанно, по тщательно обдуманнымъ и на практическомъ опытѣ основаннымъ планамъ. Такой образъ дѣйствій, повидимому, долженъ бы былъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и дать блистательные результаты. Этого тѣмъ болѣе можно бы ожидать, что новое западное миссіонерство располагало почти всегда очень значительными матеріальными средствами и никогда не имѣло недостатка въ людяхъ искренно преданныхъ дѣлу, настойчивыхъ, хорошо приготовленныхъ и способныхъ. На дѣлѣ однакожъ случилось не то. Изъ послѣдующей исторіи западныхъ противутатарскихъ миссій новаго времени мы увидимъ, что эти миссіи, какъ латинско-іезуитскія (въ Индіи и Крыму), такъ и протестантскія (на Кавказѣ) были также малоуспѣшны, какъ и средневѣковыя.

Исторія западныхъ противутатарскихъ миссій новаго времени: а) іезуитская миссія въ имперіи великаго монгола, въ Индіи, съ 1576 г. (1).

Индія подверглась вторженіямъ монголо-татарскихъ племенъ въ одно время съ другими странами, именно, когда начались великія завоевательныя движенія этихъ племенъ. Она не избавилась ни отъ чингизхановыхъ, ни отъ тамерлановыхъ нашествій и опустошеній и сверхъ того подвергалась еще многимъ другимъ со стороны сосѣдственныхъ мухаммеданскихъ государей, которые основали въ сѣверо-западной половинѣ ея нѣсколько самостоятельныхъ государствъ и распространили мухаммеданство. Въ началѣ XVI в. (1505 г.) въ Индію вторгся одинъ изъ потомковъ Тимура, джагатай-

(1) Краткія и такъ сказать оффиціальныя свѣдѣнія объ этой миссіи и особенно о первыхъ трехъ десятилѣтіяхъ ея существованія можно заимствовать изъ годовыхъ іезуитскихъ отчетовъ—Annuae litterae societatis Jesu за разные годы и изъ ихъ столѣтняго отчета—Imago primi saeculi societatis Jesu. Но свѣдѣнія заключающіяся въ этихъ отчетахъ, крайне сухи и кратки. Подробности можно находить въ разныхъ историческихъ іезуитскихъ сочиненіяхъ, каковы сочиненія: Катру — Histoire general de l'empire Mogol, Таннера—Societas Jesu usque sanguinis et vitae profusionem militans и Дюярика—Histoire de choses plus memorables. Довольно обстоятельный и аккуратный сводъ этихъ подробностей сдѣланъ Генріономъ въ его Histoire general des missions catholiques. t. II. p. 158—172.

скій султанъ Баберъ (1483—1530)(1), въ короткое время завоевалъ значительную часть страны и основалъ знаменитую и могущественную имперію, извѣстную подъ именемъ имперіи великаго Монгола. Столицею этой имперіи былъ Дели, а господствующею, хотя далеко не всеобщею, религіею—мухаммеданство, которое, несмотря на насильственныя мѣры завоевателей, никакъ не могло побѣдить древній и пустившій слишкомъ прочные корни, индійскій культъ. Мухаммеданство почти во все время иноземнаго владычества въ Индіи было главнымъ образомъ только религіею побѣдителей, далеко уступавшихъ побѣжденнымъ туземцамъ въ численности. Различіе религіи и народности поселяло между монголами и индійцами глубокую вражду, вслѣдствіе которой въ монгольской имперіи часто происходили возстанія и побѣдители должны были постоянно опасаться за свое спокойствіе и господство, особенно въ такіе моменты, когда сверхъ всего находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями или даже когда опасались подобныхъ отношеній. Особенно натянуты были постоянно отношенія индійскихъ монголовъ къ Персіи, которая издавна имѣла притязаніе на владычество въ Индіи. Не менѣе опасные сосѣди были у монголовъ съ другой стороны. Въ началѣ XVI в. здѣсь явились португальцы и рѣшились, пользуясь раздорами мелкихъ туземныхъ князей, завоевать себѣ владѣнія въ Индіи. Оружіемъ и политикой они дѣйствительно вскорѣ подчинили себѣ всѣ береговыя земли отъ Ормуза въ персидскомъ заливѣ и до Малакки. Наибольшимъ вліяніемъ и могуществомъ они пользовались здѣсь въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., въ то самое время, когда и имперія великаго Монгола достигла наибольшей степени своего могущества. Такъ какъ могущество монгольской имперіи было чисто внѣшнее и не имѣло прочныхъ внутреннихъ основаній и

---

(1) Баберъ извѣстенъ не только какъ великій полководецъ и государь, но и какъ человѣкъ высокаго ума, даровитый поэтъ и писатель. Изъ сочиненій его извѣстны особенно два, написанныя на татарско-джагатайскомъ нарѣчіи—собраніе стихотвореній, подъ названіемъ: «Диванъ» и мемуары о его жизни—«Баберъ-нама». Это послѣднее сочиненіе ученые ставятъ по достоинству наряду съ комментаріями Цесаря. Энц. лексиконъ Плюшара. т. IV. Бабериды, ст. Григорьева. стр. 3—25.

такъ какъ умные правители ея хорошо понимали непрочность своей власти, то отсюда являлись достаточныя причины для дружественныхъ отношеній между монголами и португальцами, которые своимъ военнымъ превосходствомъ, страстью къ завоеваніямъ, необыкновенною стойкостію и мужествомъ внушали своимъ сосѣдямъ справедливыя опасенія и невольно подчиняли ихъ своему вліянію.—Этимъ могуществомъ и вліятельностію португальцевъ и воспользовались іезуиты для основанія своей миссіи въ монгольской имперіи, государи которой сначала, пока находили выгоду быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ португальцами, т. е. пока могущество португальцевъ было опасно, покровительствовали іезуитамъ и даже подавали имъ надежды на обращеніе въ христіанство, но потомъ, когда это могущество начало падать и португальцы сдѣлались неопасны, охладѣли ко всѣмъ іезуитскимъ происканъ и убѣжденіямъ.

Въ Индію іезуиты проникли очень рано. Это была одна изъ самыхъ первыхъ и самыхъ блестящихъ ихъ миссій. Еще въ 1540 г. португальскій король Іоаннъ III (1521—1557), недовольный малоуспѣшностію миссіонерскихъ дѣйствій францисканцевъ въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ и, узнавъ объ основаніи новаго ордена, просилъ Лойолу послать туда нѣсколько миссіонеровъ. Вслѣдствіе этой просьбы Лойола послалъ одного изъ первыхъ и лучшихъ своихъ товарищей, Франциска Ксавье, который въ 1542 г. прибылъ въ Гоа съ обширными полномочіями отъ папы и короля португальскаго. При помощи португальскаго оружія Ксавье въ короткое время разрушилъ здѣсь всѣ языческіе храмы, какіе только могъ, множество индійцевъ принудилъ сдѣлаться латинянами, а францисканскую семинарію въ Гоа превратилъ въ іезуитскій коллегіумъ св. Павла. Вскорѣ на помощь ему присланы были 20 другихъ іезуитовъ, которые по всей Индіи начали строить свои коллегіи, резиденціи и другія заведенія и проникли даже за предѣлы португальскихъ владѣній въ Бенгалію, откуда старались развѣдать, какъ удобнѣе попасть во владѣнія монголовъ. Въ монгольской имперіи царствовалъ въ это время Акбаръ (1555—1605), государь умный, довольно образованный и любознательный (1). Питая уваже-

(1) Акбаръ — внукъ Бабера, третій преемникъ его; вторымъ былъ Гумаюнъ (1530—1550). За Акбаромъ слѣдовали: Джегангиръ (1605—1630),

ніе къ военному превосходству португальцевъ и къ европейскому образованію, онъ поддерживалъ довольно дружественныя и оживленныя сношенія съ португальскими королями и ихъ индійскими вице-королями, которые имѣли строгій наказъ покровительствовать іезуитамъ и всячески содѣйствовать ихъ миссіонерскимъ предпріятіямъ. Около 1576 года Антонъ Кабраль, находившійся при дворѣ Акбара въ качествѣ полномочнаго посла отъ португальскаго вице-короля, и другой португалецъ Петръ Таверо, переговариваясь о разныхъ предметахъ политики, завели также рѣчь и о религіи и успѣли заинтересовать императора въ пользу христіанства. Слѣдствіемъ этого было то, что Акбаръ допустилъ въ свои владѣнія одного изъ бенгальскихъ миссіонеровъ. Неизвѣстно, къ какому ордену принадлежалъ этотъ миссіонеръ, но, по всей вѣроятности, это былъ іезуитъ, потому что его дѣйствія здѣсь явно были направлены къ тому, чтобы приготовить безопасную почву для прочнаго водворенія въ монгольской имперіи іезуитовъ. Этотъ миссіонеръ сталъ въ довольно близкія отношенія къ Акбару, который будтобы единственно для большаго удобства бесѣдовать съ нимъ удивительно скоро выучился португальскому языку. Вскорѣ Акбаръ такъ заинтересовался евангельскимъ ученіемъ, что рѣшился пригласить къ своему двору столько іезуитовъ, сколько послѣдніе могутъ послать. Приводя въ исполненіе свое намѣреніе, Акбаръ послалъ іезуитамъ, обитавшимъ въ гоанскомъ коллегіумѣ св. Павла, слѣдующее письмо: „Акбаръ великій императоръ міра достопочтеннымъ отцамъ св. Павла. Я посылаю къ вамъ Эбадолу съ переводчикомъ, чтобы засвидѣтельствовать предъ вами благосклонность, которую я имѣю къ вамъ, и просить васъ отъ моего имени, чтобы вы послали къ моему двору нѣкоторыхъ изъ вашихъ отцевъ, искусныхъ въ знаніи святыхъ книгъ и способныхъ изъяснить мнѣ глубокія тайны вашей религіи. Я имѣю желаніе получить наставленіе въ вашей религіи и принять ее. Отсюда вы можете заключить, что ваши отцы будутъ приняты здѣсь съ

Шахъ-Джеханъ (1630—1658), Аурунгъ-Зебъ (1658—1707), Багадуръ-Шахъ (1707—1712), Джегандаръ-Шахъ, Феррухширъ, Рефіуддерендже и Рефіудуебле, Мухаммедъ-Шахъ, Ахмедъ-Шахъ, Аллемгиръ и Шахъ-Алемъ (1708—1803). Энц. лекс. Плюшара. т. IV. стр. 14—25.

удовольствіемъ и честью. Пусть же они придутъ и пусть будутъ увѣрены, что я не стѣсню ихъ свободу, если они захотятъ возвратиться въ Гоа. Итакъ пусть они надѣятся на мое покровительство"(1). Іезуиты очень обрадовались этому письму: они того только и ждали. Гоанскій провинціалъ іезуитовъ немедленно избралъ для новой миссіи трехъ благонадежнѣйшихъ патеровъ, отца Родольфа Аквавиву, племянника тогдашняго генерала іезуитовъ, знаменитаго Клавдія Аквавивы, отца Антона Монтсеррата и Франциска Генрикеца, родомъ перса, могущаго служить отличнымъ переводчикомъ. Главнымъ начальникомъ миссіи назначенъ былъ Аквавива. Миссіонеры, снабженные подробными тайными инструкціями, немедленно отправились къ мѣсту своего назначенія, захвативъ съ собою Алкоранъ, какъ пособіе для предстоящихъ состязаній съ мухаммеданами, и подарки для поднесенія императору, именно: прекрасной печати библію на четырехъ языкахъ и двѣ иконы—І. Христа и пресв. Дѣвы. Они нашли императора въ Фетипурѣ и были приняты очень дружелюбно и благосклонно. Акбаръ принялъ ихъ подарки повидимому съ глубокимъ благоговѣніемъ: библію положилъ себѣ на голову, какъ книгу священную, а иконы поцѣловалъ. Іезуиты по своему обыкновенію явились ко двору въ самомъ скромномъ видѣ, какъ настоящіе нищенствующіе монахи. Акбаръ, видя ихъ нищенскую наружность, предложилъ было имъ значительную сумму денегъ на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ. Но іезуиты рѣшительно отказались принять это предложеніе, отговариваясь своимъ обѣтомъ нестяжательности и утверждая, что они такъ строго соблюдаютъ этотъ обѣтъ, что ничто не можетъ ихъ заставить нарушить его. Это очень понравилось Акбару и онъ пробесѣдовалъ съ миссіонерами всю ночь. Акбаръ выказалъ большую любознательность и изъявилъ желаніе основательно познакомиться съ догматами христіанской религіи. По его желанію въ дворцѣ каждую субботу заведены были правильные диспуты между миссіонерами и мухамеданскими учеными и онъ самъ на нихъ постояно присутствовалъ. Что касается самаго хода, направленія и содержанія этихъ диспутовъ, то іезуиты сообщаютъ о себѣ только то, что во вре-

(1) Henrion. Hist. gener. des miss. cathol. t. II. p. 159.

мя состязаній они нападали главнымъ образомъ на практическую сторону мухаммеданской религіи, именно, на чувственность, которую она дѣлаетъ обязательною для своихъ послѣдователей, и на насиліе, которое она предписываетъ для своего распространенія. Акбаръ соглашался повидимому съ доводами іезуитовъ и признавалъ въ этомъ отношеніи преимущество за христіанствомъ. „Христіане—говорилъ онъ—распространились по всей землѣ, проливая свою кровь, а исламизмъ получилъ перевѣсъ на востокѣ, проливая кровь другихъ“. Но рѣшительнаго желанія принять христіанство и совершеннаго признанія превосходства христіанства предъ мухаммеданствомъ императоръ не высказывалъ, несмотря на всѣ старанія іезуитовъ, такъ что послѣдніе заподозривали сначала искренность и тѣхъ сочувственныхъ выраженій, которыя Акбаръ позволялъ себѣ иногда дѣлать относительно христіанства. Іезуиты справедливо полагали, что нельзя придавать большаго значенія ласковому обращенію съ ними Акбара и его иногда лестнымъ отзывамъ о христіанствѣ; все это можно было объяснить инымъ образомъ, политическими побужденіями и хитростію, которую восточные государи часто доводятъ до наивныхъ крайностей и вслѣдствіе которой часто говорятъ вовсе не то, что думаютъ. Поэтому начальникъ миссіи Аквавива счелъ нужнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Выбравъ удобную минуту, онъ приступилъ къ Акбару, прося рѣшительнаго объясненія. „Государь—сказалъ онъ—вамъ не безъизвѣстно, на какихъ условіяхъ мы оставили изобильныя выгоды для того, чтобы возвѣстить вамъ Христа. Вы обѣщали намъ, что не будете препятствовать нашему отъѣзду, если сѣмя слова Божія останется безплоднымъ въ вашемъ сердцѣ. Поэтому я рѣшаюсь просить васъ назначить срокъ, въ продолженіе котораго вы хорошо обдумаете и рѣшитесь принять христіанство, или остаться мухаммеданиномъ“. Акбаръ отвѣтилъ на это весьма уклончиво; онъ не сталъ уговаривать ихъ остаться, не назначилъ опредѣленнаго срока, но и не отнялъ у нихъ совершенно надежды на свое обращеніе. „Столь серьезная перемѣна—сказалъ онъ—находится въ рукахъ Божіихъ: для себя я не перестану просить Бога о просвѣщеніи и помощи“ (1). Не успѣвъ такимъ образомъ принудить Акбара къ рѣшительному шагу,

(1) Henr. t. II. p. 159.

іезуиты все-таки узнали по крайней мѣрѣ, что онъ не враждебенъ христіанству, имѣетъ въ нихъ какую-то нужду и, кажется, достигли того, что онъ сдѣлался къ нимъ еще благосклоннѣе Послѣ этого разговора дѣла ихъ вообще пошли лучше. Акбаръ поселилъ іезуитовъ въ своемъ дворцѣ, позволилъ имъ устроить здѣсь христіанскую капеллу, гдѣ они, не стѣсняясь, могли отправлять христіанское богослуженіе и куда самъ императоръ нерѣдко заходилъ для бесѣды съ миссіонерами. Онъ даже поручилъ о. Монтсеррату воспитаніе своего втораго сына тринадцатилѣтняго Пашари, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ могъ быть наслѣдникомъ престола. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что императоръ былъ мухаммеданинъ и что мухаммеданство было здѣсь господствующей религіей, то нельзя не видѣть, что іезуиты сдѣлали огромные успѣхи, что они положили прочное основаніе миссіи и вообще сдѣлали много, хотя никого еще не обратили. Они могли бы сдѣлать еще больше, особенно для распространенія христіанства между подданными Акбара, идолопоклонниками и мухаммеданами, если бы захотѣли воспользоваться всѣми льготами, какія получили они отъ этого государя. Они могли торжественно и свободно исполнять христіанскіе обряды:—и однажды по случаю погребенія одного португальца устроили великолѣпную религіозную процессію на улицахъ Фетипура—явленіе, почти немыслимое въ мухамеданскомъ государствѣ. Кромѣ того они могли свободно проповѣдывать христіанство всѣмъ подданнымъ Акбара, которые могли принимать новую религію, не опасаясь никакихъ преслѣдованій со стороны правительства. Но іезуиты, по старому латинскому обычаю, предпочитали сначала обратить государя, а потомъ уже чрезъ него дѣйствовать на подданныхъ. „Хотя Акбаръ—говоритъ Генріонъ—позволяя своимъ подданнымъ принимать Евангеліе, открылъ іезуитамъ поприще, на которомъ ихъ ревность, оказавшаяся безполезною при дворѣ, казалось должна была дѣйствовать плодотворно, *но миссіонерамъ не безъизвѣстно было, какъ трудно обратить мухаммедана: едвали что могло отвратить ихъ отъ религіи, утвержденной насиліемъ, кромѣ власти государя, или государственной революціи*“ (1).

(1) Пепг. t. II. p. 161.

Поэтому они продолжали все свое вниманіе обращать на Акбара и всѣ усилія направляли къ тому, чтобы убѣдить его въ превосходствѣ христіанской религіи и принудить къ рѣшительному шагу. Но Акбаръ попрежнему подавалъ имъ нѣкоторыя надежды, но сдѣлать рѣшительный шагъ не рѣшался, несмотря на то, что іезуиты не упускали ни одного удобнаго случая и ловили каждую благопріятную минуту, чтобы побудить его къ рѣшительности. Акбаръ часто посѣщалъ классную комнату, гдѣ Монтсерратъ давалъ уроки его сыну Пашари. Разъ, въ его присутствіи молодой принцъ началъ свой урокъ словами: „во имя Бога всемогущаго".—„Прибавь сынъ мой — сказалъ Акбаръ—и Іисуса Христа, истиннаго пророка". Потомъ онъ вошелъ въ іезуитскую капеллу, простерся ницъ предъ алтаремъ и изъявилъ желаніе побесѣдовать съ миссіонерами. „Вы знаете—сказалъ онъ—какія чувства уваженія я питаю къ религіи, въ которой вы же сами меня наставили. Все мнѣ говоритъ въ ея пользу: чудеса Мессіи, подтверждаемыя даже Алкораномъ, здравая мораль Евангелія, его утвержденіе путемъ страданій—все это побуждаетъ меня считать Іисуса Христа пророкомъ и посланникомъ Божіимъ. Но когда вы возводите мой духъ выше того, что есть чувственнаго въ лицѣ Мессіи, я теряюсь въ тонкостяхъ вашихъ таинъ. Объясните мнѣ—прибавилъ онъ—вѣчное рожденіе Слова изъ существа Отца и Его чудесное воплощеніе во времени, тогда я соглашусь вѣрить всему, что вы мнѣ ни предложите" (1). Очевидно, что Акбаръ недалеко еще ушелъ въ пониманіи христіанства, и во взглядахъ на І. Христа вполнѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія Корана. Онъ считалъ І. Христа не болѣе какъ пророкомъ. Но для іезуитовъ и того было достаточно, что онъ не имѣлъ того фанатизма и ненависти къ христіанству, которые столь обыкновенны въ мухаммеданахъ. Исходя изъ того положенія, что І. Христосъ есть пророкъ и посланникъ Божій, (съ чѣмъ согласенъ былъ и самъ Акбаръ), и что слѣдовательно Его словамъ, какъ словамъ пророка, вѣстника божественной воли, должно вѣрить, миссіонеры начали заимствованными изъ Евавгелія словами І. Христа излагать Акбару христіанское ученіе о Божествѣ І. Христа, о троичности лицъ божества

(1) Heur t. II. p. 160.

и проч. Акбаръ, повидимому, совершенно убѣдился доводами миссіонеровъ и пришелъ въ чрезвычайное волненіе, однако замѣтилъ, что оставить религію своихъ отцовъ и сдѣлаться христіаниномъ для него слишкомъ опасно, какъ для императора, и слишкомъ тяжело, какъ для человѣка, привыкшаго сообразоваться въ своей жазни съ чувственными воззрѣніями Корана. Вообще для Акбара главнымъ препятствіемъ принять христіанство была политическая опасность; относительно же мухаммеданскихъ привычекъ іезуиты могли сдѣлать ему снисхожденіе, слѣдуя своей обыкновенной миссіонерской практикѣ. Поэтому іезуиты рѣшились заняться главнымъ образомъ устраненіемъ политическихъ препятствій.

Религіозная и племенная вражда между побѣдителями и побѣжденными въ монгольской имперіи грозила постоянными возмущеніями и могла рано или поздно совершенно поколебать могущество монголовъ. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для Акбара утвердить свою власть на прочныхъ основаніяхъ могло служить введеніе между его подданными одной религіи и слитіе въ одно разнородныхъ религіозныхъ и племенныхъ элементовъ. Какую же религію слѣдовало ввести для этой цѣли? Побѣдителей — мухаммеданъ нельзя было и думать обратить въ идолопоклонство, потому что они слишкомъ живо чувствовали превосходство своей религіи предъ религіей побѣжденныхъ. Побѣжденныхъ—индусовъ въ свою очередь тоже очень трудно было обратить въ мухаммеданство, потому что они ненавидѣли своихъ побѣдителей и слишкомъ привязаны были къ своей древней религіи, которая, существуя между ними въ продолженіе очень многихъ вѣковъ, слишкомъ тѣсно срослась съ ихъ жизнію. Правда, на сторонѣ мухаммеданъ были повидимому средства доставить перевѣсъ своей религіи и объединить въ ея нѣдрахъ всѣхъ, побѣжденныхъ и побѣдителей, такъ какъ въ ихъ рукахъ была правительственная власть. Но опытъ показывалъ, что это средство очень недостаточно. Мухаммедане могли распространить свою религію между подчиненными имъ идолопоклонниками или убѣжденіемъ, или насиліемъ. Но убѣждать было не въ характерѣ мухаммеданъ и не въ духѣ ихъ религіи, а употребить насиліе было крайне опасно, такъ какъ идолопоклонниковъ было гораздо больше, чѣмъ мухаммеданъ. Итакъ нужна была какая-нибудь другая религія, къ которой могли бы безразлично отнестись и побѣдители и

побѣжденные и которая превосходила бы и мухаммеданство и идолопоклонство. Таковою могла быть религія христіанская, которую іезуиты столь успѣшно распространяли въ Индіи, особенно въ португальскихъ владѣніяхъ. Все это придумано было іезуитами очень умно и основательно и легко могло увлечь государя умнаго, властолюбиваго и ничего такъ не желавшаго, какъ прочнѣйшаго утвержденія своей власти. Нужно было только все это поставить на видъ Акбару и убѣдить его привести въ исполненіе составленные іезуитами планы религіознаго объединенія мухаммеданъ и идолопоклонниковъ. Для обезпеченія себѣ болѣе вѣрнаго успѣха миссіонеры привлекли на свою сторону любимаго министра императора Абуль-Фазля, человѣка совершенно индифферентнаго въ дѣлѣ религіи, но принимавшаго очень близко къ сердцу прочность монгольскаго господства въ Индіи, и рѣшились дѣйствовать на Акбара чрезъ него, а не прямо. Абуль-Фазль совершенно увлекся планами іезуитовъ и сдѣлался ихъ послушнымъ орудіемъ. Онъ поставилъ императору на видъ, что мухаммеданство, какъ религія побѣдителей, никогда не была принимаема индусами, совѣтовалъ ему испытать, не удастся ли христіанству одному занять въ Индостанѣ мѣсто мухаммеданства и идолопоклонства и съ цѣлію скорѣе склонить его къ принятію своихъ совѣтовъ постоянно началъ говорить ему объ І. Христѣ и о нелѣпостяхъ мухаммеданства, вообще началъ исполнять всѣ обязанности миссіонера. Результаты были очень благопріятные. Іезуитскіе планы объединенія монголовъ и индусовъ обѣщали очевидныя выгоды для упроченія власти завоевателей и было бы слишкомъ непрактично пренебречь ими и оставить ихъ безъ вниманія. Акбару видимо очень поправились эти планы. Онъ внезапно почувствовалъ чрезвычайную любовь къ христіанству и подалъ миссіонерамъ надежду на рѣшительный поступокъ. Казалось, всѣ старанія іезуитовъ готовы были увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ „раждающуюся вѣру“ Акбара постигло испытаніе. Патаны—одно изъ индійскихъ племенъ, подвластныхъ монголамъ, возмутились и угрожали свергнуть съ себя власть Акбара. Во главѣ инсургентовъ сталъ братъ императора, Мухаммедъ Хакимъ Мирза и все востаніе грозило принять видъ вооруженнаго протеста мухаммеданъ противъ отступничества императора. Муллы проповѣдывали, что въ этомъ возстаніи проявляется гнѣвъ Бо-

жій на отступника. Акбаръ началъ серьезно опасаться за свою власть, принужденъ былъ разойтись съ іезуитами и началъ вести себя осторожнѣе. Онъ почти совершенно прекратилъ свои свиданія и бесѣды съ ними и удалилъ ихъ изъ своего дворца. Іезуиты начали было уже отчаяваться и подумывать о возвращеніи въ Гоа, но Абуль-Фазль не измѣнялъ имъ. Онъ продолжалъ поддерживать Акбара въ его прежнихъ намѣреніяхъ и приносилъ ободряющія вѣсти. „Императоръ—говорилъ имъ Абуль-Фазль однажды—съ удовольствіемъ увидѣлся бы съ вами во дворцѣ. Но политическіе расчеты препятствуютъ ему публично объявить себя въ пользу христіанской религіи, которую вы ему проповѣдали. Я вчера самъ видѣлъ, какъ онъ съ благоговѣніемъ клалъ евангеліе на свою голову—честь, которой онъ не удостоивалъ Алкоранъ, когда ему представляли его. Подождите же и дайте время созрѣть обращенію, которое ваша ревность начала столь успѣшно“ (1). Дѣйствительно положеніе іезуитовъ вскорѣ измѣнилось къ лучшему. Возстаніе было подавлено и Акбаръ началъ обращаться съ ними еще благосклоннѣе. Это возстаніе, если съ одной стороны испугало Акбара и заставило его быть осторожнѣе, то съ другой стороны оно должно было укрѣпить его въ его прежнихъ намѣреніяхъ, потому что подтверждало мысль о необходимости въ видахъ упроченія власти и обезпеченія спокойствія серьезнѣе заняться религіозными дѣлами и принять мѣры къ объединенію мухаммеданъ и язычниковъ. Поэтому, какъ только миновалась опасность, Акбаръ снова началъ свои свиданія съ іезуитами и бесѣды съ ними о религіи и наконецъ поручилъ имъ и старшаго сына своего наставить въ европейскихъ знаніяхъ. Однако приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ Акбаръ все-таки медлилъ, ссылаясь на свои кровныя связи съ мухаммеданствомъ и трудность борьбы съ нимъ. Эта медлительность очень не нравилась нетерпѣливымъ миссіонерамъ и они опять начали просить позволенія возвратиться въ Гоа. Акбаръ не соглашался на ихъ просьбы. „Вы знаете отецъ мой—говорилъ онъ Аквавивѣ—какъ необходимо мнѣ ваше присутствіе. Чѣмъ труднѣе разрѣшить мои узы, тѣмъ нуж-

(1) Hear. t. II. p. 161.

нѣе для меня опытныя руки, которыя распутали бы всѣ узлы. Ужели вы оставите меня въ такой крайности"? Помощь іезуитовъ дѣйствительно была нужна. Акбаръ повидимому рѣшился наконецъ приступить къ выполненію своихъ плановъ и нуждался въ опытныхъ руководителяхъ. Іезуиты остались и также приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Кажется, они сдѣлали большія уступки въ ущербъ чистотѣ христіанскаго ученія и начали приготовлять насильственный переворотъ. Впрочемъ, не желая подвергаться опасностямъ во время междоусобій, они старались дѣйствовать скрытно и осторожно и видимо хотѣли очистить сцену для будущихъ событій, чтобы въ случаѣ неудачи не потерять слишкомъ много. Аквавива написалъ къ провинціалу ордена, что достаточно будетъ и одного іезуита оставить при Акбарѣ для наблюденія за его расположеніями. Вслѣдствіе этого Генрикецъ долженъ былъ отправиться въ Гоа, Монтсерратъ съ своимъ питомцемъ въ Лагоръ, а Аквавива одинъ остался при Акбарѣ въ Фетипурѣ „надзирать за добрыми минутами императора". Здѣсь Аквавива всталъ въ самыя близкія отношенія къ императору, такъ что мухаммеданская партія чрезвычайно встревожилась и миссіонеръ неоднократно подвергался опасности потерять жизнь. Неизвѣстно достовѣрно, каково было содержаніе бесѣдъ Аквавивы съ императоромъ, но, если можно судить объ этомъ по послѣдующимъ событіямъ, то, по всей вѣроятности, всѣ усилія миссіонера были направлены къ тому, чтобы убѣдить Акбара насильственнымъ образомъ ввести, если не настоящее христіанство, то, по крайней мѣрѣ, искаженное примѣсью мухаммеданства и язычества, вообще *нѣкотораго рода унію между христіанствомъ, мухаммеданствомъ и язычествомъ*. Правда іезуиты всячески хотятъ устранить себя отъ участія въ этомъ дѣлѣ и самую мысль ввести подобнаго рода христіанство приписываютъ (1) частію Абуль-Фазлю, частію самому Акбару, который вслѣдствіе своихъ военныхъ успѣховъ возмечталъ о себѣ слишкомъ много. Но все-таки дѣло остается довольно подозрительнымъ, а участіе въ немъ іезуитовъ почти несомнѣннымъ. Едвали могла прійти сама собою такая мысль Акбару или его министру: хотя оба они были довольно

(1) Ibid. t. II. p. 160.

равнодушны къ религіи вообще и въ частности къ религіи мухаммеданской, но все-таки они были воспитаны въ мухаммеданствѣ, гордились своимъ монгольскимъ происхожденіемъ и несомнѣнно находились подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ. У іезуитовъ же такой образъ дѣйствія былъ очень обыкновененъ: для китайцевъ они составили другую религію нисколько почти непохожую на христіанскую; индійцамъ и японцамъ они также дѣлали огромныя уступки въ ущербъ чистотѣ христіанскаго ученія, съ цѣлію впослѣдствіи пріучить новообращенныхъ къ настоящему христіанству. Поэтому и въ то время никто не вѣрилъ, чтобы поведеніе Акбара было независимо отъ іезуитскихъ вліяній. Мухаммедане пылали страшною злобою къ Аквавивѣ и императоръ, оставляя Фетипуръ для того, чтобы начать военныя мѣры къ религіозному объединенію своихъ подданныхъ, предложилъ ему стражу. Но іезуитъ, не желая такимъ образомъ возбуждать еще большія подозрѣнія мухаммеданъ, не согласился, сказавъ, что онъ довольно защищенъ надеждою на Бога и что для него лучше погибнуть, чѣмъ имѣть недостатокъ въ этой надеждѣ. Случившаяся война и побѣды, одержанныя Акбаромъ, послужили благопріятнымъ обстоятельствомъ для того, чтобы начать приводить въ исполненіе іезуитскіе планы. Акбаръ открыто объявилъ новую религію господствующею, и самого себя провозгласилъ „Шо-джеладдиномъ“ т. е. могущественнымъ царемъ господствующаго закона. Эта новая религія была не что иное, какъ смѣсь христіанства съ мухаммеданствомъ и браманизмомъ, но, въ какой мѣрѣ та или другая религія преобладала въ этой смѣси, рѣшить трудно. Іезуиты не сообщаютъ никакихъ подробностей объ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ и о ходѣ событій въ то время, когда Акбаръ началъ приводить въ исполненіе вышеуказанные планы. Вѣроятно Акбаръ встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе и вскорѣ принужденъ былъ оставить дѣло. Іезуиты тоже вѣроятно вскорѣ убѣдились въ неудобопримѣнимости своихъ плановъ и рѣшились заблаговременно оставить возбужденную революцію ея собственному теченію. Аквавива, узнавъ о рѣшительномъ поступкѣ Акбара, отправился въ Лагоръ, гдѣ находился тогда императоръ, и началъ просить дозволенія возвратиться въ Гоа. „Государь—сказалъ онъ Акбару—время моего отбытія настало. Вамъ неприлично болѣе держать меня при себѣ и дозволять мнѣ оставаться до-

лѣе при вашемъ дворѣ. Познаніями, которыя мы сообщили вамъ о христіанствѣ, вы воспользовались только для того, чтобы *опрофанировать его смѣшеніемъ съ идолопоклонствомъ и мухаммеданскимъ нечестіемъ. Сообразнъ этого нововведенія падаетъ отчасти и на меня, и на меня смотрятъ, какъ на виновника его.* Мой долгъ протестовать противъ этого публичнымъ отрицаніемъ. Мой добровольный отъѣздъ покажетъ, что не мои внушенія приготовили революцію, которую вы начинаете“ (1). Акбаръ старался было удержать Аквавиву, котораго очень любилъ, но потомъ, вѣроятно понявъ настоящій смыслъ его поступка, уступилъ и отпустилъ его съ честью, подаривъ ему на прощаньи въ знакъ своего расположенія одно христіанское семейство рабовъ. Съ этой добычей, „выхваченной у невѣрія“, Аквавива возвратился въ Гоа, откуда провинціалъ послалъ его въ качествѣ миссіонера и ректора коллегіи на островъ Сальцетту. Въ 1583 г. онъ былъ тамъ убитъ идолопоклонниками, мѣсяцъ спустя, послѣ своего возвращенія изъ монгольской имперіи. Монтсерратъ оставилъ эту имперію вѣроятно еще ранѣе Аквавивы, будучи посланъ Акбаромъ въ качествѣ посла къ испанскому королю Филиппу. Выполнить это порученіе онъ не успѣлъ и въ 1589 г. былъ посланъ миссіонеромъ въ Абиссинію, но и туда не съумѣлъ проникнуть и, послѣ разныхъ приключеній, возвратился въ Гоа въ 1596 г.

Но этимъ не кончились попытки іезуитовъ ввести христіанство въ монгольской имперіи. Іезуиты, удалившись изъ этой имперіи сами, оставили тамъ своего ревностнаго приверженца Абуль-Фазля, который продолжалъ поддерживать въ прежнихъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ потерпѣвшаго неудачу императора. Онъ совѣтовалъ ему призвать новыхъ іезуитовъ, которые съумѣютъ подъ его покровительствомъ достигнуть цѣли. Вслѣдствіе этого Акбаръ послалъ гоанскимъ іезуитамъ новое пригласительное письмо слѣдующаго содержанія: „Во имя Господа. Могущественнѣйшій и непобѣдимѣйшій императоръ Акбаръ привѣтствуетъ отцевъ св. Павла, которые находятся въ милости у Бога, наслаждаются дарами Св. Духа, подчиняются закону Мессіи и приводятъ людей къ познанію истины. То, что я говорю теперь, я

(1) Henr. t. II. p. 162.

принялъ отъ васъ, почтеннѣйшіе отцы, бѣгающіе міра и презирающіе почести и богатство. Я заботливо изучалъ всѣ религіи міра и однако чувствую, что недовольно еще наставленъ въ таинствахъ христіанской религіи и поэтому желаю получить болѣе совершенныя наставленія чрезъ посредство вашихъ отцевъ, которыхъ я люблю и бесѣда съ которыми доставитъ мнѣ удовольствіе. Армянинъ Гримонъ, который вручитъ вамъ мое письмо, увѣрилъ меня, что я найду среди васъ людей опытныхъ и способныхъ разрѣшить всѣ мои сомнѣнія. Итакъ придите посрамить здѣсь всѣхъ учителей закона мухаммеданскаго и будьте увѣрены, что я буду радоваться вашимъ побѣдамъ. Если миссіонеры, которыхъ вы мнѣ пришлете, захотятъ прочно утвердиться въ моей столицѣ, то я дамъ имъ домъ и привиллегіи еще большія, чѣмъ тѣ, какія они имѣли прежде. Если они сочтутъ за лучшее возвратиться въ Гоа, то я дамъ имъ позволеніе и отпущу ихъ съ честью“ (1). Къ этому письму приложена была значительная сумма денегъ, которую податель письма, армянскій діаконъ Гримонъ, вѣроятно приверженецъ іезуитовъ, долженъ былъ раздать бѣднымъ въ Гоѣ. Во исполненіе просьбы, заключающейся въ этомъ письмѣ, ко двору Акбара назначены были два іезуита, Эдуардъ Лейтонъ и Кристофъ де-Вега. Прибывъ въ 1591 г. въ Лагоръ, они нашли, что императоръ, судя по внѣшности, серьезно былъ преданъ христіанству. Всѣхъ женщинъ своего сераля онъ распустилъ и оставилъ себѣ только одну жену. Многіе христіанскіе обряды онъ соблюдалъ публично: такъ въ праздникъ успенія Богородицы онъ воздвигъ въ своихъ палатахъ тронъ, поставилъ на него образъ Богоматери и поклонялся ему вмѣстѣ съ своими дѣтьми и придворными, которые за это получали отъ своего повелителя подарки. Миссіонеровъ онъ принялъ чрезвычайно ласково, позволилъ имъ открыть школу для обученія индусовъ чтенію и письму по-португальски, часто бесѣдовалъ съ ними о христіанской религіи и при этомъ высказывалъ къ ней большое сочувствіе и уваженіе. Но „удивляясь христіанской религіи, онъ однако не принималъ ее“ и это было чрезвычайно непріятно миссіонерамъ, горѣвшимъ „нетерпѣ-

(1) Пепг. t. II. p. 164.

ніемъ и ревностію, исключавшими всякое промедленіе“ (1). Не довольствуясь свободою проповѣди и покровительственнымъ благорасположеніемъ Акбара и не удовлетворяясь мирными миссіонерскими занятіями, они рѣшились оставить свой постъ и самовольно возвратились въ Гоа. Этотъ поступокъ миссіонеровъ, несообразный съ іезуитской дисциплиной и видами высшаго начальства, очень не понравился генералу іезуитовъ. Онъ выразилъ свое крайнее неудовольствіе и опредѣлилъ послать въ монгольскую имперію новыхъ миссіонеровъ. Для этой цѣли были избраны Іеронимъ Ксавье, племянникъ знаменитаго апостола Индіи Франциска Ксавье, и Эммануилъ Пинейро.

Получивъ назначеніе и надлежащія инструкціи, миссіонеры отправились ко двору Акбара и въ маѣ 1595 г. прибыли въ Лагоръ. Акбаръ, по обыкновенію, принялъ ихъ очень ласково и отвелъ имъ помѣщеніе вблизи своего дворца, въ безопасномъ мѣстѣ на берегу Ганга. При первомъ же свиданіи онъ показалъ миссіонерамъ иконы І. Христа и Богоматери, которыя подарены были ему прежними миссіонерами и къ которымъ онъ относился съ великимъ благоговѣніемъ.—Увидѣвъ иконы, іезуиты преклонились передъ ними. Ихъ примѣру, вслѣдствіе дѣтской подражательности, послѣдовалъ находившійся тутъ внукъ Акбара, сынъ наслѣдника престола. Это развеселило Акбара и онъ сказалъ внуку: „сынъ мой! пусть эти европейскіе проповѣдники будутъ для тебя отцами: подражай имъ, слушайся ихъ наставленій и сдѣлайся такимъ образомъ достойнымъ управлять обширной страной, которую я для тебя завоевалъ“. Іезуиты хорошо запомнили эти слова, надѣясь, что этотъ будущій повелитель монгольской имперіи отданъ будетъ имъ на воспитаніе и что такимъ образомъ шансы для будущаго утвержденія христіанства между монголами увеличатся еще болѣе. Впрочемъ и при настоящемъ положеніи дѣлъ они могли надѣяться на очень многое. Одинъ изъ сыновей императора былъ ихъ воспитанникъ; самъ императоръ выказывалъ къ нимъ необыкновенную благосклонность и даже уваженіе. Когда они приближались къ его трону, онъ всегда привѣтствовалъ ихъ наклоненіемъ головы и сажалъ ихъ около себя—отличіе,

(1) Henr. t. II. p. 164.

котораго онъ не удостоивалъ ни посланниковъ, ни даже владѣтельныхъ особъ—своихъ подданныхъ, которые иногда приходили къ его двору. Онъ часто присутствовалъ при празднествахъ, которыя совершали іезуиты въ своей капеллѣ, участвовалъ въ ихъ молитвахъ и вмѣстѣ съ ними преклонялъ колѣна предъ христіанскимъ алтаремъ. Сверхъ того Акбаръ подарилъ миссіонерамъ мѣсто для построенія храма и обѣщалъ всѣ издержки построенія его взять на себя. Іезуиты съ своей стороны старались употреблять всѣ средства къ тому, чтобы вызвать въ Акбарѣ рѣшимость принять крещеніе. Ксавье, съ цѣлію убѣдить Акбара въ истинности и превосходствѣ христіанства и именно римскаго, написалъ для него на персидскомъ языкѣ исторію І. Христа и исторію св. Петра (1). По замѣчанію миссіонеровъ, Акбаръ прочелъ эти книги съ удовольствіемъ (2).—Но несмотря на эту внѣшнюю, очень замѣтную благорасположенность къ христіанству, Акбаръ не только не принималъ крещенія, но изъ политическихъ видовъ и вслѣдствіе своего равнодушія ко всѣмъ религіямъ, старался иногда угождать даже идолопоклонству. Въ пасху 1597 г. онъ, желая польстить язычникамъ, вздумалъ праздновать, сообразно съ ихъ обычаями, праздникъ въ честь солнца. Но случившаяся гроза испортила торжество: дворецъ загорѣлся отъ молніи и былъ истребленъ пожаромъ вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ заключавшихся въ немъ драгоцѣнностей. Ксавье воспользовался случаемъ, чтобы указать Акбару на этотъ пожаръ, какъ на ясное наказаніе Божіе и, повидимому, произвелъ на императора сильное и очень благопріятное для христіанства впечатлѣніе. Съ этихъ поръ Ксавье сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Акбара. Когда обстоятельства потребовали присутствія Акбара въ Кашмирѣ, то Ксавье и другой іезуитъ, Бенедиктъ Гоэсъ, недавно прибывшій изъ Гоа на помощь первому, должны были сопровождать его туда (3). Между тѣмъ Ак-

(1) Historia Christi и Historia s. Petri, хотя и несовсѣмъ въ исправномъ видѣ, были изданы потомъ въ 1639 г. и въ Европѣ (Lugduni Batavorum) Людовикомъ de Dieu. См. Lee, Controversial tracts on Christianity dan Mohammedanism. Cambridge. 1824. p. VI.

(2) Ранке, Рим. папы. рус. пер. 1847 г. кн. 7. стр. 133.

(3) Pimenta, Nova relatio de rebus in India orient. a patribus sotiet. Jesu an. 1598—1599 gestis. Mogunt. 1601. p. 167—179. Здѣсь между

бара начали преслѣдовать семейныя несчастія. Въ 1599 г. умеръ старшій сынъ его, Мурадъ-мирза Это могло бы обрадовать іезуитовъ, такъ какъ вслѣдствіе этого наслѣдникомъ престола становился второй сынъ Акбара, воспитанникъ Монтсеррата, Пашари или Даніэль-мирза, но чрезъ нѣсколько времени умеръ и онъ. Смерть этого, повидимому, любимаго сына произвела тяжелое впечатлѣніе на стараго императора. Онъ сдѣлался религіознѣе и воспріимчивѣе къ увѣщаніямъ миссіонеровъ, которые со смертію Пашари также потеряли очень много и желали вознаградить себя за потерю, крестивъ императора. Неизвѣстно впрочемъ, достигли ли они своей цѣли. Акбаръ умеръ 13-го октября 1605 г. въ Агрѣ и былъ погребенъ недалеко отъ этого города въ великолѣпной гробницѣ, построенной имъ самимъ. Во внутренности этой гробницы впослѣдствіи нашли, скрытыя прежде за великолѣпными обоями, распятіе и двѣ христіанскія статуи, св. Дѣвы и Игнатія Лойолы. На этомъ основаніи думаютъ, что предъ смертію, хотя можетъ быть и тайно, Акбаръ принялъ крещеніе (1).

Между тѣмъ какъ Іеронимъ Ксавье старался объ обращеніи Акбара, товарищъ его Пинейро занимался проповѣданіемъ христіанства подданнымъ Акбара въ Лагорѣ, гдѣ уже была построена церковь. Сначала Пинейро встрѣчалъ здѣсь большія затрудненія: ему удавалось крестить только умирающихъ и то обманомъ (2). Мало помалу религіозными церемоніями онъ заинтересовалъ индусовъ въ пользу христіанства и они охотно стали дозволять миссіонеру совершать надъ собой обрядъ крещенія, въ большинствѣ случаевъ не придавая этому обряду никакого значенія. „Въ 1598 г. рождество (Христово) праздновано было въ Лагорѣ самымъ торжественнымъ образомъ: ясли были выставлены въ теченіе 20 дней; многочисленные оглашенные стекались въ церковь

прочимъ іезуиты отъ одного мухаммеданскаго купца узнали, что отсюда можно проникнуть въ Китай, гдѣ есть христіане, и Акбаръ обѣщалъ самое дѣятельное содѣйствіе миссіонерамъ, если кто-нибудь изъ нихъ захочетъ проникнуть этимъ, неизвѣстнымъ еще тогда для европейцевъ путемъ. Гоэсъ воспользовался этимъ обѣщаніемъ и вскорѣ послѣ этого совершилъ свое знаменитое путешествіе въ Китай чрезъ среднюю Азію.

(1) Diction. des Missions. t. I, art. Xavier. p. 1392.

(2) Какого рода былъ обманъ, см. выше прим. на стр. 130 и 131.

съ пальмами въ рукахъ и принимали крещеніе“ (1). Въ томъ же году въ праздникъ пятидесятницы было преподано крещеніе множеству оглашенныхъ. Церемонія была устроена великолѣпная: улицы Лагора были покрыты вѣтвями съ цѣлію умѣрить жаръ солнца. Тамбурины, барабаны и другіе инструменты предшествовали неофитамъ, которые отправлялись процессіею въ церковь. Пинейро ждалъ ихъ въ дверяхъ и крестилъ въ виду множества народа, привлеченнаго новостію зрѣлища (2). Вскорѣ на помощь Пинейро прибылъ другой іезуитъ Карси (3) и дѣло обращенія пошло еще успѣшнѣе. Такъ продолжалось до смерти Акбара. Но и послѣ этого событія дѣла іезуитовъ не сдѣлались хуже, какъ можно бы было опасаться.

Преемникомъ Акбара былъ сынъ его Селимъ, по воцареніи своемъ принявшій имя Джеангира. Іезуиты писали о немъ, что онъ былъ менѣе расположенъ къ христіанству, чѣмъ его отецъ, что „если ему что нравилось въ христіанской религіи, то только свобода относительно употребленія вина и всѣхъ родовъ пищи“ (4). Дѣйствительно въ началѣ своего правленія онъ изъ политическихъ видовъ старался казаться ревностнымъ мухаммеданиномъ и однажды приказалъ даже силою обрѣзать двухъ христіанскихъ дѣтей. Но на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ души онъ былъ столь же равнодушенъ къ мухаммеданству, какъ и его отецъ. Какъ только новый императоръ почувствовалъ, что уже прочно утвердился на престолѣ, онъ началъ вести себя по отношенію къ христіанству столь же благосклонно и терпимо, какъ и Акбаръ. Несмотря на отвращеніе мухаммеданъ ко всякаго рода изображеніямъ, особенно предметовъ священныхъ, Джеангиръ наполнилъ свой дворецъ въ Агрѣ христіанскими иконами. Въ галлереѣ, гдѣ онъ давалъ аудіенціи, на самыхъ видныхъ мѣстахъ были поставлены иконы Спасителя и нѣкоторыхъ святыхъ: Іоанна крестителя, Павла, Антонія, Григорія, Амросія, Бернандина сьенскаго и другихъ. На обоихъ было изображено бичеваніе Спасителя и другія священныя

---

(1) Ранке, Рим. папы. кн. 7. стр. 132.
(2) Diction. des Miss. t. I. art. Pinheiro. p. 1112.
(3) Ibid. p. 382, 383. art. Corsi.
(4) Hengr. t. II. p. 171.

христіанскія событія. Кромѣ своей императорской печати онъ употреблялъ еще другую, на которой съ одной стороны былъ изображенъ Спаситель, а съ другой св. Дѣва. Миссіонеры вскорѣ начали пользоваться такою благосклонностію и покровительствомъ, что могли исполнять свои обязанности въ монгольской имперіи такъ же свободно и безопасно, какъ будто жили въ какой-нибудь католической странѣ, и они старались повидимому дѣлать все, что могли для пользы христіанства въ этой странѣ и особенно для обращенія императора. Не довольствуясь устными, очень частыми бесѣдами съ нимъ о христіанской религіи, они старались подѣйствовать на него и письменными опроверженіями мухаммеданства и апологіями христіанства. Въ этомъ направленіи довольно много трудился Ксавье. Кромѣ выше-упомянутыхъ трактатовъ о жизни І. Христа и ап. Петра, которые, хотя составлены были собственно для Акбара, но безъ сомнѣнія извѣстны были и Джегангиру, онъ еще спеціально для Джегангира написалъ на персидскомъ языкѣ (въ 1609 г.) обширный трактатъ въ защиту христіанства и въ опроверженіе мухаммеданства подъ названіемъ: „Зеркало показывающее истину“ (1). Трактатъ этотъ заключалъ въ себѣ подробныя доказательства превосходства христіанской религіи предъ мухаммеданствомъ, истинности первой и лживости послѣдняго и былъ написанъ очень умно, логично и доказательно.

---

(1) Подобное оглавленіе на персидскомъ и англійскомъ языкахъ можно найти въ книгѣ Lee, Controversial tracts on Christianity and Mohammedanism. p. XIII—XLI. Трактатъ состоитъ изъ пяти главъ, въ каждой по нѣскольку отдѣленій. Въ первой главѣ доказывается необходимость религіи вообще и откровенной въ частности и указывается критерій для отличенія истинной религіи отъ ложныхъ. Во второй главѣ излагается христіанское ученіе о Богѣ единомъ, о троичности лицъ, объ ангелахъ о человѣкѣ и его паденіи и необходимости искупленія. Въ третьей говорится объ І. Христѣ, какъ искупителѣ, о Его божествѣ и необходимости воплощенія Бога для искупленія человѣка, о чудесахъ І. Христа и о Евангеліи, при чемъ доказывается, что Евангеліе написано по вдохновенію Св. Духа, что оно не повреждено, и что сами мухаммедане должны вѣрить Евангелію, такъ какъ оно не отмѣнено Кораномъ. Въ четвертой и пятой главахъ дѣлается сравненіе христіанской религіи съ мухаммеданствомъ, направленное къ опроверженію послѣдняго. Списокъ этого трактата, бывшій въ рукахъ у Lee, заключалъ въ себѣ около 800 стр. in folio.

Въ свое время онъ былъ замѣченъ мухаммеданами и вызвалъ со стороны ихъ опроверженіе, хотя слабое и неполное (1). Но на императора онъ не произвелъ надлежащаго дѣйствія. Джегангиръ и послѣ этого не принималъ крещенія, хотя попрежнему благосклонно относился къ миссіонерамъ и ихъ дѣятельности. Болѣе чувствительны были къ доводамъ миссіонеровъ нѣкоторые члены императорскаго семейства. Въ 1610 г. приняли крещеніе три принца изъ императорскаго дома и Джегангиръ этому не воспрепятствовалъ. Можно подозрѣвать (какъ дѣлаютъ (2) это сами латинскіе историки), что Джегангиръ позволилъ своимъ родственникамъ принять крещеніе единственно изъ политическихъ видовъ, чтобы увеличить для нихъ препятствія къ наслѣдованію его престола; но тѣмъ не менѣе это было обстоятельство очень благопріятное для утвержденія христіанства въ монгольской имперіи. Іезуиты были очень обрадованы и церемонію крещенія совершили при самой торжественой обстановкѣ: принцы ѣхали въ церковь на бѣлыхъ слонахъ, Ксавье встрѣчалъ ихъ при звукѣ трубъ и цимбаловъ (3). Такимъ образомъ мало помалу христіанство начало утверждаться въ монгольской имперіи, хотя съ нѣкоторыми колебаніями, смотря по степени дружелюбія монголовъ къ португальцамъ. Въ 1621 г. учреждена была іезуитская коллегія въ Агрѣ и станція въ Патнѣ (4). Иногда даже самъ императоръ строилъ церкви и другія христіанскія зданія (5). Такъ въ Дели онъ на свой счетъ выстроилъ двѣ христіанскія церкви, въ Лагорѣ церковь и домъ. Особенно къ концу своей жизни императоръ началъ подавать миссіонерамъ надежды на свое обращеніе въ христіанство. Онъ часто заставлялъ іезуитовъ состязаться съ мухаммеданами въ своемъ присутствіи и при этомъ всегда будто бы отдавалъ преимущество Евангелію (6). Однако все

---

(1) Опроверженіе было написано въ 1621 г. нѣкіимъ Ахмедомъ-ибнъ Заинъ-Эль-Абидиномъ на персидскомъ же языкѣ подъ заглавіемъ: «Божественный лучь въ опроверженіе христіанскаго заблужденія». Содержаніе его у Lee. Contr. tracts. p. XLI—CI.

(2) Henr. t. II. p. 172.

(3) Ранке, Рим. папы. кн. 7. стр. 133.

(4) Тамже.

(5) Lettres edifiantes, ed. Aime-Martin. t. I. p. 408.

(6) Henr. t. II. p. 171.

это не мѣшало ему оффиціально оставаться мухаммеданиномъ. Очевидно благосклонность Джегангира къ христіанству имѣла далеко не тотъ смыслъ, какой хотѣлось бы видѣть въ ней миссіонерамъ. Эта благосклонность основывалась не на живомъ сознаніи превосходства христіанской религіи предъ мухаммеданствомъ, а на религіозномъ индифферентизмѣ, который еще со временъ Чингизъ-хана былъ какъ-бы наслѣдственнымъ у монгольскихъ государей. Подобно отцу своему Акбару, Джегангиръ ко всѣмъ религіямъ былъ равнодушенъ; не будучи убѣжденъ въ истинности ни христіанства, ни мухаммеданства, ни тѣмъ болѣе язычества, онъ на всѣ религіи смотрѣлъ какъ на учрежденія человѣческія и государственныя; во всѣхъ нихъ находилъ свои недостатки, которые ему не нравились, и свои достоинства, которыя нравились. Неудивительно поэтому, что онъ, подобно отцу своему, считалъ себя способнымъ сочинить новую, лучшую религію посредствомъ выборки изъ старыхъ всего того, что ему въ нихъ нравилось. Мысль Акбара о религіозномъ объединеніи разноплеменнаго населенія монгольской имперіи посредствомъ введенія новой религіи не умерла вмѣстѣ съ нимъ. Джегангиръ усвоилъ ее и, подобно отцу, старался привести ее въ исполненіе. Онъ начиналъ было сочинять даже нѣчто въ родѣ кодекса новой религіи—книгу правилъ новой вѣры, но, по замѣчанію историковъ, „ему не доставало ни ума, ни способностей Мухаммеда“ (1). Человѣка съ такими взглядами на религію трудно было сухими логическими доводами, какъ это дѣлали іезуиты, убѣдить въ абсолютномъ превосходствѣ какой бы то ни было религіи и склонить къ ея принятію. Вслѣдствіе крайняго недостатка религіозности, которую іезуиты повидимому вовсе не старались возбудить, онъ могъ соглашаться только съ тѣмъ, что доступно человѣческому пониманію, но не съ тѣмъ, чему слѣдовало вѣрить.

Подъ конецъ іезуиты, кажется, начали уже отчаяваться въ возможности убѣдить Джегангира принять христіанство путемъ логическихъ доводовъ. По крайней мѣрѣ они начали прибѣгать къ такого рода доказательствамъ, которыя могли быть внушены имъ только отчаяніемъ, или крайнимъ нетер-

(1) Энц. лекс. Плюшара. т. 4. стр. 18.

нѣніемъ. Въ этомъ отношеніи довольно замѣчателенъ диспутъ, происходившій вѣроятно уже въ послѣдніе годы царствованія Джегангира, между мухаммеданскими муллами и іезуитомъ Іосифомъ Акостою, преемникомъ Ксавье и тогдашнимъ суперьеромъ іезуитовъ въ монгольской имперіи. Генріонъ разсказываетъ объ этомъ диспутѣ слѣдующее: „однажды Джегангиръ приказалъ отцу Іосифу Акостѣ предложить учителямъ исламизма самыя сильныя возраженія противъ Корана. Іезуиты удовлетворили государя и произвели замѣшательство среди муллъ. Между тѣмъ болѣе дерзкіе изъ нихъ ссылались на то, что будто Библія поддѣлана. На это Акоста хладнокровно отвѣчалъ: пусть разведутъ огромный огонь и пусть представитель мухаммеданъ войдетъ въ него съ одной стороны, держа въ рукахъ Коранъ, а я съ Евангеліемъ въ рукахъ войду съ другой. Тогда видно будетъ, въ чью пользу объявитъ себя небо, въ пользу І. Христа, или Мухаммеда. При этихъ словахъ Джегангиръ обратилъ свои взоры на приведенныхъ въ ужасъ мухаммеданъ, но изъ сожалѣнія къ нимъ не допустилъ столь опаснаго испытанія. Что касается до іезуита, то съ этихъ поръ его стали называть не иначе, какъ отцемъ Атаксомъ, т. е. отцемъ огня“ (1). Этотъ поступокъ іезуита показываетъ, какъ велико было нетерпѣніе миссіонеровъ, если они для доказательства истины своего ученія рѣшились прибѣгать къ столь рискованнымъ доказательствамъ. Протестанты разсказываютъ даже, что для тойже цѣли іезуиты прибѣгали иногда и къ другимъ еще, въ высшей степени подозрительнымъ, средствамъ. Таковъ разсказъ протестанта Бгоэ, повторяемый Катру и Генріономъ—католиками (2) объ обезьянѣ, которая въ присутствіи Джегангира три раза вынимала изъ вазы, наполненной билетиками съ названіями разныхъ религій, билетъ съ названіемъ религіи христіанской и такимъ образомъ доказала императору превосходство этой послѣдней религіи. Однакожъ и это доказательство на него не подѣйствовало: онъ умеръ мухаммеданиномъ или вѣрнѣе внѣ всякой религіи въ 1627 г.

Преемникъ его Джеханъ тоже былъ очень равнодушенъ къ религіи, а потому относился къ миссіонерамъ, подобно

---

(1) Henr. t. II. p. 171—172.
(2) Ibid. p. 173.

отцу и дѣду, очень благосклонно и терпимо. По свидѣтельству позднѣйшихъ іезуитовъ (1), во время его царствованія христіанская миссія въ монгольской имперіи дѣлала еще значительные успѣхи, но впрочемъ главнымъ образомъ среди идолопоклонниковъ, а не среди мухаммеданъ. Убѣдившись въ трудности обращенія мухаммеданъ, миссіонеры почти совершенно отступились отъ нихъ и обратили все свое вниманіе на идолопоклонниковъ—индусовъ, которыхъ притомъ же въ монгольской имперіи было гораздо болѣе, чѣмъ мухаммеданъ. Такимъ образомъ собственно противумухаммеданская миссія отступила на задній планъ.—Но вскорѣ миссіонеры должны были сократить свои дѣйствія и среди идолопоклонниковъ. Преемникъ Джехана, Аурунгзибъ (1658—1707) въ отношеніи вѣротерпимости далеко не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ (2). Онъ былъ искренно преданъ мухаммеданству и вслѣдствіе того отличался нетерпимостію и часто дозволялъ себѣ употреблять насильственныя мѣры къ утвержденію и распространенію мухаммеданства. Все это неблагопріятно отзывалось на христіанской миссіи и она видимо начала клониться къ паденію. Она не прекращала впрочемъ своего существованія до самаго конца XVIII в., но существовала въ очень неблестящемъ видѣ. Іезуитское правительство, вѣроятно не ожидая отъ нея особенной пользы, мало обращало на нее вниманія и не хотѣло пользоваться даже благопріятными обстоятельствами, по временамъ являвшимися, для усиленія этой миссіи. Въ 1701 г. одинъ изъ іезуитовъ, Діонусъ писалъ директору французскихъ миссій въ Китаѣ и восточной Индіи о необходимости обратить бо́льшее вниманіе на миссію въ монгольской имперіи. Онъ выставлялъ на видъ то обстоятельство, что мухаммеданство въ Индіи было собственно только придворною религіею, что прочіе подданные монголовъ—идолопоклонники очень расположены къ христіанству и что сами мухаммеданскіе принцы не отличаются фанатизмомъ и очень дружелюбно обращаются съ миссіонерами. Въ доказательство онъ указывалъ на принца Алема или Муэззина, старшаго сына Аурунгзиба, впослѣдствіи взошедшаго на престолъ монголь-

(1) Lettres edifiantes. t. I. p. 408.
(2) Энцик. лекс. Плюшара. т. VI. стр. 22.

ской имперіи подъ именемъ Багадуръ-Шаха. „Принцъ Халемъ—писалъ миссіонеръ—постоянно высказываетъ большую доброту къ нашимъ португальскимъ отцамъ, живущимъ въ Агрѣ; онъ даже пригласилъ въ Кабулъ, гдѣ находится съ значительной арміей, стараго миссіонера Дели и Агры, о. Магалгаена, и приказалъ правителямъ и другимъ чиновникамъ мѣстъ, чрезъ которыя отецъ будетъ проходить, снабжать его всѣмъ необходимымъ для путешествія. Думаютъ, что онъ призвалъ этого отца къ своему двору для того, чтобы онъ заботился о христіанахъ, находящихся въ его свитѣ“ (1). Особеннаго вниманія впрочемъ не было обращено на эту миссію іезуитами и они главную заботу о ней уступили другимъ орденамъ. Въ концѣ XVII в. конгрегація пропаганды для попеченія о новообращенныхъ послала сюда епископа Кустода де-Пино (2), родомъ индуса, воспитаннаго въ римской коллегіи пропаганды, но о дѣятельности этого епископа нѣтъ почти никакихъ извѣстій. Въ началѣ XVIII в. здѣсь утвердились капуцины (1707 г.), съ успѣхомъ дѣйствовавшіе отсюда на Тибетъ, а въ Агрѣ поселился капуцинскій епископъ (3). Но благопріятное время для христіанской миссіи здѣсь уже прошло и новые миссіонеры не могли уже остановить ея паденія.

Причины паденія этой миссіи лежали главнымъ образомъ въ разныхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, съ которыми латинскіе миссіонеры не хотѣли, или не умѣли бороться. Съ одной стороны очень вредное вліяніе на эту миссію имѣлъ упадокъ въ Индіи португальскаго могущества. Замѣтивъ этотъ упадокъ, монгольскіе императоры начали относиться гораздо менѣе благосклонно къ миссіонерамъ, которые такимъ образомъ потеряли поддержку, какъ со стороны португальцевъ, такъ и со стороны монгольскихъ властителей. Съ другой стороны много вредили миссіи междоусобія монгольскихъ принцевъ за престолъ и постоянныя войны съ персами. Эти войны и междоусобія, ослабляя имперію, заставляли ея правителей искать союза съ врагами христіанъ и персовъ, турками, и особенно прилѣпляться къ

---

(1) Lettres edifiantes t. II. p. 304—305.
(2) Dict. des Miss. t. I. p. 1112.
(3) Ibid. t. II. p. 571.

мухаммеданству. Дружественныя связи между индійскими монголами и турками, существовавшія и прежде (1), особенно усилились со смертію Джеангира, который въ послѣднее время своей жизни въ 1626 г. посылалъ посольство въ Турцію къ султану Мураду IV (2), прося помощи противъ персидскаго шаха Аббаса. Междоусобія, возникшія послѣ смерти Джеангира, послужили поводомъ къ усиленію этихъ благопріятныхъ для мухаммеданства дружественныхъ связей монголовъ съ турками. Одинъ изъ претендентовъ на престолъ, Байзанкоръ, сынъ извѣстнаго Даніила или Пашари, брата Джеангирова, убѣжалъ въ Константинополь и хлопоталъ здѣсь въ 1633 г. о помощи (3). Таковыя сношенія продолжались и въ послѣдующее время. Гаммеръ упоминаетъ объ индійскихъ посольствахъ въ Турцію подъ 1653, 1656, 1750 (4) и др. годами. Эти дружественныя связи съ Турціей, происходившія главнымъ образомъ вслѣдствіе враждебныхъ отношеній индійскихъ монголовъ къ персамъ, укрѣпляли монгольскихъ государей въ ихъ приверженности къ мухаммеданству и устраняли ихъ вниманіе отъ христіанства. Впрочемъ вражда монголовъ къ персамъ кромѣ того наносила христіанскимъ миссіонерамъ и матеріальный вредъ и вообще часто разрушала всѣ ихъ труды и лишала всякихъ средствъ къ существованію, что также немало должно было способствовать паденію миссіи. „Наше общество—писалъ одинъ французскій миссіонеръ Сень послѣ одного изъ опустошительнѣйшихъ нашествій Надиръ-Шаха 1740 г.,—наше общество имѣло въ Дели двѣ церкви и онѣ сгорѣли во время этого пожара. Эти церкви были построены щедротами императора Джеангира. Этотъ государь, равно какъ и его преемникъ, былъ очень расположенъ къ христіанской религіи, которая во время его правленія сдѣлала здѣсь значительные успѣхи... Тогда питаемы были очень хорошія надежды на будущее; но эти надежды погибли вмѣстѣ съ португальскимъ могуществомъ въ Индіи... Два португальскіе іезуита, жившіе постоянно въ Дели и занимавшіеся здѣсь

(1) Hammer, Geschichte des Osm. Reiches. 1829. B. III. p. 209.
(2) Ibid. B. V. p. 70.
(3) Ibid. V. p. 78. 186.
(4) Ibid. V. p. 593, 645. VIII. p. 133.

попеченіемъ объ остаткахъ христіанъ въ количествѣ 700, были еще довольно счастливы, что избѣжали рѣзни... Домъ одной знатной христіанки, славной своимъ благочестіемъ и бывшей въ большой чести у императора и его двора, имѣлъ туже участь, какъ и наши церкви" (1). Вскорѣ монгольская имперія совершенно обезсилѣла и подпала власти англичанъ. Въ настоящее время въ предѣлахъ этой имперіи замѣтны еще слѣды дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ. Католики имѣютъ тамъ два апостольскіе викаріата (2), одинъ въ Агрѣ, гдѣ считаютъ до 20000 католиковъ, и другой въ Патнѣ, гдѣ католиковъ 4000.

б) *Іезуитская миссія среди татаръ крымскихъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.*

Татары, поселившіеся въ Крыму и первоначально, по крайней мѣрѣ до второй половины XIV в. (3), вмѣстѣ съ другими своими соплеменниками исповѣдавшіе шаманство, съ самыхъ раннихъ поръ своего поселенія здѣсь входили въ самыя близкія сношенія съ крымскими христіанами— западными колонистами и легко могли подтвергаться вліянію западныхъ миссіонеровъ, которыхъ часто посылали сюда папы и которые имѣли твердую опору для своихъ дѣйствій въ генуэзскихъ и венеціанскихъ колоніяхъ. Однако это вліяніе было такъ слабо, что не могло преодолѣть противоположнаго вліянія мухаммеданства и вскорѣ должно было уступить послѣднему полное преобладаніе. Въ половинѣ XV в. мухаммеданство здѣсь уже значительно утвердилось, хотя и не настолько, чтобы уничтожить старую вѣротерпимость татаръ. Ханъ Деулетъ Гирей (1428—1467) совершилъ благочестивое путешествіе въ Мекку и поэтому назывался *Хаджи*. Но этотъ же самый ханъ, несмотря на свою набожность и сильную приверженность къ мухаммеданству, по выраженію

---

(1) Lettres edif. t. I. p. 408.

(2) Dict. des Miss. t. II. p. 1306.

(3) Первымъ мухаммеданскимъ памятникомъ въ Крыму можно назвать старокрымскую мечеть, построенную въ 1314 г. Но появленіе этой мечети гораздо удобнѣе объяснить вѣротерпимостью крымскихъ хановъ. См. Истор. судьба крым. татаръ, Хартахая. Вѣст. Евр. 1866 г. т. II. стр. 196

Сестренцевича-Богуша, „въ противность повелительнаго магометанскаго законоположенія, коимъ предписуется обращеніе всѣхъ иновѣрныхъ всевозможными образами,... имѣлъ почти евангельскую терпимость“ (1). Въ немъ замѣчали даже „нѣкоторый родъ почтенія къ Богоматери, коей онъ дѣлалъ обѣты и приносилъ жертвы въ храмѣ, который былъ Ей посвященъ въ Тавріи, близь города и горы Киркеля“ (2).— Вѣроятно наслышавшись объ этой вѣротерпимости, въ 1465 г.(3) папа Павелъ II, хлопотавшій въ то время о крестовомъ походѣ противъ турокъ, посылалъ, къ Деулету своего легата, францисканца Людовика Болонскаго, титулярнаго патріарха антіохійскаго, съ порученіемъ преклонить крымскаго хана къ войнѣ противъ турокъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ III, императоромъ германскимъ, подъ крестовыми знаменами. Деулетъ, повидимому, не отказывался отъ этой войны и отвѣчалъ легату, что онъ сдѣлаетъ все то, что будетъ дѣлать его другъ и союзникъ, король польскій, Казиміръ (4). Такой миролюбивый и дружественный характеръ отношенія крымскихъ татаръ къ христіанству сохраняли, безъ сомнѣнія, частію вслѣдствіе того, что эти татары были еще очень плохими мухаммеданами, частію же вслѣдствіе сосѣдства и вліянія христіанскихъ поселенцевъ, которые владѣли большими богатствами, имѣли въ своихъ рукахъ всю торговлю и далеко превосходили татаръ образованіемъ. Но съ уничтоженіемъ въ Крыму христіанскихъ колоній и съ подчиненіемъ крымской орды турецкому султану (1478), христіанское вліяніе здѣсь исчезло и открылся широкій путь для распространенія и утвержденія мухаммеданства. Это послѣднее особенно сильно начало проникать въ жизнь и нравы народа съ половины XVI в. (5), когда власть Турціи надъ Крымомъ возрасла до того, что султаны по своему произволу начали возводить и низводить хановъ съ престола, когда крымскіе ханы начали получать образованіе въ Турціи и когда Турція для крымскихъ татаръ сдѣлалась образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ XVII и

---

(1) Сестренцевичъ Богушъ, Истор. о Таврін. т. II. стр. 252. Спб. 1806.
(2) Ibid.
(3) Wadd. Annal. Minor. 1465. № 2.
(4) Богушъ. т. II. стр. 248.
(5) Вѣст. Евр. 1866 г. т. II. стр. 207.

XVIII вѣкахъ Крымъ былъ уже почти вполнѣ мухаммеданскою державою, жилъ тоюже жизнію какъ и Турція и имѣлъ одинаковыя съ нею симпатіи, хотя съ другой стороны кочевая, наѣздническая жизнь и феодальное устройство крымскаго юрта не давали привиться къ татарамъ мухаммеданскому фанатизму въ его полной силѣ.—Впрочемъ съ утвержденіемъ мухаммеданства и уничтоженіемъ христіанскихъ колоній, христіанское населеніе Крыма не исчезло, даже не уменьшилось; напротивъ оно увеличилось многочисленнымъ сословіемъ рабовъ. Вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ, въ которыхъ заключалась вся жизнь и исторія крымскихъ татаръ, этотъ послѣдній классъ съ каждымъ годомъ увеличивался и, оставленный безъ всякаго духовнаго призора, въ продолженіе многихъ дисятковъ лѣтъ пополнялъ собою ряды мухаммеданскаго населенія Крыма. Свободные христіане—греки и армяне, состоявшіе въ подданнической зависимости отъ крымскихъ хановъ, также были немалочисленны, особенно армяне. Эти послѣдніе имѣли въ Крыму двухъ епископовъ, изъ которыхъ одинъ управлялъ всѣми церквами отъ восточной стороны Каффы до Кени въ Черкасіи, другой же управлялъ церквами всей западной части Крыма отъ Бахчисарая до Ковтанъ на Днѣстрѣ. Греки имѣли архіепископа, который жилъ въ монастырѣ св. Георгія, на южномъ берегу Крыма (1). Только латиняне, со времени завоеванія турками Каффы, не имѣли тамъ іерархіи, хотя католики, составлявшіе большинство сословія рабовъ, и имѣли нужду въ духовномъ руководствѣ. Это-то послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ для латинскихъ миссіонеровъ утвердиться въ Крыму. Зная хорошо, что мухаммеданскій фанатизмъ не успѣлъ еще глубоко проникнуть въ характеръ крымцевъ, что кочевники, особенно ногайцы, составлявшіе значительную часть крымской Орды, еще слабо привязаны къ мухаммеданству; зная, что въ Крыму живетъ множество христіанъ православнаго и армянскаго исповѣданій, не защищенныхъ отъ чуждыхъ притязаній единовѣрною властію, и еще болѣе рабовъ, лишенныхъ почти всякаго духовнаго руководства, іезуиты справедливо расчитывали, что здѣсь они могутъ пожать обильную жатву, если не между

(1) Богушъ, Истор. о Таврія. т. II. стр. 403.

мухаммеданами, то между христіанами, подчиненными мухаммеданамъ.

Первыя извѣстія о религіозномъ состояніи населенія крымскаго полуострова и окрестныхъ странъ, о нуждѣ и возможности учредить здѣсь миссію іезуиты получили вѣроятно отъ своего же собрата, польскаго іезуита Франциска Згоды, которому около 1612 г. случайнымъ образомъ удалось проникнуть въ Крымъ (1). Крымскій ханъ Джанибекъ Гирей (1610—1623) около этого времени послалъ для переговоровъ съ польскимъ правительствомъ въ Польшу одного генуэзца изъ Каффы. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ ханскихъ приказаній этотъ посолъ долженъ былъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Каменцѣ. Здѣсь онъ познакомился съ іезуитами, описалъ религіозное состояніе крымскаго населенія и выразилъ мнѣніе о необходимости учрежденія въ Крыму христіанской миссіи Згода вызвался отправиться въ Крымъ и принять на себя обязанности миссіонера. Но посолъ объяснилъ іезуиту, что христіанская духовная особа, по дѣйствующимъ въ Крыму узаконеніямъ, можетъ явиться въ эту страну только или съ позволенія турецкаго султана, или въ качествѣ раба, и предлагалъ ему прежде всего выхлопотать въ Царьградѣ дозволеніе поселиться въ Крыму. Згода согласился, и, получивъ отъ польскаго правительства рекомендацію, отправился въ Турцію съ однимъ валахскимъ княземъ въ званіи его домоваго священника. Дорогой они встрѣтились съ татарами, вышедшими на грабежъ окрестныхъ земель и въ одной стычкѣ были взяты въ плѣнъ (2). Такимъ образомъ Згода достигъ своей цѣли, но званіе раба, незавидное само по себѣ, плохо мирилось съ званіемъ миссіонера. Вскорѣ впрочемъ это неудобство было устранено. Посолъ хана, упомянутый уже генуэзецъ, чрезъ недѣлю возвратился въ Крымъ, розыскалъ Згоду и, выкупивъ его изъ рабства, поселилъ недалеко отъ Каффы. Утвердившись здѣсь, Згода началъ проповѣдывать Евангеліе туземцамъ и пропо-

(1) Богушъ, Исторія о Тавріи. т. II. стр. 302—304.

(2) Генріонъ, вопреки даже іезуитскимъ писателямъ, увѣряетъ, что Згода самъ добровольно отдалъ себя въ рабство татарамъ. Сами іезуиты не рѣшались воздавать себѣ такихъ похвалъ даже въ своемъ Imago primi saeculi, откуда заимствованы нами свѣдѣнія объ обстоятельствахъ поселенія Згоды въ Крыму. p. 223, 224. Непг. t. II. p. 241.

вѣдь его была будто бы такъ успѣшна, что „многіе, бывъ пріобрѣтены І. Христу, образовали изъ себя новое общество“ (1). Долго ли пробылъ Згода въ Крыму, имѣлъ ли онъ сотрудниковъ и непосредственныхъ преемниковъ, неизвѣстно. Сообразно постановленіямъ своего ордена, Згода жилъ въ Крыму безъ сомнѣнія съ позволенія своего начальства, давалъ подробные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, сообщалъ свои наблюденія надъ окружающими людьми и имѣлъ хотя одного товарища. Если бы собранныя Згодою свѣдѣнія обѣщали успѣхъ миссіи, то іезуитское начальство не преминуло бы помѣстить въ Крыму побольше іезуитовъ; но этого повидимому не случилось, вѣроятно, по какимъ-нибудь таинственнымъ расчетамъ, а не вслѣдствіе неблагопріятныхъ извѣстій, потому что есть твердыя основанія утверждать, что эти извѣстія имѣли противный характеръ. Со времени Згоды до оффиціальнаго утвержденія іезуитовъ въ Крыму прошло почти столѣтіе. Это послѣднее обстоятельство случилось въ 1706 г. вслѣдствіе ходатайства французскаго посланника въ Константинополѣ, Маркиза Феріоля. Но есть основаніе думать, что и до этого времени іезуиты уже были въ Крыму, куда удобно могли проникать изъ Польши, и имѣли здѣсь уже довольно развитыя миссіонерскія учрежденія. Французскій медикъ Феррандъ, въ 1702 г. путешествовавшій по сѣверному и восточному берегамъ Чернаго моря, по землямъ ногайскихъ татаръ и черкесовъ, описавъ въ своемъ путешествіи нравы послѣднихъ и особенную ихъ склонность къ принятію христіанства, говоритъ о семействѣ одного кабардинскаго князя, желавшаго женить его (Ферранда) на своей племянницѣ, слѣдующее: „я хотѣлъ крестить ихъ, но такъ какъ нужно было сначала ввести ихъ въ таинственныя начала нашей религіи и такъ какъ, не зная языка, я долженъ былъ прибѣгать къ помощи переводчика, который былъ мухаммеданинъ и которому я не хотѣлъ довѣрить своихъ намѣреній, то я и оставилъ этотъ проэктъ до другаго времени, надѣясь найти другой случай возвратиться въ эту землю *съ однимъ изъ нашихъ бахчисарайскихъ отцевъ миссіонеровъ*“ (2). Генріонъ (3) изъ послѣднихъ словъ справедливо вы-

(1) Henr. t. II. p. 302—304.

(2) Voyage en Circassie par le pays des tartares Nogaes. Lett. edif. ed. Aime Martin. t. I. p. 116.

(3) Hist. gen. des miss. cath. t. II. p. 123.

водитъ заключеніе, что въ первые годы XVIII столѣтія въ столицѣ Крыма были уже служители Евангелія, но не думаетъ, чтобы это были іезуиты и, кажется, несовсѣмъ основательно. Сестренцевичъ-Богушъ разсказываетъ, даже съ нѣкоторыми подробностями, о многихъ іезуитахъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму при Селимъ-Гиреѣ (ум. въ 1704 г.). „Іезуиты—говоритъ онъ—имѣли домовую церковь, въ которой позволено было отправлять всѣ церковныя требы, только не было бы снаружи ограды. Такимъ образомъ пользовались они *долгое время* великою свободою. Но нѣкто между ними изъ предпріимчивыхъ, гордыхъ, или изувѣрчивыхъ, надѣясь на свое могущество, надстроилъ надъ домомъ другое жилье, увеличилъ церковь и повѣсилъ колоколъ. Селимъ-Гирей, государь совершившій свое поприще въ 1704 г. и который съ трудомъ терпѣлъ христіанъ въ своихъ областяхъ, увидѣлъ сіи перемѣны, ѣдучи на охоту; онъ разсердился болѣе всего на то, что окна были выкрашены зеленою краскою, и во гнѣвѣ своемъ не только уничтожилъ эту церковь, но далъ еще приказаніе сломать и прочія. Самые богатые изъ грековъ и армянъ были заключены въ оковы и были весьма счастливы, что отдѣлались непомѣрною пенею. До того времени сіи различные толки (т. е. исповѣданія) были нарочито согласны служить обѣдню въ случаѣ нужды одни у другихъ и архипастырское посланіе давало имъ право на то“ (1). Такимъ образомъ, если вѣрить этому разсказу, (а не вѣрить ему нѣтъ никакихъ основаній), іезуиты въ Крыму жили и дѣйствовали задолго прежде до своего оффиціальнаго утвержденія тамъ. Еще ранѣе 1704 г. они имѣли уже тамъ церковь и свободно совершали духовныя требы, хотя и безъ позволенія турецкаго султана, скрываясь за армянами, которые такое дозволеніе имѣли и потому со стороны крымскихъ хановъ пользовались полною терпимостію.

Гоненіе, случившееся въ 1704 г. и упоминаемое въ разсказѣ Богуша, вѣроятно послужило для іезуитовъ главнѣйшимъ побужденіемъ испросить для своей миссіи оффиціальное утвержденіе и такимъ образомъ хотя нѣсколько обезпечить спокойствіе и законность ея существованія. Прежде

(1) Истор. о Тавр. т. II. стр. 413—414.

всѣхъ позаботился объ этомъ вышеупомянутый медикъ Ферандъ. Въ 1704 г. онъ выхлопоталъ у преемника Селимова, Казы-Гирея (1704—1706), позволеніе для одного польскаго іезуита поселиться въ Бахчисараѣ и свободно исполнять миссіонерскія обязанности среди бахчисарайскихъ рабовъ, большею частію католиковъ и поляковъ. Но чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего прибытія этотъ іезуитъ умеръ отъ чумы вмѣстѣ съ 20,000 рабовъ въ концѣ 1704 года (1). Въ тоже почти самое время и константинопольскіе іезуиты начали внушать французскому послу при портѣ, маркизу Феріолю, что въ Крыму необходимо учредить іезуитскую миссію и ходатайствовать объ этомъ предъ правительствомъ. Въ 1706 г. прибылъ въ Константинополь вышеупомянутый медикъ Ферандъ и присоединилъ свой голосъ къ голосу іезуитовъ. Онъ подробно описалъ жалкое состояніе христіанъ, жившихъ въ Крыму, и такъ тронулъ Феріоля, что тотъ рѣшился всѣми мѣрами постараться объ учрежденіи въ Крыму іезуитской миссіи. Одинъ изъ константинопольскихъ іезуитовъ Дюбанъ вызвался положить этой миссіи начало и ѣхать въ Крымъ, гдѣ царствовалъ въ это время Казы-Гирей. Вотъ какъ описываетъ Дюбанъ свое прибытіе въ Крымъ и свою первую дѣятельность тамъ въ письмѣ къ маркизу Торси отъ 20 мая 1713 г. „я счастливъ, что выборъ палъ на меня. Я никогда не забуду его (Феріоля) благородства, по-истинѣ царскаго. Онъ не только почтилъ новую миссію, начатую мною, своимъ покровительствомъ, но еще вызвался поддерживать ее собственными своими средствами и выставить ее въ благопріятномъ свѣтѣ предъ его величествомъ. Вамъ извѣстны, монсеньеръ, письма, полныя жара и христіанства, которыя онъ писалъ въ то время; онъ писалъ также очень настоятельныя письма и къ хану татарскому, своему старому другу, и прилагалъ къ нимъ богатые подарки. Снабдивъ меня изобильно всѣмъ, что онъ считалъ нужнымъ для моего путешествія, онъ доставилъ мнѣ возможность отправиться немедленно. Я отплылъ 19 августа тогоже (1706) г. въ сопровожденіи господина Ферранда... Лишь только мы ступили на землю, какъ только о томъ и

(1) Lett. edif. t. I. p. 98. Lett. du P. Duban a monseigneur le marquis de Torcy.

думали, какъ бы отправиться въ Бахчисарай, столицу страны и обыкновенное мѣстопребываніе хана. Письма и богатые подарки Маркиза Феріоля очень скоро доставили намъ самую ласковую аудіенціею. Ханъ, по имени султанъ Казы-Гирей, мужчина лѣтъ 40, производитъ своей особой очень пріятное впечатлѣніе: у него благородный видъ, открытый взглядъ, очень правильныя черты лица; въ этомъ отношеніи онъ очень отличенъ отъ другихъ татаръ, которые всѣ почти имѣютъ очень безобразныя лица. Его особа и все его окружающее имѣетъ видъ болѣе воинственный, чѣмъ великолѣпный. Меня особенно восхитила доброта, съ какою онъ меня принялъ; онъ задавалъ мнѣ множество вопросовъ о королѣ и о войнахъ Франціи, которыми онъ, кажется, очень интересуется; онъ мнѣ говорилъ также о посланникѣ, съ изъявленіями великаго почтенія и дружбы. Этотъ самый моментъ я избралъ для того, чтобы испросить позволеніе помогать рабамъ и другимъ христіанамъ его государства. Онъ согласился безъ слова съ такимъ благорасположеннымъ и покровительственнымъ видомъ, какого я могъ только желать" (1). Описавъ далѣе образъ правленія въ Крыму, нравы татаръ перекопскихъ, ногайскихъ и черкесскихъ, Дюбанъ самыми мрачными красками изображаетъ религіозное состояніе рабовъ и другихъ христіанъ, т. е., армянъ и грековъ, жившихъ въ Крыму и имѣвшихъ сдѣлаться главнымъ предметомъ іезуитской миссіи. „Нельзя вообразить себѣ—говоритъ онъ—состоянія болѣе плачевнаго, какъ то, въ какомъ я нашелъ это угнетенное христіанство. Заразительныя болѣзни прошедшихъ годовъ погубили болѣе 40,000 рабовъ. Тѣ, которые остались и которые могли еще ходить, отъ 15 до 20,000 постоянно ожидали тойже участи, относясь совершенно безразлично къ будущей жизни. Суровость и давность ихъ рабства, громадные пороки и невѣріе варварской страны, гдѣ большая часть ихъ состарѣлась безъ проповѣди, безъ слова Божія, безъ таинствъ—все это приближало ихъ къ скотамъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались мухаммеданами, многіе склонны къ томуже, многіе перешли къ схизматикамъ. Тѣ, которые сохранили свою религію, забыли ее и не исполняли ея предписаній. Другіе христіане, греки и армя-

(1) Ibid p. 98, 99.

не, хотя и свободны и имѣютъ своихъ проповѣдниковъ и свои церкви, лишены были однакожъ надлежащаго присмотра и хорошихъ слугъ. Священники и народъ, равно развращенные и заблуждающіеся, жили въ глубокомъ и грубомъ невѣжествѣ; духъ корыстолюбія, суевѣрія, своеволіе нравовъ господствовали повсюду“ (1). Съ такими-то, вѣроятно нѣсколько преувеличенными, препятствіями приводилось бороться ревностному іезуиту и, если вѣрить безусловно его разсказу, онъ принялся за дѣло очень энергически, велъ его умно и вскорѣ достигъ довольно блестящихъ результатовъ. „Среди этихъ странныхъ неустройствъ—говоритъ Дюбанъ—я болѣе 6 мѣсяцевъ не видалъ дня, который бы меня утѣшилъ; я трудился много, и успѣвалъ мало. Куда я ни обращался, вездѣ встрѣчалъ только безразличіе и холодность къ дѣлу спасенія. Я всегда смотрѣлъ, какъ на божественное внушеніе, на снисходительность армянъ, которые позволили мнѣ на долгое время поселиться среди нихъ и уступили мнѣ для отправленія моей должности небольшую часть своей бѣдной церкви, наполовину разрушенной. Здѣсь послѣ многихъ трудовъ я сталъ собирать нѣкоторыхъ заблудшихъ рабовъ съ намѣреніемъ научить ихъ истинамъ спасенія. Новизна слушать публично слово Божіе и проповѣдь покаянія въ бахчисарайской армянской церкви производила то, что первые приходили въ сопровожденіи нѣкоторыхъ другихъ и набиралось очень много. Многіе изъ тѣхъ, которые постоянно занимались исполненіемъ приказаній своихъ господъ и которыхъ я могъ останавливать только на нѣсколько минутъ, вдругъ начинали находить досугъ; нечувствительно въ нихъ пробуждались угрызенія совѣсти; они старались успокоить ее добрымъ покаяніемъ... Изъ города молва распространилась между рабами поселянъ. Говорили, что въ Бахчисараѣ есть pere france, прибывшій изъ Константинополя, чтобы быть священникомъ католиковъ, что онъ проповѣдуетъ, говоритъ миссы, преподаетъ таинства въ армянской церкви, что его послалъ французскій посланникъ и что самъ ханъ далъ ему позволеніе... Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я увидѣлъ себя окруженнымъ людьми 7 или 8 различныхъ націй, нѣмцами, поляками, венграми, трансильван-

(1) Ibid. p. 102.

цами, кроатами, арабами, русскими. До сихъ поръ я всегда давалъ наставленія на языкѣ нѣмецкомъ, который былъ обыкновеннымъ языкомъ первыхъ пришлецовъ. Я хотѣлъ продолжать, но замѣтилъ, что меня не всѣ понимаютъ; я замѣтилъ даже по этому предмету между ними нѣкоторые зародыши національной зависти. Я предложилъ перемѣнить методъ и съ этихъ поръ проповѣдывать *на татарскомъ языкѣ*, который, какъ *языкъ своихъ господъ*, они должны были понимать всѣ. Это средство имъ понравилось, а мнѣ еще болѣе, чѣмъ имъ, потому что я имѣлъ въ виду грековъ и армянъ, у которыхъ этотъ языкъ въ Крыму семейный, и посредствомъ него я надѣялся привлечь ихъ къ своимъ наставленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ съ этого дня я увидѣлъ, что армяне приходили толпами и мѣшались безъ различія среди рабовъ. Тогда, не показывая вида, что имѣю намѣреніе говорить имъ, я начиналъ говорить при нихъ свободно все, что я хотѣлъ, и все, что считалъ необходимымъ для ихъ наставленія: такимъ образомъ, благодаря этому *методу* (maniere) *проповѣдывать непрямо и скрыто* (indirecte et enveloppée), миссія сдѣлалась общею для тѣхъ и другихъ. Богъ проявлялъ въ ней свою славу“ (1). Такое удачное начало обѣщало блестящіе результаты, тѣмъ болѣе, что хитрый іезуитъ, преслѣдуя съ успѣхомъ свои оффиціальныя цѣли—удовлетвореніе духовныхъ потребностей рабовъ католиковъ и обращеніе въ латинство схизматиковъ, — не упускалъ изъ виду и дальнѣйшей, хотя и секретной, цѣли— пріобрѣтенія довѣренности мухаммеданъ и потомъ ихъ обращенія въ латинство. Сообразно съ характеромъ латинско-іезуитскаго метода обращенія мухаммеданъ, онъ не осмѣливался прямо проповѣдывать имъ Евангеліе, а старался дѣйствовать косвеннымъ образомъ, вселяя въ своихъ первыхъ прозелитовъ, болѣе знакомыхъ съ татарами, духъ пропаганды и усиливаясь войти въ довѣренность и стать въ близкія отношенія къ хану. Послѣднее было почти достигнуто имъ. Казы-Гирей имѣлъ къ нему такую довѣренность и обращался съ нимъ такъ дружественно, что нерѣдко призывалъ къ себѣ для обсужденія разныхъ важныхъ предметовъ и поручалъ писать очень секретныя письма (2).

(1) Ibid. p. 102, 103.
(2) Ibid. p. 104.

Но одинъ изъ тѣхъ государственныхъ переворотовъ, которые тогда въ Крыму были такъ часты, едва было не уничтожилъ начатое Дюбаномъ дѣло миссіи. Въ концѣ 1706 г. Казы-Гирей былъ свергнутъ съ престола и вмѣсто него возведенъ былъ турецкимъ султаномъ братъ его, Деулетъ-Гирей (1). Это обстоятельство очень встревожило Дюбана. Новый ханъ не зналъ его и не давалъ позволенія заниматься въ Крыму тѣмъ, чѣмъ онъ до сихъ поръ занимался. Дюбанъ опасался, что Деулетъ-Гирей не признаетъ за нимъ правъ, пріобрѣтенныхъ имъ при прежнемъ ханѣ, и даже отнесется къ нему, какъ къ любимцу Казы-Гирея, особенно враждебно. Тревожимый такими опасеніями, онъ почти совершенно пріостановилъ свою миссіонерскую дѣятельность, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль велъ себя самымъ осторожнымъ и скрытнымъ образомъ и обратился „къ своему обыкновенному прибѣжищу, Маркизу Феріолю“. Но оказалось, что опасенія миссіонера не имѣли почти никакого основанія и были напрасны. „Бдительность маркиза Феріоля все уже предупредила, все устранила“. Спустя нѣсколько времени, новый ханъ самъ прислалъ ему сказать, чтобы онъ ничего не боялся и чтобы въ случаѣ какой-либо обиды обращался съ жалобами къ визирю, который дастъ ему надлежащее удовлетвореніе (2). Это очень ободрило Дюбана: онъ увидѣлъ, что его миссія имѣетъ болѣе прочныя основы, чѣмъ онъ думалъ, и онъ началъ еще энергичнѣе и свободнѣе продолжать свою дѣятельность среди армянъ, рабовъ-католиковъ и особенно лютеранъ. „Это объявленіе (вышеприведенное успокоительное объявленіе Деулетъ-Гирея)—разсказываетъ Дюбанъ—возстановило мое мужество, и миссія обнаружила болѣе процвѣтанія... Она не потеряла нисколько даже отъ удаленія маркиза Феріоля, своего основателя и отца, съ удаленіемъ котораго она, казалось, должна была пасть. Этотъ достойный посланникъ, послѣ 12 лѣтъ служенія равно славнаго и полезнаго для государства и религіи, былъ замѣщенъ князенъ Дезалёромъ, въ которомъ я нашелъ туже точку опоры

---

(1) Казы-Гирей былъ свергнутъ султаномъ за то, что можетъ быть по вліянію Дюбана осмѣлился посовѣтовать портѣ начать войну съ Россіею. Богушъ, т. II. стр. 323.

(2) Lett. edif. et curieus. t. I. p. 105.

и туже ревность... При султанѣ Казы (Гиреѣ) между нимъ и маркизомъ Феріолемъ было соглашеніе касательно постройки французской часовни, и ханъ далъ свое согласіе, но съ сверженіемъ его дѣло пріостановилось. Дезалёръ этотъ проэктъ опять предложилъ теперь хану и счастливо кончилъ дѣло. Мы уже получили отъ хана позволеніе (1) распространить намъ домъ, чтобы созывать въ него христіанъ и читать имъ тамъ евангеліе, и такимъ образомъ мы, выражаясь слогомъ страны, можемъ сказать, что имѣемъ свою церковь... Миссія такъ ощутительно измѣнила свой видъ, что я самъ не узнаю ее болѣе. Ледяная холодность и безнадежное безразличіе замѣнились ревностію и горячностію, которыя распространились даже на протестантовъ обоего пола и довольно многочисленныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ кальвинисты, но большая часть лютеране. Татары всѣмъ имъ даютъ имя франковъ, какъ и намъ. Это имя у нихъ означаетъ не что иное, какъ западныхъ христіанъ. Мои добрые католики, освобожденные отъ тяжести грѣховъ и возъимѣвшіе ревность къ заглажденію ихъ, взяли на себя очень серьезное дѣло *обращать своихъ товарищей*, преданныхъ ереси... До сихъ поръ не было еще года, въ который я не воссоединялъ бы съ церковію менѣе 5 или 6 человѣкъ" (2). Такая дѣятельная пропаганда латинскаго миссіонера среди армянъ и лютеранъ естественно должна была вызвать со стороны армянскаго и лютеранскаго духовенства противодѣйствіе и возбудить борьбу. Это дѣйствительно и случилось. Впрочемъ со стороны армянъ это противодѣйствіе было чрезвычайно слабо, по объясненію Дюбана, частію вслѣдствіе особеннаго уваженія ихъ къ католической религіи, т. е. вслѣдствіе того, что они, особенно ихъ духовенство, находились подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, частію вслѣдствіе ихъ практической расчетливости: они видѣли, что Дюбанъ и Феррандъ пользуются особенною довѣренностію хана, что миссія находится подъ особымъ покровительствомъ

(1) «Трудно было получить таковое позволеніе—говоритъ Богушъ—ибо всѣ татарскіе князья вообще отвергали просьбы христіанъ въ разсужденіи сего, и имѣли снисхожденіе къ армянамъ только потому, что великій султанъ давалъ Берать, или привиллегію ихъ епископамъ». Истор. о Таврѣ. т. I. стр. 415.

(2) Ibid. p. 105, 106.

французскаго посла въ Константинополѣ, а этотъ посолъ могъ быть очень полезенъ ихъ собратіямъ, жившимъ въ Турціи (1). Но со стороны лютеранъ это противодѣйствіе было очень серьезно и угрожало латинской миссіи совершеннымъ уничтоженіемъ. Слухъ о пропагандѣ бахчисарайскаго іезуита среди тамошнихъ лютеранъ дошелъ до Бендеръ, гдѣ жилъ тогда одинъ лютеранскій пасторъ, родомъ шведъ. Узнавъ, что бахчисарайскіе лютеране въ большомъ количествѣ обращаются въ латинство, онъ рѣшился помочь своимъ единовѣрцамъ и прекратить успѣхи іезуитской пропаганды. Съ этою цѣлію онъ, запасшись деньгами, прибылъ въ Бахчисарай и началъ здѣсь пропаганду въ противоположномъ направленіи, увѣщевая совращенныхъ въ латинство лютеранъ снова возвратиться къ своему старому исповѣданію. Но „видя, что щедрость и средства не приносять пользы, что обращенные даже шведы не отвращаютъ слуха“ отъ іезуитскихъ наставленій, пасторъ рѣшился для прекращенія латинской пропаганды обратиться къ мухаммеданскому правительству страны. Онъ нашелъ случай говорить съ ханомъ и разъяснилъ ему истинное значеніе миссіонерскихъ дѣйствій іезуита, показавъ, что Дюбанъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ обращеніе въ христіанство мухаммеданъ и что обращая въ латинство лютеранъ, онъ поступаетъ вопреки постановленіямъ мухаммеданскаго законодательства, которое запрещаетъ христіанамъ переходить изъ одной секты въ другую. Вся эта интрига шведскаго пастора противъ Дюбана ведена была тайно и очень хитро. Дюбанъ узналъ о ней отъ Ферранда и принялъ противъ нея такія умныя мѣры, что остался совершенно цѣлъ и невредимъ. Онъ объяснилъ хану, что не вводитъ въ Крыму никакой новой секты, а только возвращаетъ лютеранъ къ религіи французовъ, которую они оставили своевольно, и вообще выставилъ свое дѣло въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, что ханъ совершенно съ нимъ согласился и отвергъ всѣ происки шведскаго пастора. Послѣднему приказано было передать, что французскій отецъ учитъ рабовъ совершать свои молитвы по ханскому повелѣнію и чтобы онъ, пасторъ, болѣе въ это дѣло не мѣшался.

---

(1) Ibid. p. 106.

Разрушивъ эту интригу, Дюбанъ почувствовалъ себя еще въ болѣе прочномъ положеніи и началъ заботиться о распространеніи круга своей дѣятельности. Не довольствуясь проповѣдью въ Бахчисараѣ, онъ началъ разъѣзжать по другимъ городамъ крымскаго ханства и вскорѣ пріобрѣлъ здѣсь множество прозелитовъ. Обыкновеннымъ временемъ его миссіонерскихъ поѣздокъ въ окрестности Бахчисарая былъ промежутокъ отъ пасхи до осени. Во время этихъ поѣздокъ онъ никогда не останавливался у тѣхъ жителей, которые имѣли рабовъ, боясь возбудить подозрѣнія и считая это слишкомъ неприличнымъ. По своимъ іезуитскимъ соображеніямъ онъ останавливался въ какомъ-нибудь сосѣдственномъ городѣ и созывалъ туда окрестныхъ христіанъ. Самыми удобными для этого городами были Карасу (Чуфутъ-Кале), Кузно (Евпаторія), и Оркани (Перекопъ), всѣ почти въ равномъ разстояніи отъ Бахчисарая. По прибытіи въ одинъ изъ этихъ городовъ, онъ давалъ знать по окрестностямъ о своемъ прибытіи и о времени, которое онъ тамъ пробудетъ. Вслѣдствіе этого извѣщенія собирались всѣ, желавшіе послушать проповѣди миссіонера и имѣвшіе возможность отлучиться отъ мѣстъ своего жительства. Таковыхъ было много, или мало, смотря по тому, каковы были окрестные рабовладѣльцы. Методъ проповѣданія онъ соблюдалъ тотъ же самый, что и въ Бахчисараѣ, т. е., проповѣдывалъ на татарскомъ или турецкомъ языкѣ и такимъ образомъ привлекалъ въ число слушателей огромное количество армянъ.—Впрочемъ, пока Дюбанъ жилъ въ Бахчисараѣ одинъ и пока не имѣлъ помощниковъ, такого рода поѣздки не могли быть часты и продолжительны, а потому и не могли приносить такой пользы, какой бы желалось іезуиту. Съ цѣлію дальнѣйшаго распространенія латинской миссіонерской дѣятельности въ Крыму онъ позаботился о пріисканіи себѣ помощниковъ. Онъ испросилъ у хана позволеніе вызвать изъ Константинополя другаго іезуита, отца Курнильона, который и прибылъ въ Бахчисарай въ 1712 г. Новый миссіонеръ былъ хорошо знакомъ съ турецкимъ языкомъ, а потому скоро могъ привыкнуть къ языку крымскихъ татаръ и сдѣлаться дѣятельнымъ помощникомъ Дюбана. Дюбанъ, узнавъ о его пріѣздѣ, такъ обрадовался, что немедленно оставилъ свои миссіонерскія занятія въ Карасу, гдѣ онъ былъ въ то время, и поскакалъ въ Бахчисарай.—Еще прежде Дюбанъ старался съ

другой стороны приготовить себѣ помощниковъ изъ туземцевъ. Въ 1710 г. онъ выкупилъ изъ рабства 4 мальчиковъ и началъ готовить ихъ къ должности катихистовъ. Двое изъ нихъ оказались мало способны и были отосланы каждый на свою родину, а двое другихъ, имѣвшіе острыя способности, были приготовлены для помянутой должности и въ 1713 г. уже исполняли ее очень успѣшно. Такимъ образомъ около 1713 г., чрезъ 7 лѣтъ послѣ своего прибытія въ Крымъ, Дюбанъ стоялъ уже во главѣ довольно твердо организованной миссіи и чувствовалъ себя тѣмъ безопаснѣе, что французское правительство взяло его подъ свое особое покровительство и облекло его званіемъ консула. Дюбанъ надѣялся воспользоваться выгодами, предоставляемыми этимъ званіемъ, для испрошенія у хана позволенія выстроить въ Бахчисараѣ католическую церковь (1). Хлопоты относительно этого предмета начались уже давно, но до сихъ поръ еще не увѣнчивались успѣхомъ, несмотря на вмѣшательство французскихъ посланниковъ въ Константинополѣ. Деулетъ-Гирей далъ позволеніе іезуитамъ устроить только домовую церковь; на постройку же публичной хотя повидимому склонялся, однако не разрѣшалъ ее оффиціально. Богушъ сообщаетъ, что онъ оскорбился тѣмъ, что сначала были сдѣланы по этому предмету сношенія съ портою и потому „далъ тайныя повелѣнія весьма противныя предпріятію“ (2). Это дѣло о постройкѣ церкви было пока единственнымъ обстоятельствомъ неблагопріятнымъ для миссіи. Все же прочее было такъ хорошо расположено, что оставалось только ревностно трудиться. Въ 1713 г. Дюбанъ писалъ маркизу Торси: „все располагается благопріятно. Татары привыкаютъ видѣть насъ среди нихъ; ихъ рабы, которыми они очень богаты, при всякомъ удобномъ случаѣ говорятъ имъ тысячи хорошихъ вещей про насъ; они замѣчаютъ, по ихъ словамъ, что рабы съ тѣхъ поръ, какъ посѣщаютъ насъ, начали служить болѣе вѣрно и болѣе охотно. Туземные христіане съ каждымъ днемъ оставляютъ предубѣжденія, которыя имъ внушены съ дѣтства противъ католической вѣры; многіе принимаютъ ее и всѣ уважаютъ. Дѣло начато: остается только совершен-

(1) Lett. edif. t. I. p. 105—108.
(2) Истор. о Таврѣ. т. II. стр. 405.

ствовать его и утверждать“ (1). Для того, чтобы съ успѣхомъ продолжать дѣло и дать крымской миссіи возможность развивать свою дѣятельность въ обширныхъ размѣрахъ и съ большими успѣхами, Дюбанъ считалъ необходимымъ, во-первыхъ, увеличить составъ миссіи еще четырьмя такими іезуитами, которые бы обладали великимъ мужествомъ, великимъ терпѣніемъ и великимъ милосердіемъ, а также и нѣкоторыми научными познаніями, особенно медицинскими; во-вторыхъ, построить церковь къ Бахчисараѣ съ оффиціальнаго позволенія крымскаго правительства; въ-третьихъ, доставить миссіи средства помогать бѣднымъ, старикамъ, больнымъ и проч., „чтобы такимъ образомъ поразить татаръ примѣромъ христіанской гуманности“ и внушить имъ новое уваженіе къ католической религіи; въ четвертыхъ, наконецъ, доставить миссіи средства выкупать изъ рабства дѣтей, рожденныхъ отъ рабовъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, воспитывать ихъ въ духѣ христіанства и особенно для должности катихистовъ, такъ чтобы со временемъ изъ нихъ образовалось ядро, тѣло вѣрныхъ (un corps de fideles), около котораго могла бы сгруппироваться самостоятельная христіанская община. Излагая предъ маркизомъ Торси эти нужды, Дюбанъ обѣщалъ, что если онѣ будутъ удовлетворены, то можно будетъ распространить миссіонерскую дѣятельность не только по всему Крыму, но и по землѣ ногайскихъ татаръ и черкесовъ (2).—Кажется, что настоянія Дюбана не были напрасны. Около 1725 г. мы видимъ въ Бахчисараѣ еще двухъ новыхъ іезуитовъ оо. Стефана и Делятура, изъ которыхъ второй былъ медикомъ и управлялъ домашней аптекой іезуитовъ. Но подробныхъ извѣстій о дѣятельности іезуитовъ въ Крыму послѣ 1713 г. не сохранилось. Изъ письма Стефана, которое можно отнести ко времени не позже 1730 г. (3), видно, впрочемъ, что около этого времени іезуитская миссія

---

(1) Lett. edif. t. I. p. 110.

(2) Ibid. p. 110—112.

(3) Ibid. p. 118—122. Подъ письмомъ Стефана не означенъ годъ, когда оно написано, но, по соображеніи политическихъ обстоятельствъ, излагаемыхъ въ этомъ письмѣ, можно предположить, что оно написано въ царствованіе Менгли-Гирея (1725—1730), когда борьба хановъ съ Чиринбеями кончилась совершеннымъ пораженіемъ послѣднихъ. Богушъ, т. II. стр. 352.

въ Крыму существовала если не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ предполагалъ Дюбанъ, то все-таки въ бо́льшихъ, чѣмъ какіе она имѣла въ 1713 г., и съ успѣхомъ отстаивала свое существованіе противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, происходившихъ отъ частой смѣны хановъ и своеволія могущественной аристократической фамиліи Чиринбеевъ. „Дѣло Божіе дѣлается — писалъ отецъ Стефанъ — наши католики исполняютъ свои обязанности свободно и ревностно, тогда какъ страсти, обыкновенно рождающіяся въ сердцахъ тѣхъ, которые управляютъ, внушали намъ справедливыя опасенія за нашу миссію и за всѣхъ нашихъ учениковъ. Но Господь, пославшій въ вертоградъ своихъ дѣлателей, не попустилъ разрушить свое наслѣдіе“ (1)... Здѣсь миссіонеръ разумѣетъ революціонныя движенія крымской аристократіи Чиринбеевъ противъ хановъ. При Менгли Гиреѣ (1725—1730) эта борьба могущественнаго аристократическаго рода Чиринбеевъ съ крымскими ханами, отстаивавшими неограниченность и самостоятельность своей власти, достигла высшей степени напряженія и угрожала іезуитской миссіи разрушеніемъ. Іезуиты, по обыкновенію вѣроятно лавировавшіе между двумя враждебными партіями и мѣшавшіеся въ ихъ борьбу, въ это время не могли уже остаться совершенно нейтральными. Они потеряли покровительство Чиринбеевъ и постоянно ждали, что ихъ „часовня и домъ будутъ разграблены и можетъ быть разрушены схизматиками, врагами болѣе страшными, чѣмъ даже сами турки“. Не имѣя покровительства Чиринбеевъ, они не знали, въ какія отношенія станетъ къ нимъ новый ханъ Менгли-Гирей, только что возведенный Чиринбеями на престолъ (1724 г.), будетъ ли онъ дѣйствовать сообразно съ желаніями Чиринбеевъ, или иначе. Случилось послѣднее, какъ вообще, такъ и въ частности по отношенію къ іезуитамъ. Рѣшившись уничтожить могущество Чиринбеевъ и положить конецъ ихъ своеволіямъ, ханъ созвалъ диванъ, на которомъ долженъ былъ присутствовать и глава фамиліи Чиринбеевъ. Менгли-Гирей намѣревался захватить его въ свои руки и казнить, но послѣдній, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ изъ дивана и удалился вовсе изъ Крыма въ Черке-

(1) Lett. edif. t. I. p. 118.

сію (1). Іезуиты въ это время, благодаря медицинскимъ познаніямъ одного изъ своихъ собратовъ, были уже въ силѣ у хана. Стефанъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о случаѣ, доставившемъ имъ возможность услужить хану и пріобрѣсть его довѣренность и покровительство: „новый ханъ—говоритъ онъ — прибылъ въ Крымъ нездоровый, съ маленькою раною на рукѣ. До сихъ поръ онъ искалъ человѣка, который бы вылечилъ его совершенно. Узнавъ случайно, что миссіонеры, утвердившіеся въ этомъ городѣ, часто получаютъ лекарства изъ Франціи, что они даромъ снабжаютъ этими лекарствами больныхъ и что тѣ, которые пользуются ими, получаютъ большое облегченіе, ханъ, желавшій вылечиться, прислалъ къ намъ, прося дать ему нашихъ лекарствъ. О. Делятуръ, постоянно упражнявшійся въ дѣлахъ милосердія при больныхъ и занимавшійся раздачею нашихъ лекарствъ, далъ ему тѣхъ, которыя считалъ болѣе подходящими къ его болѣзни, свойства которой онъ позаботился разузнать. Ханъ принялъ его съ тою благосклонностію, съ какою больной относится къ медику, отъ котораго надѣется получить исцѣленіе. Отецъ Делятуръ научилъ его, какъ должно пользоваться данными ему лекарствами. Нѣсколько недѣль спустя, ханъ прислалъ за нимъ, намѣреваясь наградить его за данную ему мазь и дать патентъ на полученіе ежедневной пенсіи, состоявшей изъ 800 драхмъ мяса, трехъ хлѣбовъ и двухъ свѣчъ. Эта пенсія очень улучшила положеніе нашего дома... Но успѣхъ лекарствъ о. Делятура сдѣлалъ для нашей миссіи еще болѣе. Когда ханъ совершенно выздоровѣлъ, то, призвавъ своего благодѣтеля, спрашивалъ его, чѣмъ наградить его за услугу, увѣряя, что ни въ чемъ ему не откажетъ. О. Делятуръ воспользовался столь благопріятнымъ случаемъ, который давало ему Провидѣніе, чтобы испросить у хана одну милость, именно, чтобы онъ почтилъ миссію своимъ покровительствомъ и далъ миссіонерамъ возможность прямо и свободно предлагать свои услуги всякому, кто въ нихъ будетъ имѣть нужду и обратится къ нимъ. Ханъ былъ восхищенъ тѣмъ, что можетъ согласиться на покровительство, не тратя ничего болѣе, кромѣ бумаги“ (2).—Такимъ образомъ іезуит-

(1) Ibid. p. 121. Богушъ. т. II. стр. 342.
(2) Lett. edif. т. I. p. 121.

ская миссія въ Крыму, благодаря искусству своихъ членовъ, утвердилась повидимому самымъ прочнымъ образомъ, такъ что могла презирать гражданскія неустройства Крыма, которыя были въ состояніи не только препятствовать успѣшному веденію дѣла миссіи, но и совершенно уничтожить ее. Изъ всѣхъ затрудненій они до сихъ поръ выпутывались самымъ счастливымъ образомъ, но въ 1736 г. они не могли предотвратить удара для своей миссіи съ другой стороны, со стороны Россіи, которая была въ это время въ войнѣ съ Крымомъ. Русское войско подъ начальствомъ Миниха вторглось въ Крымъ и начало жечь всѣ попадавшіеся города и деревни. Опасность грозила и Бахчисараю, столицѣ ханства. Понимая это, ханъ бѣжалъ; іезуиты также, по извѣстію Манштейна, „бывъ обязаны слѣдовать за ханомъ, оставили жилище и библіотеку въ добычу непріятелю“ (1). Городъ былъ сожженъ русскими, при чемъ погибли всѣ іезуитскія зданія и, „прекрасная библіотека, содержавшая множество рѣдкихъ рукописей“ (2). Этого удара, погубившаго почти всѣ пріобрѣтенія іезуитовъ, сдѣланныя ими съ такимъ трудомъ и въ продолженіе такого долгаго времени, крымская миссія не могла повидимому вынести. По крайней мѣрѣ о дальнѣйшей исторіи ея нѣтъ обстоятельныхъ извѣстій. И послѣ этого погрома іезуиты на оставили Крыма, но едвали занимались здѣсь пропагандой среди мухаммеданъ. Въ перечнѣ миссій и резиденцій іезуитскаго ордена, которыя онъ имѣлъ въ разныхъ странахъ свѣта предъ своимъ уничтоженіемъ (1773 г.), въ Бахчисараѣ показана іезуитская резиденція (но не миссія) (3). Но неизвѣстно, уничтожилась ли въ Крыму іезуитская резиденція послѣ уничтоженія ордена. Достовѣрно только, что она не могла существовать здѣсь оффиціально послѣ французской революціи, потому что по настоянію новаго французскаго правительства папская булла объ уничтоженіи іезуитовъ была приведена въ исполненіе и въ Турціи. Но извѣстно, что оффиціальное уничтоженіе невсегда препятствовало іезуитамъ продолжать свое

---

(1) Манштейнъ, Записки историч., политич. и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 г. русск. перев. 1810 ч. II. стр. 69, 70.

(2) Богушъ. т. II. стр. 346.

(3) Guette, Hist. des Jesuit. t. III. p. 474.

фактическое существованіе. Латинская миссія въ Крыму не прекращала своего существованія и послѣ этого времени; только она переведена была изъ Бахчисарая въ Одессу и передана была въ руки другихъ монашескихъ орденовъ, равно какъ и другія миссіи въ турецкой имперіи. Крымская миссія попрежнему находилась въ зависимости отъ константинольской и въ самой тѣсной связи съ нею. Начальникъ константинопольской миссіи, которая состояла изъ преобразованныхъ миноритовъ и находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ конгрегаціи пропаганды, былъ главнымъ префектомъ крымской миссіи: онъ былъ обязанъ посылать въ Крымъ миссіонеровъ и посылалъ туда монаховъ различныхъ орденовъ, преимущественно францисканъ и кармелитовъ. Въ такомъ видѣ существовала эта миссія до начала настоящаго столѣтія, когда іезуиты пріобрѣли у насъ въ Россіи особенную силу и задумали возобновить свою дѣятельность въ Крыму. Сначала они въ 1805 г. явились здѣсь неоффиціально и въ небольшемъ количествѣ (ихъ было двое), а потомъ въ 1810 г. разными происками успѣли добиться у русскаго правительства оффиціальнаго разрѣшенія поселиться въ Крыму, гдѣ и начали немедленно дѣйствовать для усиленія латинства. Они начали строить множество церквей и часовень въ колоніяхъ и большихъ городахъ и постарались захватить въ свои руки общественное образованіе. Среди высшихъ классовъ русскаго общества, на которые іезуиты устремляли все свое вниманіе, пропаганда ихъ была не безуспѣшна. Низшіе классы не удостоивались ихъ вниманія. Еще менѣе вниманія они обращали на мухаммеданъ. Повидимому ихъ они вовсе не имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы среди ихъ прозелитовъ были обращенные мухаммедане (1).

Впрочемъ, что касается до результатовъ собственно противумухаммеданской дѣятельности іезуитовъ въ Крыму, то, и относительно ихъ первой миссіи здѣсь, можно положительно утверждать, нисколько не опасаясь погрѣшности, что результатовъ не было никакихъ, хотя объ этомъ предметѣ поло-

(1) Подробности о дѣятельности іезуитовъ въ Крыму въ началѣ настоящаго столѣтія у Мордвинова: «Іезуиты въ Россіи». Спб 1870. ч. II. стр. 393—430.

жительныхъ извѣстій нѣтъ. Извѣстно только, что въ послѣдующее время никто не замѣтилъ между крымскими татарами никакихъ слѣдовъ дѣятельности іезуитовъ для насажденія между ними христіанства и ослабленія мухаммеданства; мухаммеданство въ Крыму во время пребыванія здѣсь іезуитовъ повидимому не только не ослабѣло, но даже усилилось. Когда іезуиты поселились въ Крыму въ началѣ XVII ст., татары здѣсь были очень плохими мухаммеданами и довольно терпимо относились къ христіанамъ; къ концу же XVII ст. они сдѣлались уже такими же фанатиками, какъ и турки. Во время присоединенія Крыма къ Россіи крымскіе татары были полными мухаммеданами и потомъ во все время подданства своего Россіи постоянно тяготѣли къ единоплеменной и единовѣрной Турціи.—Такъ безуспѣшна и безслѣдна была эта миссія, на которую было потрачена немало ума, энергіи, терпѣнія и матеріальныхъ средствъ! Такая безуспѣшность ея тѣмъ болѣе удивительна и непонятна, что сослаться для объясненія ея на недостатокъ средствъ, на недостаточность подготовки и на неискусство миссіонеровъ въ этомъ случаѣ нельзя: этою миссіею заправляли люди очень хорошо подготовленные, имѣвшіе многихъ благотворителей и покровителей, какъ во Франціи, такъ и въ самомъ Крыму. Остается обратиться къ методу, которому слѣдовали іезуиты: въ немъ не было ли чего-нибудь такого, что содѣйствовало безуспѣшности ихъ миссіонерской дѣятельности. Мы видѣли, что іезуиты слѣдовали здѣсь методу, который можно назвать методомъ *окольнаго пути* и который состоялъ въ томъ, чтобы дѣйствовать не прямо, а чрезъ посредство лицъ болѣе близкихъ къ татарамъ и болѣе съ ними знакомыхъ, каковыми лицами іезуиты считали въ Крыму туземныхъ армянскихъ христіанъ и рабовъ. Самъ по себѣ этотъ методъ очевидно не заключалъ въ себѣ ничего предосудительнаго и ничего такого, что бы могло обѣщать ему безуспѣшность. Онъ есть не что иное, какъ приложеніе къ дѣлу той миссіонерской аксіомы, которая гласитъ, что всякій человѣкъ охотнѣе выслушаетъ и лучше пойметъ наставленіе своего земляка и единоплеменника, чѣмъ человѣка совершенно незнакомаго, совершенно чуждаго и по

языку и по нравамъ, по привычкамъ и обычаямъ (²). Этимъ методомъ всегда можно и даже должно пользоваться, не опасаясь безуспѣшности, но только не изключительно имъ однимъ, какъ имъ пользовались іезуиты. Они погрѣшили здѣсь главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ: 1) они, желая дѣйствовать на татаръ окольнымъ путемъ чрезъ посредство туземцевъ, неудачно выбирали посредствующихъ агентовъ между собою и татарами. Они возводили на степень такихъ агентовъ крымскихъ армянъ и рабовъ всѣхъ исповѣданій; но ни армяне, ни рабы не были единоплеменниками татаръ и стояли притомъ къ нимъ въ особыхъ отношеніяхъ, почти совершенно изключавшихъ даже возможность вліянія ихъ на своихъ повелителей мухаммеданъ, смотрѣвшихъ на райевъ съ самымъ глубокимъ презрѣніемъ и считавшихъ преступленіемъ заимствовать отъ нихъ что-либо особенно касающееся религіи. 2) Іезуиты пользовались этимъ методомъ слишкомъ изключительно, почти совершенно устраняя себя отъ прямаго дѣйствія на татаръ и все предоставляя упомянутымъ посредствующимъ агентамъ, между тѣмъ какъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ сколько отъ качества методовъ, столько же, если не болѣе, отъ личнаго вліянія миссіонера. Вообще миссіонеръ, пользующійся этимъ методомъ изключительно, всегда находится въ опасности потерять совершенно изъ виду свою главную цѣль и всю свою дѣятельность устремить на предметы совершенно посторонніе, такъ какъ эта цѣль здѣсь становится слишкомъ далекою для того, чтобы стремиться къ ней неослабно, осо-

---

(²) Одинъ опытный индійскій миссіонеръ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «навѣрное можно сказать, что миссіонеры, отправляясь въ путь для обращенія язычниковъ (можно прибавить и мухаммеданъ), сдѣлаютъ очень хорошо, если будутъ брать съ собою туземцевъ, обращенныхъ или хотя только оглашенныхъ словомъ истины... Такъ какъ землякъ лучше слушаетъ земляка, чѣмъ чужаго, то этимъ новообращеннымъ легче дѣйствовать, нежели европейцамъ, въ дѣлѣ христіанства. Если же у нихъ меньше ловкости, краснорѣчія и познаній, нежели у миссіонеровъ, то жаръ, съ которымъ они убѣждаютъ неосвященныхъ, переходитъ въ душу послѣднихъ быстрѣе и укореняется въ нихъ крѣпче, нежели рѣчь какого-нибудь чуждаго имъ монаха». Сынъ отеч. 1848. февраль. V. ст. 38: Извлеченіе изъ журн. миссіон. Лакроа.

бенно когда внѣшнія обстоятельства не доставляютъ возможности продолжать свою дѣятельность спокойно и вполнѣ расчитанно. Въ такихъ-то именно обстоятельствахъ находились іезуиты въ Крыму, какъ мы уже видѣли. Эти недостатки іезуитскаго метода и были главною причиною безуспѣшности ихъ миссіи. Мы увидимъ, что такому же методу по отношенію къ мухаммеданамъ слѣдовали и протестанты и потому ихъ миссія была столь же безуспѣшна, хотя они дѣйствовали и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

в) *Миссіи протестантовъ среди ногайскихъ и кубанскихъ татаръ въ началѣ настоящаго столѣтія.*

Первое изъ протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ, обратившихъ свое вниманіе на татаръ, было эдинбургское или шотландское, основанное нѣкоторыми благочестивыми пресвитеріанами въ 1796 г., почти въ одно время съ лондонскимъ (1). Директорамъ этого общества, искавшимъ удобнѣйшаго мѣста для основанія своихъ миссій, дѣятельности которыхъ они намѣревались придать огромные размѣры, особенно понравились земли между морями Каспійскимъ и Чернымъ, какъ совершенно соотвѣтствовавшія ихъ видамъ. „Уже нѣсколько лѣтъ—писали они—мы обращали наше вниманіе на берега Каспійскаго моря, какъ особенно удобные для христіанской миссіи. Чѣмъ долѣе мы съ картой предъ

(1) Протестантская пропаганда между инородцами, обитающими на восточной окраинѣ европейской Россіи, началась еще ранѣе. Въ 1764 г. моравскіе братья или гернгутеры съ позволенія правительства поселились въ окрестностяхъ Царицына (саратов. губ.) и основали тамъ колонію Сарепту, имѣя главнымъ образомъ въ виду миссіонерскую цѣль—обращеніе окрестныхъ язычниковъ и мухаммеданъ въ христіанство. Нѣкоторые изъ колонистовъ дѣйствительно занимались миссіонерствомъ и иногда не совершенно безуспѣшно, но вскорѣ эта главная цѣль колоніи отстранена была на второй планъ, а потомъ и совершенно опущена изъ виду. Миссіонерская дѣятельность сарептскихъ колонистовъ направлена была исключительно на калмыковъ, а не на татаръ, и потому разсмотрѣніе ея стоитъ внѣ нашей задачи. О Сарептѣ см. Вѣстн. Евр. 1868. № 3. стр. 278—326: Сектаторы колонисты въ Россіи, Клауса. Журн. мин. нар. просв. 1869 г. августъ: О распростр. христіан. у калм. стр. 148—152.

глазами обдумывали нравственное и религіозное состояніе обитающихъ тамъ народовъ, тѣмъ глубже эта мысль западала въ нашу душу. Страна эта—думали мы—лежитъ почти въ центрѣ стараго материка, граничитъ съ различными міровыми царствами—Персіей съ юга, Турціей съ запада, Россіей съ сѣвера и Татаріей съ востока, со всѣхъ сторонъ окружена многочисленными, погруженными въ глубокое невѣжество и развращеніе, племенами, изъ которыхъ нѣкоторыя, хотя называются христіанами, однако (какъ можно думать) совершенно чужды христіанству (?), а остальныя—мухаммедане, или послѣдователи Далай-Ламы, или язычники и идолоноклонники другихъ родовъ:—какое обширное поле для вѣрныхъ миссіонеровъ открылось предъ нашими глазами! Какой удобный случай сѣять полными руками небесныя сѣмена! И какую богатую жатву можно бы собрать тамъ при Божіемъ благословеніи, обращая и соблюдая многіе милліоны смертныхъ“ (1). Отсюда видно, что эдинбургское общество не думало ограничивать свою миссіонерскую дѣятельность исключительно татарами, но обстоятельства и недостатокъ средствъ принудили его впослѣдствіи ограничиться только ими. Предположивъ учредить на кавказскомъ перешейкѣ центральный миссіонерскій постъ, общество приступило къ выполненію своего предположенія, хотя и съ великими опасеніями, считая успѣхъ предпріятія почти невозможнымъ. Однако препятствія и трудности были болѣе воображаемыя, чѣмъ дѣйствительныя, потому что желаніе эдинбургскаго общества учредить въ южной Россіи миссіонерскую колонію совпадало съ видами русскаго правительства заселить южныя, пустынныя земли иностранными колонистами и такимъ образомъ оживить край торговлею и промыслами. Могло быть только одно препятствіе со стороны святѣйшаго Синода, который постоянно старался устранить иностранныхъ миссіонеровъ отъ пропаганды между русскими подданными, но и это препятствіе свѣтское правительство всегда умѣло обходить или совершеннымъ умолчаніемъ о главной цѣли иностранныхъ колоній, или двусмысленныхъ формулированіи-

(1) Nachrichten von der Ausbreitung des Reichs Jesu. B. II. 1803 г. S. 99 и слѣд.

емъ ея (1). Сдѣлавъ нѣкоторые предварительные розыски, директоры эдинбургскаго общества рѣшились наконецъ весною 1802 г. послать въ Петербургъ для переговоровъ и въ Астрахань для осмотра мѣстности двоихъ агентовъ. Это были: *Брунтонъ*, опытный уже миссіонеръ, зарекомендовавшій себя предусмотрительностію, неутомимою ревностію и особенною способностію къ усвоенію чужихъ языковъ, недавно прибывшій изъ Африки и самъ безъ всякаго внѣшняго побужденія единственно изъ любви къ дѣлу вызвавшійся совершить „отважное предпріятіе“, т. е. совершить путешестіе въ Петербургъ, и *Патерсонъ*, молодой еще человѣкъ, впрочемъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ приготовлявшій себя къ миссіонерской дѣятельности. Вмѣстѣ съ этими миссіонерами отправился также одинъ молодой африканецъ, Гилларумъ Гаррисонъ, вывезенный Брунтономъ изъ Африки и воспитывавшійся подъ его руководствомъ. Отплывъ изъ Эдинбурга въ апрѣлѣ, они въ началѣ мая прибыли въ Петербургъ. Вотъ какъ описываютъ директоры эдинбургскаго общества ихъ пребываніе въ Петербургѣ и хлопоты по отысканію мѣста для поселенія: „здѣсь они всѣми, кому были рекомендованы, были приняты очень хорошо, чрезвычайно вѣжливо и дружелюбно. Но касательно предмета своей миссіи они сначала видѣли вокругъ себя очень мало утѣшительнаго. Всѣ освѣдомленія и развѣдки, которыя они дѣлали съ этою цѣлію, давали результаты такого рода, что могли поколебать ихъ мужество и разрушить всѣ ихъ надежды на хорошій успѣхъ, потому что почти всѣ ихъ знакомые согласно утверждали, что они встрѣтятъ большія трудности и великія опасности, если поселятся въ южной части Россіи, и особенно если начнутъ обращать тамошнихъ жителей въ христіанско-протестантскую вѣру; такъ что они опасались за собственную свою свободу въ такомъ путешествіи. Однако въ то время, какъ они думали, что находятся въ безнадежномъ положеніи, и впали относительно этого въ печальное раздумье, благая десница Божія возымѣла о нихъ попеченіе, разсѣявъ ихъ грусть и сомнѣніе, разрушивъ казавшіяся непреодолимыми препятствія и уравнявъ для нихъ дорогу. Тотъ, въ рукахъ котораго сердца всѣхъ людей, воздвигнулъ совершен-

(1) Вѣстн. Европы. 1868 г. кн. 3. стр. 290.

но неожиданно для нихъ друга въ господинѣ Новосильцевѣ, русскомъ дворянинѣ, который былъ камергеромъ и довѣреннымъ лицемъ у императора. Чрезъ посредство этого господина они не только сохранили довѣріе, но и пріобрѣли одобреніе и вниманіе русскаго правительства къ своему предпріятію. Имъ дали паспортъ для свободнаго разъѣзда по всей имперіи и позволеніе поселиться гдѣ имъ будетъ угодно. Далѣе, имъ даны были почтовыя лошади и очень благопріятное для нихъ рекомендательное письмо. Сверхъ того, Новосильцевъ еще отъ себя далъ имъ письмо, въ которомъ всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ рекомендовалъ самымъ настоятельнымъ образомъ защищать ихъ, споспѣшествовать имъ во всемъ и дружелюбно съ ними обращаться. Такимъ образомъ не только побѣждены были трудности, которыя общество считало величайшими, но еще сверхъ того миссія пріобрѣла такое явное вниманіе, какого не смѣли ожидать самые смѣлые мечтатели. Ободренные явными знаками божественнаго попеченія, наши міссіонеры отправились черезъ Москву, Тамбовъ и Сарепту далѣе, въ Астрахань. Этотъ путь почти въ 1400 англійскихъ миль они совершили почти въ два мѣсяца, не испытавъ впрочемъ никакихъ несчастныхъ приключеній и другихъ трудностей, кромѣ тѣхъ, которыя были неизбѣжны во время такого путешествія и по такой землѣ. Съ ними обращались очень дружелюбно, мѣстное начальство всегда выказывало готовность помогать имъ, многія частныя лица дружественно приглашали ихъ въ свои дома и угощали чрезвычайно гостепріимно... Такъ какъ Астрахань по различнымъ причинамъ показалась имъ неудобною для того, чтобы начинать здѣсь миссіонерское дѣло, то 10 августа они оставили этотъ городъ и направились къ югозападу, въ Грузію. Они намѣревались было поселиться въ Тифлисѣ или по сосѣдству съ нимъ, но... генералъ Кноррингъ, генералъ-намѣстникъ этой провинціи, отсовѣтывалъ имъ ѣхать въ Грузію, потому что состояніе этой страны было очень неспокойно, а вмѣсто того посовѣтовалъ имъ ѣхать въ Черкасію. Поэтому они, отдохнувъ нѣсколько въ Георгіевскѣ, отправились далѣе, въ Константинъ-градъ, къ подножію кавказскихъ горъ, гдѣ мѣстный начальникъ, по приказанію генералъ-намѣстника, далъ имъ стражу, чтобы они безопасно могли обозрѣть окрестныя мѣстности для своей предположенной цѣли. Чрезъ нѣсколько дней они на-

или подходящее мѣсто тамъ, гдѣ находится татарская деревня Карасцъ, имѣющая неболѣе 500 жителей и лежащая въ сосѣдствѣ крѣпости. Въ этой-то деревнѣ и поселились наши миссіонеры, перебравшись въ домъ, называемый султанскимъ. Отсюда они подъ внѣшнею защитою русскаго гарнизона и подъ невидимою защитою всемогущаго божественнаго Провидѣнія начнутъ миссіонерскіе труды“ (1). Мѣстность, избранная Брунтономъ и Патерсономъ для основанія миссіи, дѣйствительно была очень удобна и очень понравилась директорамъ общества. „Возьми, любезнѣйшій читатель,—писали они съ восторгомъ—карту и смотри, въ какое удобное и надежное мѣсто поставилъ ихъ божественный Промыслъ. Разсмотри многолюдный перешеекъ, отдѣляющій Черное море отъ Каспійскаго. У сѣверной границы, въ равномъ почти разстояніи 400 верстъ отъ каждаго изъ этихъ морей, вблизи верховьевъ Кубани, отдѣляющей русскія владѣнія отъ турецкихъ, лежитъ вышесказанная татарская деревня Карасцъ, обитатели которой состоятъ изъ мухаммеданъ, стекающихся сюда изъ всѣхъ пограничныхъ земель и говорящихъ 6-ю или 7-ю различными нарѣчіями. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ одной стороны этой деревни находятся орды ногайскихъ татаръ, русскихъ подданныхъ, а съ другой стороны находятся кубанскіе татары, признающіе турецкое господство; другіе обитающіе въ окрестностяхъ народы суть: черкесы, кабардинцы и абазинцы. Здѣсь среди тьмы, бѣдствія и грѣховнаго рабства явились два мужа, которые оставили свое отечество и своихъ друзей—все, что такъ высоко и дорого цѣнится людьми, для того, чтобы возвѣстить вѣчное спасеніе своимъ собратьямъ, этимъ бѣднымъ людямъ, невѣдущимъ Евангелія Христова“ и пр. (2). Всѣ эти удобства были впрочемъ далеко не такъ велики, чтобы отъ разсмотрѣнія ихъ приходить въ восторгъ. Ими могли прельститься только директоры вновь основаннаго миссіонерскаго общества, ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ только о томъ, чтобы придать дѣятельности своихъ еще не существующихъ миссій какъ можно болѣе обширные размѣры. Миссіонеры, поселившіеся въ Карасцѣ, поступили правда подъ особое по-

(1) Nachrichten von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. II. S. 92—95.
(2) Ibid. S. 96.

кровительство россійскаго правительства, которое не только обезпечивало за ними личную безопасность и благосостояніе, но и всегда готово было давать имъ дѣйствительную помощь. Но уже самая эта тѣсная дружественная связь между русскимъ правительствомъ и шотландскими миссіонерами должна была препятствовать успѣху послѣднихъ. Имъ приводилось дѣйствовать среди народовъ, которые большею частію еще вели ожесточенную борьбу за свою независимость съ русскими и потому крайне враждебно смотрѣли на все русское и все имѣвшее съ нимъ связь. По отношенію къ религіи эта вражда должна была проявляться тѣмъ сильнѣе, что помянутые народы были или подъ сильнымъ вліяніемъ мухаммеданства, или же были настоящими мухаммеданами, т. е., исповѣдывали религію, искони особенно враждебную христіанству. Ближайшими сосѣдями новооснованной миссіонерской станціи были ногайскіе и кубанскіе татары: на нихъ-то и должны были устремить все свое вниманіе шотландскіе миссіонеры. Эти татары, составлявшіе нѣкогда часть золотой орды, въ 1261 г. подъ предводительствомъ Ногая (того самаго, который женился на Евфросиніи, побочной дочери византійскаго императора Михаила Палеолога) отдѣлились отъ нея и составили самостоятельную ногайскую орду. Эта орда почти до самаго начала XIX столѣтія обыкновенно кочевала между Дунаемъ и Кубанью, но послѣ подчиненія своего Россіи должна была сократить предѣлы своихъ перекочевокъ. Она раздѣлялась еще на четыре отдѣльныя орды или колѣна: Буджакъ, Джедисанъ, Джедиткуль и Джамбайлукъ, и постоянно находилась въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ крымской ордѣ, жила съ нею одною жизнію и находилась даже въ нѣкоторой зависимости отъ крымскихъ хановъ: она признавала надъ собою верховную власть этихъ хановъ, которые посылали ей въ предводители своихъ сыновей (1). По мѣрѣ усиленія мухаммеданства между крымскими татарами, оно усиливалось и между ногайскими, хотя и не одновременно, потому что турецкое вліяніе на ихъ религіозныя расположенія проникало къ нимъ не прямо, а чрезъ посредство ихъ сосѣдей, крымцевъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, когда въ Крыму дѣйствовали іезуиты, ногайцы были

(1) Ист. судьбы крым. тат. Вѣст. Евр. 1866 г. II. стр. 197.

преданы мухаммеданской религіи еще въ слабой степени (1), но со времени подчиненія Россіи, когда они начали вести болѣе осѣдлую жизнь и когда состояніе подданства иновѣрному и иноплеменному правительству увеличило въ нихъ симпатію и воспріимчивость къ вліянію на нихъ единоплеменниковъ-мухаммеданъ, мухаммеданство между ними усилилось и даже внушало имъ особенно враждебныя отношенія къ христіанству. Одна часть ногайской орды, обитавшая за Кубанью и называвшаяся кубанскою, признавала даже турецкое господство и стояла по отношенію къ русскимъ въ прямо враждебныхъ отношеніяхъ.

Шотландскіе миссіонеры кажется понимали эти трудности и потому начертали себѣ такой планъ дѣйствій, который-бы не затрогивалъ прямо религіозныхъ симпатій татаръ и ставилъ бы ихъ въ положеніе совершенно нейтральное по отношенію къ религіозной враждѣ татаръ—мухаммеданъ къ христіанству. Для распространенія христіанства между татарами миссіонеры избрали слѣдующія два средства: 1) выкупъ плѣнныхъ татарскихъ дѣтей и воспитаніе ихъ въ духѣ христіанства съ цѣлію воспользоваться ими для миссіонерскихъ цѣлей, именно для катихизаціи новообращенныхъ и для заведенія непосредственныхъ сношеній съ татарами; 2) распространеніе между окрестнымъ населеніемъ библій и полемическихъ трактатовъ на туземномъ языкѣ. Имѣя въ виду первое средство, Брунтонъ и Патерсонъ въ письмѣ своемъ, поданномъ императору Александру I чрезъ Новосильцева относительно позволенія имъ поселиться въ Россіи, просили, „чтобы имъ позволено было покупать невольниковъ отъ черкесовъ и закубанцевъ (пунктъ 2-й), чтобы тѣ, которыхъ они купятъ не болѣе 16 лѣтъ, „не далѣе 7 лѣтъ находились въ ихъ зависимости (3-й), чтобы купленные ими моложе 15 лѣтъ служили имъ только до двадцати-

---

(1) Lett. edif. t. I. p. 101, 115. Богушъ говоритъ: «ногайцы были столь же несвѣдущи въ своемъ законѣ, какъ и во всемъ прочемъ; едва имѣли они вѣру мусульманскую. Разсказываютъ относительно сего отвѣтъ одного шута Селимъ-Гирсева, который былъ принуждаемъ своимъ государемъ къ принятію магометанской вѣры: нѣтъ, не могу я, отвѣчалъ онъ, но чтобъ не досадить вамъ совершенно, то сдѣлаюсь лучше ногайцемъ». (Ист. о Таврѣ. т. II. стр. 402.).

трехлѣтняго возраста (4-й), и чтобы запрещено было имъ продавать кого-либо изъ купленныхъ ими народовъ (7-й) (1). Хотя миссіонеры вслѣдствіе понятной осторожности и не высказывали здѣсь цѣли, для которой имъ нужны были исчисленныя льготы, однако эта цѣль ясна уже изъ самой постановки предложенныхъ ими условій. Ясно, что они желали пріобрѣсти право на покупку невольниковъ не для того главнымъ образомъ, чтобы пользоваться ихъ услугами въ своемъ хозяйствѣ и не для торговыхъ цѣлей, а для того, чтобы воспитывать купленныхъ мальчиковъ въ духѣ христіанской религіи для миссіонерской должности. Это извѣстно было и нашему свѣтскому правительству, которое согласилось на всѣ эти условія, впрочемъ съ важнымъ, хотя и небольшимъ, ограниченіемъ. Въ высочайше утвержденномъ (22 ноября 1802 г.) докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи шотландцамъ учинить поселеніе въ кавказскомъ краѣ на условіяхъ имип редлагаемыхъ было сказано, что „покупка невольниковъ можетъ быть имъ дозволена, но съ тѣмъ именно условіемъ, что они должны быть не русскіе и не грузинцы: ибо извѣстно, что черкесы и другіе горскіе народы захватываютъ христіанъ и обращаютъ ихъ на продажу, и не ограничить сего было бы подать поводъ къ сугубымъ попыткамъ народовъ сихъ красть нашихъ людей“ (2). Отнявъ такимъ образомъ у русскихъ и грузинъ возможность быть невольниками колонистовъ, русское правительство, можетъ быть и ненамѣренно, оградило ихъ отъ иновѣрной пропаганды и лишило ихъ чести быть посредствующими органами этой пропаганды среди окрестныхъ христіанъ и мухаммеданъ. Это ограниченіе должно было впрочемъ принести нѣкоторую пользу шотландскимъ миссіонерамъ, потому что заставляло ихъ избирать въ посредствующіе органы людей болѣе близкихъ къ мухаммеданамъ, чѣмъ туземные христіане, и такимъ образомъ нѣсколько улучшить обыкновенный на западѣ окольный методъ обращенія мухаммеданъ, которымъ они намѣрены были пользоваться. Получивъ дозволеніе, миссіонеры постарались воспользоваться своимъ правомъ въ возможно скорѣйшемъ времени: они накупили невольни-

(1) Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20522.
(2) Ibid.

ковъ и завели школу для обученія ихъ. Впрочемъ до 1806 г. миссіонеры не могли пользоваться этимъ средствомъ такъ, какъ бы желали, частію по недостатку средствъ, частію же потому, что стѣснялись отсутствіемъ со стороны русскаго правительства положительнаго позволенія обращать выкупленныхъ рабовъ въ протестантство. Въ 1806 г. эти препятствія были устранены почти совершенно, благодаря русскому правительству, которое наполнило ихъ школу инородческими мальчиками, не требуя никакой платы за нихъ, и дало имъ позволеніе обращать въ свою вѣру всякаго инородца, желающаго сдѣлаться членомъ ихъ колоніи. „Такъ какъ фондъ—разсказываетъ одно современное извѣстіе—не дозволялъ болѣе, чтобы миссіонеры выкупали молодыхъ людей для воспитанія ихъ въ христіанской религіи, то божественное Провидѣніе дало средства наставить въ христіанствѣ болѣе 40 дѣтей, присланныхъ имъ безъ всякихъ издержекъ съ ихъ стороны изъ отдаленной части Татаріи. Эти дѣти принадлежали къ поколѣнію татаръ-киргизовъ, были обоего пола и возраста отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ ихъ отечествѣ по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ Божественная милость не была бы имъ доступна чрезъ Евангеліе, но Тотъ, который сказалъ: „Я скажу сѣверу: проведи! и югу: не воспрещай! Приведи моихъ сыновъ издалека и моихъ дочерей отъ краевъ земли“ (Исаіи 43, 6),—принудилъ поколѣніе посредствомъ голода отдать своихъ дѣтей императору за хлѣбъ. Этотъ же Богъ нашъ склонилъ русское правительство часть изъ нихъ послать къ миссіонерамъ, чтобы подъ ихъ надзоромъ они возрасли въ христіанской религіи“ (1). Такимъ образомъ миссіонеры пріобрѣли достаточное количество людей, надъ которыми можно было выказать имъ свое умѣнье воспитывать въ духѣ христіанства и приготовлять новыхъ туземныхъ миссіонеровъ. Они могли дѣлать это тѣмъ свободнѣе, что около этого же времени получили отъ русскаго правительства формальное разрѣшеніе обращать въ протестантство мухаммеданъ и дѣлать ихъ членами своей колоніи. Въ 1806 г. уполномоченный эдинбургскаго миссіонерскаго

---

(1) Nachr. von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. III. S. 60. Въ Полномъ собраніи законовъ упоминается нѣсколько подобныхъ случаевъ, но объ этомъ не упоминается.

общества *Митчель*, при содѣйствіи Новосильцева, графа Кочубея и Романцова, выхлопоталъ для шотландской колоніи новую льготную грамату, которая „въ поощреніе предпріятій колонистовъ, клонящихся къ распространенію трудолюбія, ремеслъ и фабрикъ въ краю столь мало населенномъ и смежномъ съ народами мухаммеданскаго исповѣданія, или язычниками, никакого образованія не имѣющими“, дозволяла между прочимъ: 1) „всякому кабардинцу, черкесу, или другому магометанину, или язычнику изъ людей *свободныхъ*.... принять вѣроисповѣданіе колоніи и сдѣлаться членомъ оной съ согласія управы“, а также 2) „всякому кабардинцу, черкесу, татарину и язычнику изъ *невольниковъ* принять вѣроисповѣданіе колоніи и сдѣлаться членовъ оной съ согласія управы, если владѣлецъ таковаго отпуститъ, получа отъ него предварительно надлежащее себѣ удовлетвореніе“ (1). Получивъ такое дозволеніе, миссіонеры могли уже не стѣсняясь обращать въ христіанство инородческихъ мальчиковъ, обучавшихся въ ихъ школѣ. Въ 1808 г. миссіонеры писали объ этой школѣ, что она находится въ цвѣтущемъ состояніи, что молодые туземцы, которыхъ Брунтонъ выкупилъ изъ рабства, продолжаютъ оправдывать надежды возлагаемыя на нихъ, что успѣхи дѣлаемыя ими очень высоки и что многіе изъ нихъ могутъ уже читать Библію (2). Но это процвѣтаніе школы было по всей вѣроятности не очень продолжительно. Послѣ 1809 г. о ней нѣтъ уже никакихъ извѣстій, а извѣстія о дѣятельности миссіонеровъ вообще говорятъ болѣе объ упадкѣ этой дѣятельности, а не о развитіи ея.

Еще ревностнѣе старались миссіонеры воспользоваться вторымъ своимъ миссіонерскимъ средствомъ, которое они считали едвали не самымъ надежнымъ. „Чтобы обратить народъ — писалъ Брунтонъ въ 1808 г.—нужно его наставить; а чтобы наставить мухаммеданъ, для этого кратчайшій путь состоитъ въ томъ, чтобы незамѣтно распространять между ними написанные на ихъ языкѣ маленькіе трактаты и экземпляры свящ. Писанія. Если это будетъ сдѣла-

---

(1) Полное собраніе законовъ. т. XXIX, № 22440, пун. 12 и 13. Nachricht. von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. III. S. 69, 59—51.

(2) Ibid. B. III. S. 270.

но благоразумнымъ и мудрымъ образомъ, то я убѣжденъ на основаніи своихъ прежнихъ опытовъ, что это произведетъ счастливѣйшіе результаты“ (1). Съ этимъ согласны были и директоры общества. Въ 1804 г. миссіонеры получили отъ нихъ типографскій станокъ и начали въ своей колоніи печатать небольшой полемическій трактатъ противъ мухаммеданства на турецкомъ языкѣ, который туземные татары, особенно ученые муллы, могли понимать довольно свободно (2). Въ 1806 г. миссіонеры окончили печатаніе этого трактата и начали распространять его между татарами съ немаловажнымъ успѣхомъ. „Трактатъ противъ мухаммеданства— писали миссіонеры—получилъ въ окрестныхъ уѣздахъ большое распространеніе и произвелъ большое движеніе между народомъ. Эффенди Шелливе, прибывшій въ Карасцъ съ цѣлію побесѣдовать съ миссіонерами, прочитавъ его, такъ взволновался, что нѣсколько ночей не могъ спать. Къ мѣстамъ Корана, приведеннымъ въ трактатѣ, приложенъ переводъ турецкій. Шелливе и другіе эффендіи находятъ, что смыслъ словъ переданъ очень хорошо и ясно, и откровенно сознаются, что противъ увѣщаній миссіонеровъ ничего не могутъ возразить. 411 экземпляровъ отосланы въ Сарепту къ г. Виганду, который намѣренъ распространить ихъ между мухаммеданами казанскими и бухарскими“ (4). Особенно хотѣлось миссіонерамъ распространить между татарами свящ. Писаніе на ихъ родномъ языкѣ. Но это желаніе не такъ скоро могло быть приведено въ исполненіе, потому что сначала нужно было еще сдѣлать переводъ. Въ первые годы существованія миссіи всѣ труды Брунтона посвящены были этому дѣлу. Въ 1806 г. переводъ новаго завѣта на турецкій языкъ былъ уже почти готовъ (3) и не печатался только по недостатку средствъ. Брунтонъ очень досадовалъ на это, писалъ въ Англію письма съ просьбою о помощи и предлагалъ даже директорамъ общества „учредить въ Англіи осо-

---

(1) Nachricht. von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. III. S. 63.

(2) Ibid. B. II. S. 321.

(3) Ibid. B. II. S. 63. Этотъ трактатъ былъ первымъ плодомъ карасцской прессы. Онъ состоялъ изъ 52 небольшихъ страницъ и очень чисто былъ напечатанъ арабскими буквами (S. 62.).

(4) Ibid. B. III. S. 63.

бый фондъ для этой цѣли", надѣясь, что „можетъ быть найдется много такихъ, которые охотно пожертвуютъ на этотъ предметъ". Однако ничто не помогало. Эдинбургское общество, какъ общество еще новое и малоизвѣстное, находило мало жертвователей и не могло въ достаточномъ количествѣ снабжать своихъ миссіонеровъ-колонистовъ матеріальными средствами, а сами они, несмотря на свое увеличившееся благосостояніе, изъ своихъ собственныхъ средствъ не хотѣли ничего тратить на это дѣло, которое съ каждымъ годомъ начало отступать все далѣе и далѣе на задній планъ, особенно съ 1808 г., когда политическія неустройства въ Европѣ сдѣлали для нихъ почти невозможными даже письменныя сношенія (1) съ обществомъ и такимъ образомъ лишили ихъ почти совершенно даже нравственной поддержки съ его стороны. Вслѣдствіе этого переводъ остался не напечатаннымъ долгое время, до тѣхъ поръ, пока не принялось за это дѣло россійское библейское общество, получившее начало въ 1812 г. не безъ вліянія со стороны шотландскихъ миссіонеровъ и дѣйствовавшее не безъ ихъ участія. Въ 1817 г. этотъ переводъ былъ уже напечатанъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ (2). Вскорѣ впрочемъ миссіонеры должны были разубѣдиться въ абсолютной годности этого средства распространенія христіанской вѣры между мухаммеданами. Переводъ былъ сдѣланъ не на народный татарскій языкъ, а на ученый турецкій въ томъ предложеніи, что свящ. Писаніе на турецкомъ языкѣ можетъ получить гораздо большее распространеніе. Поэтому отъ него нельзя было ожидать той пользы, какую онъ могъ бы принести, потому что турецкій языкъ простые татары могли понимать только съ трудомъ, а ученые, да и изъ нихъ не всѣ, хотя и могли понимать, но, пропитаные мухаммеданскимъ фанатизмомъ, часто не хотѣли его ни читать, ни слушать, за очень немногими изключеніями.

Сверхъ всего этого миссіонеры старались также и лично знакомиться съ окрестными мухаммеданами, вступали съ ними въ собесѣдованіе о предметахъ религіи и иногда ус-

(1) Nachricht. von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. III. S. 273—275.

(2) Извѣст. о распр. хр-ва между языч. народ. и магомет. Спб. 1817 г. стр. 362—303.

пѣвали ниспровергать ихъ старыя религіозныя убѣжденія и обращать ихъ въ христіанство. Новые пришельцы съ иными нравами, съ иной религіей, искусные во многихъ ремеслахъ, естественно должны были привлекать любопытство окрестныхъ татаръ, и потому начать съ ними сношенія и знакомства было нетрудно для миссіонеровъ, равно какъ нетрудно было вступить съ ними въ собесѣдованіе о религіи. Гораздо труднѣе было полемизировать съ мухаммеданами, разрушать ихъ предубѣжденія противъ христіанства и убѣждать ихъ перемѣнить религію. Это особенно должно сказать относительно ученыхъ муллъ, съ которыми особенно старались знакомиться миссіонеры и съ которыми они особенно часто вступали въ подобныя собесѣдованія. Таково свойство схоластической мухаммеданской науки, что она не только не дѣлаетъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ истинѣ и любознательнымъ въ отношеніи всего того, что касается высшихъ потребностей человѣческой души, но и совершенно ослѣпляетъ его и дѣлаетъ его почти совершенно неспособнымъ понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ что-либо такое, что не подходитъ подъ мѣру его школьныхъ воззрѣній:—поэтому-то такъ трудно говорить о религіи съ ученымъ мухаммеданиномъ и побудить его отнестись критически къ своимъ мнѣніямъ. Однако шотландскимъ миссіонерамъ иногда удавалось повидимому и это. Особеннымъ умѣньемъ въ этомъ отношеніи отличались Брунтонъ и пресвитеръ Авдій, исправлявшій должность школьнаго учителя и священника и умершій отъ чумы въ 1808 г.(¹). Не имѣя подъ руками свящ. Писанія на татарскомъ языкѣ, они выписали изъ Англіи нѣсколько экземпляровъ новаго завѣта на арабскомъ языкѣ, читали его собравшимся мулламъ, давали имъ его для чтенія на домъ, что и было для послѣднихъ, можетъ быть болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ, поводомъ посѣщать миссіонеровъ и здѣсь волею или неволею выслушивать разсужденія о превосходствѣ христіанской религіи. Уже въ 1806 г. директоры эдинбургскаго общества писали: „туземцы смотрятъ съ великимъ уваженіемъ на миссіонеровъ, ибо они чувствуютъ ихъ превосходство въ знаніяхъ и полезныхъ искусствахъ этой жизни и напротивъ свою

(¹) Nachricht. von der Ausbreit. des Reichs Jesu. B. III. S. 269.

собственную неумѣлость. Сильные предразсудки, которые во время пріѣзда въ эту землю г. Брунтона господствовали еще тамъ противъ христіанства, очень ослабѣли: даже нѣкоторые изъ эффендіевъ относятся къ миссіонерамъ очень дружелюбно. Нѣсколько экземпляровъ арабскаго новаго завѣта отданы въ руки ученымъ муллямъ и они ихъ прилежно читаютъ. Но они хотя могутъ читать Коранъ, однако мало понимаютъ поарабски, такъ что не могутъ правильно и легко понимать другія книги. Поэтому они часто посѣщаютъ г. Брунтона, который читаетъ имъ новый завѣтъ и употребляетъ на это много времени. Нѣкоторые изъ нихъ удивляются и отдаютъ ему явное преимущество предъ Кораномъ“ (1). Миссіонеры, не успѣвшіе еще хорошо познакомиться съ характеромъ восточныхъ народовъ, особенно мухаммеданъ, придавали этому удивленію и этимъ отзывамъ буквальное значеніе. Нѣсколько позднѣе Брунтонъ писалъ, что „различные эффенди перваго ранга не скрываютъ уже болѣе сознанія фальшивости своей собственной религіи и высказываютъ великое желаніе понимать новый завѣтъ лучше, чѣмъ поарабски“ (2). Если принять во вниманіе тотъ фактъ, что никто изъ этихъ эффендіевъ не принялъ однако христіанской вѣры и что многіе изъ нихъ даже положительно препятствовали и другимъ принимать ее, то искренность упомянутымъ заявленій болѣе чѣмъ сомнительна.—Гораздо легче было дѣйствовать на простой народъ и вообще на людей неиспорченныхъ еще мертвою и возбуждающею фанатизмъ мусульманскою наукою. И дѣйствительно здѣсь миссіонеры сначала имѣли довольно значительный успѣхъ. Уже въ 1805 г. „Брунтонъ окрестилъ двухъ туземцевъ, которые дали самыя достаточныя доказательства искренности принятія ими Евангелія“ (3), при чемъ было еще много такихъ, которые также готовы были въ скоромъ времени креститься. Послѣ этого миссіонерамъ удавалось крестить по нѣскольку человѣкъ почти каждый годъ до тѣхъ поръ, пока разныя препятствія и неустройства не ограничили ихъ ревность и не уничтожили совершенно всякіе успѣхи. Особенно важное пріобрѣтеніе

(1) Ibid. S. 62, 63.
(2) Ibib. S. 64, 66.
(3) Ibid. B. II. S. 321.

сдѣлали они въ 1808 г., когда вслѣдствіе ихъ увѣщаній принялъ крещеніе султанъ Ката Герри (Гирей?), сынъ ногайскаго хана Менгли-Гирея, одного изъ потомковъ крымскихъ Гиреевъ. Директоры эдинбургскаго общества чрезвычайно рады были этому обстоятельству. „Исторія этого молодаго человѣка—говоритъ современное извѣстіе—очень замѣчательна: онъ происходитъ по прямой линіи отъ крымскихъ хановъ и имѣетъ связи съ нѣкоторыми знатными восточными фамиліями. Отецъ его ханъ татаръ живетъ недалеко отъ Карасца. Сынъ познакомился съ г. Брунтономъ вскорѣ по его пріѣздѣ и съ тѣхъ поръ питалъ къ нему безпредѣльную сердечную привязанность. Г. Брунтонъ, плѣненный его прекрасными качествами, началъ наставлять его въ основоположеніяхъ христіанства. Немного потребовалось времени, чтобы онъ понялъ превосходство христіанства предъ мухаммеданствомъ. И вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ отказался отъ него и явно исповѣдалъ христіанство. Съ тѣхъ поръ онъ не только твердо держался исповѣданія, но и ревностно старался о распространеніи ученія Христова между своими земляками. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы рекомендовать христіанство ихъ вниманію, и защищалъ его, когда на него нападали. Словомъ онъ выказалъ усиленную заботливость о распространеніи его и обращеніи своихъ земляковъ. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ не только разговаривалъ съ простымъ народомъ, но часто диспутировалъ даже съ муллами и эффендіями, стараясь выставить въ настоящемъ свѣтѣ ихъ нелѣпыя мнѣнія, ихъ безбожные и суевѣрные обычаи и поведеніе, которые такъ сильно вредили ихъ ближнимъ. До сихъ поръ онъ устоялъ противъ всѣхъ преслѣдованій: ни обѣщанія, ни угрозы его родственниковъ не имѣли настолько силы, чтобы поколебать его привязанность къ Евангелію“ (1). Несмотря на это, миссіонеры, когда Ката-Герри послѣ крещенія оказался въ затрудненіи спискивать себѣ пропитаніе, не позаботились почему-то объ упроченіи его положенія, не захотѣли приписать его къ своей колоніи и воспользоваться для пользы миссіи его ревностію къ обращенію своихъ земляковъ. Новообращенный принужденъ былъ, чтобы достать себѣ средства

(1) Ibid. B. III. S. 270—272.

къ существованію, просить русское начальство о принятіи себя на коронную службу въ качествѣ писца и былъ принятъ. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ въ Грузію и тамъ вѣроятно затерялся въ массѣ русскаго чиновничества.

Таковы были успѣхи шотландской миссіи до 1809 г. Съ этого времени ревность миссіонеровъ начала замѣтно ослабѣвать, а успѣхи ихъ почти совершенно прекратились. Современныя извѣстія говорятъ большею частію только о препятствіяхъ, съ которыми надлежало бороться миссіонерамъ, и почти ничего о ихъ дѣятельности и успѣхахъ. Въ числѣ этихъ препятствій внезапно открывшееся противодѣйствіе мухаммеданъ, прежде повидимому очень дружественно относившихся къ миссіонерамъ, занимаетъ важное мѣсто. Извѣстія отъ 1809 г. повѣствуютъ, напримѣръ, о преслѣдованіяхъ, которымъ долго подвергался одинъ молодой татаринъ за свое намѣреніе принять христіанство (1), и объ открытомъ вооруженномъ возстаніи противъ христіанства мухаммеданъ подъ предводительствомъ нѣкоего Арсланъ-Бея. Этотъ Арсланъ-Бей, замѣтивъ, что нѣкоторыя татарскія деревни, сосѣдственныя съ колоніей миссіонеровъ, недостаточно преданы мухаммеданству и даже отпали въ язычество, и приписывая это вліянію миссіонеровъ, постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду, дѣлалъ разбойническіе набѣги на эту мѣстность и грозилъ миссіонерамъ своею местію, такъ что русское мѣстное начальство, узнавъ о намѣреніяхъ горскаго наѣздника, сочло нужнымъ послать въ колонію для защиты миссіонеровъ отрядъ солдатъ: „его намѣреніе—замѣчаютъ миссіонеры въ своемъ письмѣ — было тѣмъ отвратительнѣе, что онъ открыто выдавалъ себя за нашего друга“ (2). Враждебное расположеніе мухаммеданъ было также главною причиною того, что миссіонеры никакъ не могли проникнуть въ поселенія одного горскаго племени Сонна, которое прежде исповѣдывало христіанство, но съ завоеваніемъ страны мухаммеданами принуждено было почти совершенно оставить свою религію, и князья котораго приглашали къ себѣ миссіонеровъ для наставленія своего народа въ христіанской вѣрѣ. Такое поведеніе мухаммеданъ по отношенію къ хри-

(1) Ibid. B. III. S. 276.
(2) Ibid. B. III. S. 277.

стіанству показало миссіонерамъ, что на избранной ими мѣстности далеко не такъ удобно собирать обильную жатву въ пользу христіанства, какъ они полагали сначала. Они вдругъ сознали, что для ихъ дѣятельности здѣсь много препятствій и что одни они не могутъ съ ними бороться. „Велики трудности и препятствія, съ которыми намъ приходится бороться. Насъ мало и мы постоянно въ опасности“ (1). Послѣднее было не совсѣмъ справедливо, потому что въ 1808 г. колонія состояла изъ 50 душъ обоего пола (2). Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что обязанность распространять христіанство лежала нѣкоторымъ образомъ на всѣхъ членахъ колоніи, то дѣятелей было на первыхъ порахъ слишкомъ достаточно. Иное дѣло—ревность къ распространенію христіанства, миссіонерскій духъ, который долженъ былъ одушевлять членовъ колоніи сообразно съ цѣлію ихъ поселенія. Очень вѣроятно, что такой духъ и такая ревность были достояніемъ очень немногихъ изъ нихъ, а потомъ при развившихся неблагопріятныхъ условіяхъ ослабѣли и между этими немногими. Сопротивленіе со стороны мухаммеданъ, обнаружившееся въ такое время, когда политическія затрудненія прекратили на время сношенія шотландцевъ съ эдинбургскимъ обществомъ и лишили ихъ нравственной и отчасти матеріальной поддержки, было первымъ такого рода неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, отнявъ у неопытныхъ миссіонеровъ почти всякую бодрость. Далѣе неблагопріятно повліяло на миссіонерскую дѣятельность шотландскихъ колонистовъ между татарами удаленіе отъ этой дѣятельности ихъ лучшихъ миссіонеровъ. Въ 1808 г. умеръ пресвитеръ Авдій, чрезвычайно искусный въ полемикѣ съ мухаммеданами и въ обученіи дѣтей. Брунтонъ, начавшій дѣло и съ особеннымъ успѣхомъ и искусствомъ его продолжавшій, также, кажется, умеръ, или оставилъ колонію; по крайней мѣрѣ послѣ 1809 г. нѣтъ никакихъ извѣстій о его дѣятельности и во главѣ колоніи стоитъ уже Патерсонъ, человѣкъ властолюбивый, неуживчиваго характера и мало способный къ миссіонерскому дѣлу. Наконецъ ко всему этому присоединились внутреннія неустройства въ колоніи, рас-

(1) Ibid. S. 275.
(2) Ibid. S 269.

при и ссоры, почти совершенно отвлекшія вниманіе колонистовъ отъ ихъ главной цѣли. Нѣмецкіе выходцы, поселившіеся въ Сарептѣ, прельщенные привиллегіями шотландцевъ, переселились въ Карасцъ, но шотландцы устраняли ихъ отъ пользованія тѣмиже правами, какими пользовались сами, и хотя уступали имъ участокъ земли для поселенія, но съ тѣмъ, чтобы они отъ нихъ отдѣлились, и жить съ ними вмѣстѣ никакъ не соглашались (1). Отсюда произошли въ колоніи несогласія и неустройства и разрослись до такой степени, что дошло дѣло до правительственнаго вмѣшательства. Многіе изъ миссіонеровъ-колонистовъ начали оставлять свое мѣсто жительства и возвращаться за границу: колонія начала пустѣть, оставшіеся подъ начальствомъ Патерсона колонисты почти вовсе прекратили свою миссіонерскую дѣятельность, и если что дѣлали для распространенія св. Писанія между татарами, то при содѣйствіи и по порученію русскаго библейскаго общества. Эдинбургское миссіонерское общество, видя упадокъ своей миссіи и не имѣя само достаточныхъ средствъ поддержать ее, обратилось за помощію къ новооснованному въ Германіи базельскому миссіонерскому обществу (2). Помощь была подана (1821 г.), но миссія отъ этого нисколько почти не сдѣлалась успѣшнѣе.

Базельское миссіонерское общество, основанное въ 1816 г., главнымъ образомъ для воспитанія и приготовленія молодыхъ людей къ миссіонерскому поприщу (3), вскорѣ успѣло стать въ такія благопріятныя обстоятельства, что могло не только помогать другимъ посылкою хорошо приготовленныхъ и проникнутыхъ миссіонерскимъ духомъ людей, но и содержать свои собственныя миссіи. Блюмгардтъ, стоявшій во главѣ базельскаго общества, мысль о которомъ была внушена его основателямъ присутствіемъ въ составѣ русскихъ войскъ, осаждавшихъ (1815 г.) Гюнингенъ, татаръ и калмыковъ, остановилъ свое вниманіе на татарахъ, населяв-

---

(1) Полн. собр. зак. т. XXXIV, № 27070.

(2) Theolog. Studien und Kritiken. 1866. 4. Basel. Missionsgeselschaft. S. 809.

(3) Real-Encyclop. von Herzog. t. IX. S. 587.

шихъ Россію, и (1) начерталъ обширный планъ базельской миссіи на востокѣ. Точкою опоры для своихъ миссій Блюмгардтъ предполагалъ сдѣлать нѣмецкую колонію Цурихсталь въ Крыму. „Эта община—говоритъ Мерцъ—представляла, казалось, надежную опору для миссіи между мухаммеданами, на которыхъ тогда возлагали болѣе надеждъ, чѣмъ теперь, когда узнали, какое противодѣйствіе фанатизма и апатіи противополагаютъ они христіанству въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединены бываютъ въ массы. Съ сіяющимъ взоромъ указалъ благородный Блюмгардтъ на это средоточіе старо-турецкаго или татарскаго свѣта.., предполагая оттуда наполнять истинною жизнію не только племена, живущія въ степяхъ на югѣ Россіи и на востокѣ до Сибири, но и въ восточныхъ и западныхъ прикаспійскихъ земляхъ, въ таинственномъ Туркестанѣ и въ чудныхъ горахъ Кавказа между остатками разныхъ народовъ, накопившимися тамъ втеченіе столѣтій. При этомъ надѣялись, въ случаѣ распространенія христіанства на Кавказѣ, просвѣтить земли по направленію къ Персіи и далѣе земли при истокахъ Евфрата, спуститься даже въ Месопотамію и тамъ протянуть руку сподвижникамъ, которые проникнутъ туда изъ Сиріи и Малой Азіи. Къ этому присоединилось намѣреніе преобразовать древнюю христіанскую церковь Арменіи и еще болѣе древнюю несторіанскую церковь—это отечество миссій давнопрошедшихъ столѣтій“ (2). Этотъ планъ былъ одобренъ англійскимъ обществомъ и всѣми друзьями миссіи. Въ 1820 г. рѣшено было приступить къ его выполненію. Препятствій никакихъ не было. Русское правительство относилось къ протестантскому миссіонерству очень сочувственно, несмотря на его явную безуспѣшность (3). „Благодаря благочести-

---

(1) Theolog. Studien und. Krit. 4. S. 809.

(2) Ibid. S. 809, 810 и далѣе.

(3) Около этого же времени (1817 г.) учреждена была протестантская англійская миссія въ предѣлахъ нашего забайкальскаго края, около Селенгинска, среди идолопоклонниковъ монголовъ и бурятъ. Первыми миссіонерами здѣсь были англійскіе пасторы: Сталлибрасъ и Сванъ, а вслѣдъ за ними присланы были и многіе другіе. Миссіонеры эти имѣли здѣсь аптеку и типографію, въ которой они напечатали св. Писаніе В. З. на монгольскомъ языкѣ и начали печатать св. Писаніе на бурятскомъ языкѣ.

вому настроенію императора, вліянію на него г-жи Крюднеръ, Юнга Штиллинга и т. д.", протестанты могли надѣяться, что ихъ попытки увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Князь Голицынъ, вѣроятно съ вѣдома императора, уже въ 1818 г. вступилъ въ личныя сношенія съ базельскимъ миссіонерскимъ обществомъ и уговаривался объ учрежденіи въ Петербургѣ миссіонерской директоріи для сѣверной Азіи. Въ томъ же году самъ императоръ Александръ I выразилъ желаніе, чтобы 10 греко-католическихъ юношей поступили въ базельскій миссіонерскій институтъ для приготовленія къ миссіонерской дѣятельности. Члены библейскаго русскаго общества, находившагося подъ особеннымъ покровительствомъ императора, Патерсонъ и Пиккертонъ въ 1819 и 20 годахъ обращались въ Базель за способными къ проповѣди людьми, выставляя на видъ духовныя потребности нѣмецкихъ колоній въ Россіи, а также и разныхъ русскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ желаніе шотландскихъ колонистовъ получить помощь изъ Базеля согласовалось вполнѣ какъ съ планами базельскаго миссіонерскаго общества, такъ и съ видами русскаго правительства и потому вскорѣ получило полное удовлетвореніе. Въ 1821 г. базельцы послали въ Петербургъ для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ двоихъ знатнѣйшихъ братій своего миссіонерскаго дома, графа Фелиціона Зарембу, русскаго подданнаго, и доктора Дитриха. Результатомъ хлопотъ этихъ двухъ уполномоченныхъ было то, что базельскимъ миссіонерамъ 17 декабря 1821 г. (1) высочайшее пожалованы были тѣже самыя привиллегіи, которыми давно уже пользовались шотландскіе миссіонеры въ Карасцѣ, и позволеніе избрать гдѣ угодно удобное мѣсто для основанія миссіонерской станціи. Послѣ этого Заремба и Дитрихъ отправились въ Астрахань. За ними вскорѣ послѣдовали туда же другіе миссіонеры изъ Базеля, Лангъ, Гогенаккеръ и Бенцъ. Здѣсь они намѣрены были приготовить себя къ предстоящимъ работамъ уроками и совѣтами шотландскихъ миссіонеровъ, которые имѣли здѣсь типографію и занимались печатаніемъ св. Писанія и раз-

---

Но въ 1840 г. миссія эта была уничтожена. Іезуиты въ Россіи, Морошкина. ч. II. стр. 437—8, примѣч.

(1) Свод. закон. 1857. т. XII. ч. II. Устав. о кол. § 100. ст. 18.

ныхъ трактатовъ на татарскомъ и другихъ мѣстныхъ языкахъ при содѣйствіи россійскаго библейскаго общества.

Но прежде чѣмъ вновь прибывшіе помощники, незнакомые еще ни съ мѣстными мухаммеданскими языками, ни съ мѣстными условіями миссіонерской дѣятельности, могли сдѣлаться дѣйствительно полезными, шотландскіе миссіонеры, благодаря счастливому обстоятельству, пріобрѣли такого помощника, который дѣлалъ помощь базельцевъ почти излишнею, который въ дѣлѣ противумухаммеданскаго миссіонерства могъ замѣнить ихъ всѣхъ. Такого помощника они неожиданно пріобрѣли въ лицѣ одного молодаго и даровитаго персіанина Мухаммеда-Али-бея (род. 1802 ум. 1870 г.). Будучи сыномъ одного изъ ученыхъ персидскихъ муллъ, онъ съ раннихъ лѣтъ, подъ руководствомъ отца и нѣкоторыхъ знаменитыхъ персидскихъ ученыхъ, началъ заниматься мухаммеданскою наукою и въ короткое время, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, ознакомился съ нею въ высшей степени основательно. Въ 1819 г. будучи еще только 18 лѣтъ, онъ уже пытался выступить на литературное поприще въ качествѣ самостоятельнаго автора (1). Прибывъ вслѣдъ за отцомъ своимъ въ Астрахань, въ 1821 г., онъ вскорѣ познакомился здѣсь съ шотландскими миссіонерами и, какъ человѣкъ любознательный и какъ ихъ учитель въ турецкомъ языкѣ, вошелъ съ ними въ самыя близкія отношенія. Частыя бесѣды съ миссіонерами, раздраживъ въ немъ любознательность и затронувъ ученое самолюбіе, внушили ему мысль заняться изученіемъ всѣхъ религій и особенно христіанства съ цѣлію доказать превосходство мухаммеданства предъ всѣми другими религіями. Но это изученіе вскорѣ привело его къ совершенно инымъ результатамъ. Онъ убѣдился въ истинѣ христіанства и крестился, принявъ имя Александра Казембека около 1822 г. (2). Это обращеніе имѣло большую важность

(1) Въ 1819 г. онъ составилъ «Опытъ грамматики арабскаго языка» на арабскомъ же языкѣ, а въ 1820 г написалъ: «Муамма-ва-Лугазъ», шарады на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Протоколы совѣта с.-петербургск. университета за вторую половину 1870—1871 года № 4. стр. 101.

(2) Относительно года обращенія Казембека у насъ нѣтъ точныхъ извѣстій. Березинъ указываетъ 1821 г.; нѣмецкіе біографы относятъ это обращеніе къ 1822 и даже къ 1823 г. Нѣкоторыя подробности объ этомъ

для протестантскихъ миссіонеровъ и чрезвычайно оживило ихъ дѣятельность. Молодой, даровитый и ученый прозелитъ съ горячею ревностію принялся помогать миссіонерамъ. Въ теченіе 1822 г. онъ написалъ нѣсколько полемическихъ трактатовъ противъ мухаммеданства на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Эти трактаты распространились между мухаммеданами и произвели между ними сильное движеніе. Будучи написаны знатокомъ мухаммеданства и бывшимъ мухаммеданиномъ, эти трактаты естественно должны были возбуждать особенный интересъ въ мухаммеданахъ и могли имѣть на нихъ болѣе плодотворное вліяніе, чѣмъ подобные же трактаты, написанные христіанскими миссіонерами. Мухаммеданскіе муллы сочли нужнымъ принять мѣры для огражденія своихъ единовѣрцевъ отъ вліянія сочиненій Казем-бека. Одинъ изъ этихъ муллъ, славившійся въ то время своею ученостію на сѣверѣ Персіи, Ходжи-молла Риза въ 1822 г. въ Тебризѣ написалъ на персидскомъ языкѣ обширное возраженіе на трактаты Казем-бека объ истинѣ христіанской религіи, опроверженіе, надѣлавшее большаго шуму среди мухаммеданъ. Но Казем-бекъ съ своей стороны не оставилъ возраженія безъ опроверженія. Опроверженіе было составлено имъ тоже на персидскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Джеваби-рисалэи хаджи молла Риза“—отвѣтъ на трактатъ хаджи Моллы Ризы — и въ концѣ 1824 года послано къ тебризскому ученому (1). Неизвѣстно впрочемъ, какое дѣйствіе имѣла эта полемическо-литературная дѣятельность Казем-бека въ пользу христіанства на ученыхъ иностранныхъ мухаммеданъ, но что касается до мухаммеданъ астраханскихъ, то ихъ эта дѣятельность только озлобляла. Родные и соплеменники сильно возненавидѣли его и эта ненависть становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе возрастали его извѣстность и вліяніе. Вслѣдствіе этого положеніе Ка-

---

обращеніи находятся въ указанныхъ выше протоколахъ совѣта с.-петерб. университета, въ статьѣ Березина стр. 100—130 и въ протоколахъ совѣта казанской духовной академіи за 1871 г. стр. 51—55.

(1) «Отличный списокъ этого непапечатаннаго отвѣта находится въ библіотекѣ с.-петербургскаго университета, куда онъ поступилъ въ числѣ рукописей, проданныхъ Казем-бекомъ казанскому университету». Березинъ. Прот. сов. с.-петерб. унив. № 4. стр. 102.

земъ-бека въ Астрахани дѣлалось съ каждымъ годомъ затруднительнѣе и невыносимѣе. Это-то обстоятельство по всей вѣроятности главнымъ образомъ и заставило его прекратить свою миссіонерскую дѣятельность и оставить Астрахань. Отвѣтъ на трактатъ хаджи моллы Ризы былъ послѣднимъ его полемическимъ сочиненіемъ противъ мухаммеданства. Въ 1825 г. онъ оставилъ Астрахань, чтобы ѣхать на должность учителя татарскаго языка въ Омскъ, но на пути былъ остановленъ въ Казани, гдѣ былъ потомъ профессоромъ университета и первымъ преподавателемъ мухаммеданскихъ языковъ при миссіонерскомъ противумухаммеданскомъ отдѣленіи въ казанской духовной академіи.

Обращеніе Казем-бека и его миссіонерская, хотя и кратковременная, дѣятельность составляютъ послѣдній и почти единственный свѣтлый эпизодъ въ исторіи протестантской противумухаммеданской миссіи въ Россіи. Дѣла миссіонеровъ среди мухаммеданъ собственно русскихъ шли попрежнему очень дурно. Они не поправились и тогда, когда жившіе до сихъ поръ въ Астрахани базельскіе миссіонеры (1) начали самостоятельную дѣятельность. Изучивъ въ Астрахани подъ руководствомъ Казем-бека татарскій языкъ, познакомившись съ мѣстностію и принявъ къ свѣдѣнію опыты шотландцевъ, базельцы мѣстомъ для главнаго стана своей миссіи избрали Шушу, столицу бывшаго карабахскаго ханства, сплошь почти населеннаго татарами, которые въ очень значительной степени подчинялись здѣсь вліянію персовъ (2). Сюда скоро прибыла изъ Базеля новая масса миссіонеровъ. Здѣсь построено было училище, заведена типографія, въ которой миссіонеры начали печатать на турецко-татарскомъ и новоармянскомъ языкахъ новый завѣтъ и разные полемическіе трактаты противъ мухаммеданства. Кромѣ Шуши мѣстами дѣятельности базельскихъ миссіонеровъ были: шотланд-

---

(1) Базельскіе миссіонеры старались приписать себѣ обращеніе Казем-бека, хотя могли быть только его свидѣтелями. Что Казем-бекъ былъ обращенъ англійскими и именно шотландскими миссіонерами, это довольно ясно видно уже изъ того, что Казем-бекъ былъ пресвитеріанскаго исповѣданія и не зналъ почти вовсе нѣмецкаго языка между тѣмъ, какъ съ англійскимъ былъ знакомъ, какъ своимъ природнымъ.

(2) Русск вѣстн. 1866. октябрь. стр. 492—593.

ская колонія Карасцъ, куда посланъ былъ Лангъ, колонія Маджаръ, гдѣ дѣйствовалъ Кэнигъ, и винтембергская колонія близъ Тифлиса, гдѣ дѣйствовалъ Зальтэтъ. Подробностей о дѣйствіяхъ этихъ миссіонеровъ мы не имѣемъ, но сами же нѣмецкіе историки сознаются, что всѣ ихъ дѣйствія особенно по отношенію къ мухаммеданамъ татарамъ были совершенно безуспѣшны. „Лангъ неутомимо путешествовалъ по странѣ, находилъ даже радушный пріемъ вездѣ, но никакого расположенія къ познанію имени Христа. Не успѣшнѣе дѣйствовалъ и миссіонеръ Кэнигъ около 1827 г. въ отдаленной колоніи Маджаръ. Сепаратистическая винтембергская колонія въ Грузіи также ничего не могла сдѣлать для окрестныхъ мухаммеданскихъ татарскихъ ордъ. Эта колонія сама едва была приведена базельскими миссіонерами и проповѣдниками къ миру и къ нѣкоторому общинному церковному устройству, такъ что и не могло быть и рѣчи о вліяніи на татаръ и черкесовъ“ (1). Такая безуспѣшность неудивительна, если принять во вниманіе, что базельскіе миссіонеры дѣйствовали по тому же плану и въ томъ же духѣ, какъ и шотландскіе миссіонеры, что отношеніе мухаммеданъ къ христіанамъ было такое же, какъ и прежде, и ихъ фанатическій духъ нельзя поколебать такъ скоро, какъ хотѣлось бы всѣмъ друзьямъ христіанства. Фанатизмъ мухаммеданъ и ихъ упорство приводили миссіонеровъ почти въ отчаяніе. Раздаваемые ими трактаты и книги свящ. Писанія не читались почти ни однимъ мухаммеданиномъ, увѣщанія ихъ оставались безъ всякаго дѣйствія, крестить имъ удавалось только дѣтей, которыя, выросши, часто возвращались къ своей старой религіи и разрушали всѣ возлагавшіяся на нихъ надежды. Печальную картину миссіонерской дѣятельности иностранныхъ колонистовъ между татарами въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія рисуетъ одинъ изъ русскихъ путешественниковъ того времени, Илья Радожицкій словами самихъ миссіонеровъ. Проѣзжая на кавказскія минеральныя воды чрезъ Георгіевскъ, онъ познакомился здѣсь съ однимъ изъ миссіонеровъ г-мъ П. (вѣроятно Патерсономъ) и, разговорившись съ нимъ, узналъ многія интересныя подробности о состояніи миссіи. „Г-нъ П..., будучи здѣсь

(1) Theolog. Studien und Kritiken. S. 813—814.

главнымъ изъ миссіонерскихъ братій, съ большимъ жаромъ говорилъ о христіанско-реформатской религіи и пользѣ миссіи: товарищи его разсѣяны въ Персіи между татарами и даже между черкесами и въ самыхъ ущельяхъ горъ.—Какимъ образомъ вы успѣваете обращать въ свою вѣру сихъ разбойниковъ?—спросилъ я.—„Не иначе—говорилъ онъ—какъ привлекая отъ нихъ мальчиковъ: такимъ образомъ мы обратили многихъ изъ персидскихъ и татарскихъ мальчиковъ въ христіанство. Только къ сожалѣнію, *при первомъ удобномъ случаѣ*, они опять переходятъ въ прежнее состояніе: ибо у магометанъ, сихъ фанатиковъ мусульманства, татаринъ, принявшій христіанскую религію, почитается проклятымъ и для него одно средство избавиться отъ гоненій есть переходъ опять къ своей вѣрѣ (или правильнѣе къ лжевѣрію). Муллы и вообще магомеданское духовенство причиняютъ много намъ препятствій. Они стараются внушить своимъ поклонникамъ, что христіанская вѣра дѣлаетъ людей малодушными, робкими, напротивъ, будтобы одна магомеданская возвышаетъ мужество. Эти гнусные изувѣры христіанскую кротость, смиреніе и терпѣніе почитаютъ малодушіемъ; напротивъ, ихъ воинственное неистовство, независимость и право сильнаго почитаютъ мужествомъ, великодушіемъ, оттого они столько буйны, неукротимы".—Далѣе почтенный миссіонеръ объявилъ, что главное его съ товарищами занятіе состоитъ нынѣ въ переводѣ книгъ свящ. Писанія на татарскій, кабардинскій и разныя горскія нарѣчія обитающихъ по Кавказу народовъ. Переводы они печатаютъ въ своей астраханской типографіи и развозятъ для раздачи во всѣ мѣста, куда могутъ проникнуть. Но какъ между кавказскими дикарями очень мало грамотѣевъ, или охотниковъ заниматься чтеніемъ, то *рѣдко кто изъ нихъ беретъ въ руки книги*, и болѣе изъ любопытства. Грамотные между обитателями Кавказа, говорилъ онъ, бываютъ князья, муллы, кади и нѣкоторые уздени, которые для личной пользы, находя собственный интересъ, содержатъ подданныхъ въ невѣжествѣ, не допускаютъ ни за что чрезъ перемѣну вѣры озарить ихъ истиннымъ просвѣщеніемъ; въ разсужденіи чего миссіонеры должны дѣйствовать большею частію скрытно, претерпѣвая за свое рвеніе и усердіе къ распространенію христіанства всякія отъ варваровъ ругательства и даже личныя обиды". „Съ другой стороны—прибавляетъ Радожицкій какъ-бы въ насмѣшку—видимая польза отъ

сихъ миссіонеровъ и колонистовъ здѣсь есть та, что они пріѣзжающихъ къ минеральнымъ водамъ посѣтителей снабжаютъ прекраснымъ картофелемъ“ (1). Впрочемъ слишкомъ несправедливо было бы утверждать, что протестантская миссія не приносила совершенно никакой пользы для распространенія христіанскихъ идей среди мухаммеданъ, потому что нельзя даже предполагать, чтобы ихъ школы, ихъ переводы, ихъ собесѣдованія остались совершенно безплодны и ни въ одну душу не заронили плодотворнаго евангельскаго сѣмени. Вся вина ихъ состояла въ томъ, что при томъ методѣ, которымъ они пользовались, они не могли дѣлать такихъ быстрыхъ успѣховъ, какихъ отъ нихъ ожидали и какихъ они сами желали, а при тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и тѣхъ неустройствахъ, виновниками которыхъ они большею частію были сами, могли дѣлать гораздо меньше, чѣмъ сколько были способны. Ихъ методъ могъ увѣнчаться успѣхомъ только послѣ долгаго и постояннаго проведенія и притомъ среди народонаселенія спокойнаго и неподверженнаго такимъ страшнымъ неожиданностямъ, какимъ подвергалось постоянно кавказское населеніе; между тѣмъ они дѣйствовали еще недолго, съ перерывами, непостоянно и притомъ среди разныхъ внутреннихъ неустройствъ. Тѣмъ не менѣе результаты были слишкомъ незначительны и это подало поводъ людямъ, не желавшимъ видѣть на русской территоріи иностранную миссію рядомъ съ русскою, отвергать всякую пользу протестантскихъ миссій и требовать ихъ уничтоженія, особенно когда взаимные раздоры миссіонеровъ колонистовъ начали бросать тѣнь на самую ревность ихъ и способность къ своему дѣлу. Въ 1827 году, когда неустройства въ шотландской колоніи достигли высшей степени и многія изъ членовъ ея начали разъѣзжаться за границу, такъ что русское правительство обратило на это вниманіе и хотѣло изобрѣсть мѣры къ лучшему благоустройству колоніи, А. П. Ермоловъ, тогдашній генералъ-намѣстникъ Кавказа, отозвался, что „не считаетъ выѣзда колонистовъ важнымъ ущербомъ для кавказскаго края

(1) Прогулка по кавказ. минер. водамъ. Отеч. записки 1824 г. ч. XVII. № 47. стр. 442—446.

по малой пользѣ ими приносимой“ (1) и что „допущеніе иностранныхъ миссіонеровъ (на Кавказѣ) особенно въ политическомъ отношеніи несовмѣстно для Россіи“ (2) и доложилъ, что гораздо лучше учредить на Кавказѣ русское общество распространенія православія (3). Представленіе Ермолова было въ то время уважено и дѣло объ улучшеніи быта колоніи было оставлено. Что касается до мысли объ учрежденіи общества для распространенія христіанства на Кавказѣ, то она очень понравилась государю и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланскій вошелъ по этому предмету въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ свят. Синода (4). Но въ слѣдующемъ году (1828 г.) вопросъ объ улучшеніи быта шотландской миссіонерской колоніи возбужденъ былъ снова и рѣшенъ въ смыслѣ обратномъ и благопріятномъ для протестантовъ. Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ о новомъ устройствѣ шотландской колоніи, въ отношеніи миссіонерскихъ тенденцій ея постановилъ слѣдующее: „что касается до втораго предмета (т. е. миссіонерства членовъ колоніи), то главнокомандующій надъ почтовымъ департаментомъ въ присутствіи комитета отозвался, что блаженныя памяти государь императоръ, даруя шотландскимъ миссіонерамъ дозволеніе водвориться въ кавказской области, изволилъ имѣть главнѣйшею цѣлію, дабы посредствомъ ихъ горскіе народы обращаемы были въ христіанство. Посему не представляется достаточныхъ причинъ къ отмѣнѣ таковаго благотворнаго желанія его величества. Отзывъ главноуправляющаго въ Грузіи генерала Ермолова, что допущеніе иностранныхъ миссіонеровъ особенно въ политическомъ отношеніи несовмѣстно для Россіи, есть мысль слишкомъ общая и къ настоящему случаю относима быть не можетъ. Напротивъ 25-лѣтнее спокойное пребываніе шотландскихъ миссіонеровъ въ кавказскомъ краѣ удаляетъ всякое на сей счетъ опасеніе. Хотя же успѣхи ихъ въ обращеніи горцевъ въ христіанскую вѣру, судя по числу обращенныхъ, и не слишкомъ велики, но тѣмъ не менѣе по-

(1) Истор. министерства внут. дѣлъ Варадинова. т. III. 142—143.
(2) Полн. собр. закон. второе. т. III. № 2517.
(3) Ibid.
(4) Варадин. т. III. стр. 143.

ложено уже сему начало. Учрежденіе россійскаго общества для образованія у насъ миссіонеровъ, хотя равнымъ образомъ весьма полезно, но общество сіе еще не учредилось, а между тѣмъ могутъ представляться случаи къ обращенію горцевъ; но при запрещеніи сего шотландскимъ миссіонерамъ оные для христіанства будутъ навсегда потеряны. Соображая все сіе, комитетъ полагаетъ: 1) Оставя шотландскую колонію при всѣхъ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, кои оной дарованы граматою 20 декабря 1806 г., не возбраняя находящимся тамъ миссіонерамъ обращенія магометанъ и язычниковъ изъ горскихъ народовъ въ свое вѣроисповѣданіе, коихъ и могутъ они потомъ содѣлывать членами ихъ колоніи. 2) Базельскимъ миссіонерамъ, находящимся въ г. Шушѣ, въ карабахской провинціи, если члены шотландской колоніи будутъ согласны принять ихъ къ себѣ, дозволить поселиться въ шотландской колоніи съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, коими они пользуются. 3) Старшинѣ сей колоніи пастору Патерсону въ уваженіе 25-лѣтнихъ трудовъ и попеченій къ пользѣ оной и тамошняго края отвесть тутъ же 1000 десятинъ земли, которую и предоставить ему на основаніи граматы въ потомственное владѣніе. 4) Девяти семействамъ крещенныхъ горцевъ и десяти семействамъ принятыхъ въ члены колоніи нѣмцевъ отвесть на томъ же основаніи по 60 десятинъ на семейство, а всего 1140 десятинъ". Далѣе постановлено было (пунктъ 8-й): „для прекращенія всякихъ несогласій между шотландскими и саратовскими колонистами раздѣлить между ними земли и самое внутреннее управленіе, предоставивъ Патерсону только завѣдываніе шотландскими колонистами, а саратовскимъ позволить выбрать общественныхъ старшинъ на общихъ правахъ, колонистамъ предоставленныхъ" (1). 15 декабря 1828 г. это постановленіе было высочайше утверждено императоромъ. Такимъ образомъ протестантскіе миссіонеры, несмотря на протесты православной партіи, остались при старыхъ своихъ правахъ и привиллегіяхъ и сдѣлались даже сильнѣе. Но ихъ миссіонерская дѣятельность не сдѣлалась отъ того успѣшнѣе. Татары попрежнему оставались глухи къ ихъ увѣщаніямъ и не выражали никакого сочувствія и интереса къ ихъ тру-

(1) Полн. собр. закон. второе. т. III. № 2517.

дамъ. Такимъ образомъ поводы упрекать протестантскую миссію въ безполезности оставались во всей своей силѣ. Даже болѣе: явились причины считать ее опасною и вредною для спокойствія государственнаго. Видя упорство мухаммеданъ, шотландскіе миссіонеры почти совершенно прекратили свою дѣятельность, а базельскіе придали своей дѣятельности характеръ, сообразный съ общимъ планомъ протестантскаго миссіонерства—ослаблять мухаммеданство на востокѣ, дѣйствуя на него окольнымъ путемъ (auf indirecte Wege), т. е., сначала обращая въ протестантство (реформируя) армянъ и другихъ восточныхъ христіанъ и потомъ чрезъ нихъ уже дѣйствуя на мухаммеданъ. Базельцы посредствомъ распространенія библій и особенно посредствомъ воспитанія юношества въ духѣ протестантства начали сильную пропаганду между армянами и не безъ успѣха. Они уже приступили было къ постройкѣ большаго воспитательнаго заведенія для высшихъ классовъ общества, для нихъ уже „начала было блистать своимъ первымъ сумеречнымъ свѣтомъ надежда на реформацію армянской церкви“ (1), какъ вдругъ русское правительство положило конецъ этимъ успѣхамъ. Армянскій католикосъ, замѣтивъ успѣхи протестантской пропаганды между своими пасомыми, очень встревожился и принялъ съ своей стороны противъ нихъ мѣры. Онъ указалъ тогдашнему генералъ-намѣстнику Кавказа барону Розену на англійское вліяніе въ Персіи и на сношенія миссіонеровъ съ англійскимъ библейскимъ обществомъ. Баронъ Розенъ принялъ эти указанія къ свѣдѣнію и далъ знать объ этомъ высшему начальству, которые сочло волненіе армянъ, равно какъ и указанное ими политическое значеніе протестантской миссіи очень опасными и рѣшилось согласно съ желаніями св. Синода воспретить колонистамъ заниматься пропагандою между русскими подданными. Въ 1835 г., подъ предлогомъ изысканія мѣръ къ устройству шотландской колоніи, заведено было по этому предмету дѣло о мѣрахъ къ устройству шотландской колоніи у кавказскихъ горъ и относительно предоставленія членамъ сей колоніи и пребывающимъ въ Шушѣ базельскимъ миссіонерамъ права обращать мухаммеданъ и язычниковъ въ свое вѣроисповѣданіе. „Ко-

(1) Theolog. Studien und Kritik. 1863. 4 Hef. S. 184.

митетъ министровъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашелъ, что главное заключающееся въ немъ обстоятельство есть право, предоставленное шотландскимъ колонистамъ, обращать мухаммеданъ и язычниковъ въ свое вѣроисповѣданіе и умножать чрезъ то число членовъ колоніи.—По предмету сему комитетъ не могъ не замѣтить, что дѣйствія колонистовъ впродолженіе 35 лѣтъ, со времени дарованія имъ означеннаго права, ограничились лишь обращеніемъ 9 горцевъ и что съ 1828 г., когда право то имъ вновь подтверждено, не обращено ими ни одного человѣка, между тѣмъ какъ проповѣдниками осетинской коммиссіи втеченіе 17-ти лѣтъ окрещено 7000 душъ; такіе ничтожные успѣхи колонистовъ совершенно убѣждаютъ, что они нисколько не занимаются миссіонерствомъ, и слѣдственно для умноженія своей колоніи не имѣютъ ни малѣйшей нужды въ дарованномъ имъ правѣ.—Что же касается до поселившихся въ Шушѣ базельскихъ миссіонеровъ, то изъ дѣла видно, что они, со времени водворенія ихъ, никого не обративъ въ христіанство, уклонились отъ настоящей цѣли своей, устремивъ виды свои на армянское юношество. Поступки ихъ возбудили со стороны армянскаго духовенства жалобы, которыя, по удостовѣреніи мѣстнаго начальства, могутъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія.—Посему комитетъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе главноуправляющаго въ Грузіи, что дѣйствія всѣхъ вообще иновѣрныхъ миссіонеровъ въ закавказскомъ краѣ должны быть, по изложеннымъ подробно въ объясненіи его причинамъ, навсегда прекращены, и имѣя сверхъ того въ виду сдѣланный въ присутствіи комитета синодальнымъ оберъ-прокуроромъ отзывъ, что правила о преобразованіи кавказскихъ духовныхъ училищъ удостоены уже высочайшаго утвержденія, а для составленія греко-россійскаго миссіонерскаго общества за Кавказомъ ожидаются только окончательныя соображенія барона Розена, которыя онъ въ бытность свою здѣсь обѣщалъ доставить немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Грузію,—считалъ, что за симъ не представится уже никакой надобности имѣть въ тамошнемъ краѣ иновѣрныхъ миссіонеровъ. — Согласно сему комитетъ положилъ... а) воспретить членамъ шотландской колоніи и водворившимся въ Шушѣ базельскимъ миссіонерамъ всякія миссіонерскія дѣйствія, предоставивъ имъ заниматься на будущее время земледѣліемъ, фабриками и ремеслами. б) Базельскимъ

миссіонерамъ для предотвращенія всякаго повода къ жалобамъ со стороны армянскаго духовенства воспретить сверхъ того принимать въ свои училища армянское юношество" (1). Это опредѣленіе было утверждено императоромъ и такимъ образомъ протестантскія миссіи среди татаръ кавказскихъ прекратили свое существованіе, не оставивъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ. Базельское общество взяло своихъ миссіонеровъ назадъ и дало имъ иное назначеніе. Большинство изъ нихъ поселилось неподалеку отъ русской границы въ турецкой и персидской Арменіяхъ. Здѣсь они продолжали *реформировать* армянскую и несторіанскую церкви, повидимому, совершенно забывъ о главной цѣли своей дѣятельности, т. е. объ ослабленіи мухаммеданства.

И вообще нынѣ на мухаммеданство западные миссіонеры обращаютъ очень мало вниманія. Западные христіане, нѣкогда столь усиленно боровшіеся съ мухаммеданствомъ, нынѣ смотрятъ на фактъ существованія и даже усиленія его совершенно, повидимому, равнодушно. Нѣкоторые, исходя изъ той мысли, что мухаммеданство, все-таки лучше язычества, смотрятъ на усиленіе его, наприм., въ Африкѣ, даже очень благопріятно и сочувственно. Утомленные неудачами, они не только примирились съ этимъ грустнымъ фактомъ усиленія мухаммеданства, но находятъ уже возможнымъ заботиться о его охраненіи и брать на себя обязанность сохраненія цѣлости той державы, которая составляетъ оплотъ мухаммеданства. О татарахъ же, нѣкогда возбуждавшихъ ревность западныхъ миссіонеровъ и нынѣ составляющихъ очень значительную часть исповѣдниковъ мухаммеданства, на западѣ нѣтъ уже и рѣчи. Такъ какъ большая часть татаръ находится въ русскомъ подданствѣ, то едвали и можно уже ожидать со стороны западныхъ миссіонеровъ какихъ бы то ни было попытокъ къ ихъ обращенію въ христіанство. Если бы эти миссіонеры и получили возможность дѣлать подобныя попытки, то, при тѣхъ способахъ миссіонерства, какіе у нихъ обыкновенны, едвали бы они имѣли какой-нибудь успѣхъ. Ихъ прежніе опыты въ этомъ родѣ достаточно показываютъ, какъ мало вѣроятенъ для нихъ этотъ успѣхъ. Во всѣхъ ихъ миссіонерскихъ дѣйствіяхъ среди татаръ замѣчается

---

(1) Полн. собр. закон. второе. т. X, № 8271.

довольно значительный недостатокъ истинной христіанской любви къ этому народу. Этотъ недостатокъ обнаруживался довольно ясно 1) въ томъ, что миссіонеры, прибывъ съ христіанскою проповѣдію къ татарамъ, очень мало однако обращали на нихъ вниманія; всю свою дѣятельность направляли на несторіанъ и другихъ восточныхъ христіанъ и, въ лучшемъ случаѣ, на татарскихъ государей, 2) въ томъ, что эти миссіонеры очень мало заботились о религіозномъ просвѣщеніи крещеныхъ татаръ, болѣе заботились о количествѣ обращеній, но не о качествѣ ихъ, болѣе заботились о себѣ, чѣмъ объ обращенныхъ ими людяхъ. Они старались слишкомъ много о томъ, какъ бы имѣть болѣе обращенныхъ и такимъ образомъ въ возможно болѣе благопріятномъ свѣтѣ выставить свои труды предъ папою или своими соотечественниками и слишкомъ мало о религіозномъ образованіи этихъ обращенныхъ. Въ продолженіе своей многовѣковой дѣятельности среди татаръ, они не успѣли сдѣлать для нихъ ни перевода св. Писанія, ни перевода богослуженія (потому что единственное извѣстіе о переводахъ Монте-Корвино очень сомнительно). Въ этомъ отношеніи западные миссіонеры, не исключая и протестантовъ, стоятъ далеко ниже восточныхъ, даже несторіанскихъ. Восточные миссіонеры всегда являлись друзьями національности: они являлись съ готовыми переводами св. Писанія, богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ; они обыкновенно давали начало національной литературѣ, искусству и т. п. Безъ сомнѣнія подобное только миссіонерство и можетъ имѣть счастливую будущность среди татаръ.

Библиотека Центрального Архива

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	3—8.
I. Средневѣковыя западныя миссіи противъ татаръ.	
Общій характеръ миссіонерства на западѣ въ средніе вѣка	9—28.
Религіозное состояніе татаръ въ XIII в. . .	29—38.
Дѣйствія западныхъ миссіонеровъ въ Чингизъ-хановой монархіи до ея раздѣленія	38—69.
Дѣйствія западныхъ миссіонеровъ среди татаръ послѣ раздѣленія Чингизъ-хановой монархіи	69—71.
А) Миссіи среди татаръ западныхъ:	
а) въ персидско-татарскомъ царствѣ.	71—92.
б) въ царствѣ кипчакскомъ	92—97.
Б) Миссіи среди татаръ восточныхъ:	
а) въ китайско-татарскомъ царствѣ .	98—120.
б) въ царствѣ джагатайскомъ . . .	120—123.
Завоеванія Тамерлана и упадокъ западныхъ миссій среди татаръ	124—133.
II. Западныя миссіи среди татаръ въ новое время.	134—135.
Характеръ новаго западнаго миссіонерства .	135—163.
Исторія западныхъ противутатарскихъ миссій новаго времени:	
а) Іезуитская миссія въ имперіи великаго монгола, въ Индіи, съ 1576 г. .	163—189.
б) Іезуитская миссія среди татаръ крымскихъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.	189—211.
в) Протестантскія миссіи среди татаръ ногайскихъ на Кавказѣ въ началѣ настоящаго столѣтія	211—241.
Заключеніе	241—242.

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГІОЗНОГО МУЗЕЯ

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	*строк.*		*напечатано:*	*должно читать:*
5,	12	*снизу:*	среднековое	средневѣковое
7,	3	—	подлинный	полный
7,	21	*сверху:*	ecclesiactisi	ecclesiastici
8,	2	*снизу:*	Schreck	Schröckh
15,	1	*сверху:*	Евагелія	Евангелія
18,	13	*снизу:*	рога твой	рога противъ своей
—	4	—	вѣкомъ.	вѣкомъ:
—	2	—	ad.	ad
—	11	*сверху:*	соладатъ	солдатъ
19,	5	—	небольшой	наибольшей
—	16	—	тенденцій	тенденцій
—	22	—	не посылали	ни посылали
—	3	*снизу:*	горячій	горящій
20,	6	*сверху:*	Мороко	Марокко
21,	1	—	исполиніемъ	исполненіемъ
24,	3	*снизу:*	вселенскомъ	Вьенскомъ
33,	10	—	по-	подать
36,	12	*сверху:*	Самарскандѣ	Самаркандѣ
37,	20	—	увелилось	увеличилось
—	10	*снизу:*	первобычнымъ	первобытнымъ
40,	4	*сверху:*	релегіи	религіи
50,	19	—	. Полагаютъ	, полагаютъ
51,	14	*снизу:*	котоный	который
55,	13	*сверху:*	Вильгельмъ,	Вильгельмъ
57,	4	—	индеферентистами	индифферентистами
61,	3	—	толматъ	толмачь
63,	13	*снизу:*	письмоиъ	письмомъ
64,	7	*сверху:*	китай	Китай
65,	8	*снизу:*	намѣстниковъ	намѣстникомъ
72,	4	—	Климентъ X	Григорій X
74,	17	—	де-Норма	де Парма
80,	7	*снизу:*	Хонши:	Ханши:
93,	4	*сверху:*	на Кавказѣ—	па Кавказѣ,
—	1	*снизу:*	успѣхамъ	успѣхомъ
95,	4	*сверху:*	подвластными	подданными
108,	13 и 14	—	Карвино	Корвино
113,	10	*снизу:*	просьбѣ	просьбы
118,	6	—	Баннемъ	Боннетъ
122,	8	—	всюду	всю
124,	7	—	опустошительны	опустошительныя
—	15	—	владычеству;	владычеству,
131,	11	—	aux.	aux
143,	17	*сверху:*	въ Топкинѣ	въ Тонкинѣ
147,	4	—	духомъ	Духомъ
153,	17	—	о началѣ	и въ началѣ
171,	12	*снизу:*	были, повидимому, средства	было, повидимому, средство

Академия наук СССР
Институт научной информации
по общественным наукам
Центральная библиотека

